

Dohnal, Josef

Русская литература XVIII века. Избранные тексты I, Хрестоматия

Русская литература XVIII века. Избранные тексты I, Хрестоматия 1. vyd.
Brno: Masarykova univerzita, 2013

ISBN 978-80-210-6495-9; ISBN 978-80-210-6498-0 (online : Mobipocket)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/128720>

License: [CC BY-NC-ND 3.0 CZ](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/cz/)

Access Date: 27. 11. 2024

Version: 20220902

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Русская литература XVIII века

*Избранные тексты I.
Хрестоматия*

Josef Dohnal

Masarykova univerzita

Brno 2013

esf evropský
sociální
fond v ČR

EVROPSKÁ UNIE

MINISTERSTVO ŠKOLSTVÍ,
MLÁDEŽE A TĚLOVÝCHOVY

OP Vzdělávání
pro konkurenceschopnost

INVESTICE DO ROZVOJE VZDĚLÁVÁNÍ

Русская литература XVIII века

Избранные тексты I. Хрестоматия

Josef Dohnal

Masarykova univerzita
Brno 2013

EVROPSKÁ UNIE

MINISTERSTVO ŠKOLSTVÍ,
MLÁDEŽE A TĚLOVÝCHOVY

OP Vzdělávání
pro konkurenceschopnost

INVESTICE DO ROZVOJE VZDĚLÁVÁNÍ

Dílo bylo vytvořeno v rámci projektu Filozofická fakulta jako pracoviště excelentního vzdělávání: Komplexní inovace studijních oborů a programů na FF MU s ohledem na požadavky znalostní ekonomiky (FIFA), reg. č. CZ.1.07/2.2.00/28.0228 Operační program Vzdělávání pro konkurenceschopnost.

© 2013 Masarykova univerzita

Toto dílo podléhá licenci Creative Commons Uveďte autora-Neužívejte dílo komerčně-Nezasahujte do díla 3.0 Česko (CC BY-NC-ND 3.0 CZ). Shrnutí a úplný text licenčního ujednání je dostupný na: <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/cz/>.

Těto licenci ovšem nepodléhají v díle užitá jiná díla.

Poznámka: Pokud budete toto dílo šířit, máte mj. povinnost uvést výše uvedené autorské údaje a ostatní seznámit s podmínkami licence.

ISBN 978-80-210-6496-6

ISBN 978-80-210-6495-9 (brož. vaz.)

ISBN 978-80-210-6497-3 (online : ePub)

ISBN 978-80-210-6498-0 (online : Mobipocket)

Obsah

Úvodem	6
Петр I Великий	8
Табель о рангах	9
Феофан Прокопович	21
О ПОЭТИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ	22
К СОЧИНИТЕЛЮ САТИР.	30
Антиох Дмитриевич Кантемир.	31
САТИРА I НА ХУЛЯЩИХ УЧЕНИЯ К УМУ СВОЕМУ	32
САТИРА II НА ЗАВИСТЬ И ГОРДОСТЬ ДВОРЯН ЗЛОНРАВНЫХ ФИЛАРЕТ И ЕВГЕНИЙ	38
САТИРА VII О ВОСПИТАНИИ К КНЯЗЮ НИКИТЕ ЮРЬЕВИЧУ ТРУБЕЦКОМУ	50
ПИСЬМО ХАРИТОНА МАКЕНТИНА К ПРИЯТЕЛЮ О СЛОЖЕНИИ СТИХОВ РУССКИХ	59
Василий Кириллович Тредиаковский	73
ЭЛЕГИЯ О СМЕРТИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО	74
СТИХИ ПОХВАЛЬНЫЕ РОССИИ	78
ФЕОПТИЯ	80
ПЕСЕНКА ЛЮБОВНА	85
ПЛАЧ ОДНОГО ЛЮБОВНИКА, РАЗЛУЧИВШЕГОСЯ С СВОЕЙ МИЛОЙ, КОТОРУЮ ОН ВИДЕЛ ВО СНЕ	86
СТИХИ, НАУЧАЮЩИЕ ДОБРОНРАВИЮ ЧЕЛОВЕКА	87
ПАСТУШОК ДОВОЛЬНЫЙ	89
НОВЫЙ И КРАТКИЙ СПОСОБ К СЛОЖЕНИЮ РОССИЙСКИХ СТИХОВ С ОПРЕДЕЛЕНИЯМИ ДО СЕГО НАДЛЕЖАЩИХ ЗВАНИЙ	90

О ДРЕВНЕМ, СРЕДНЕМ И НОВОМ СТИХОТВОРЕНИИ РОССИЙСКОМ	102
Александр Петрович Сумароков	111
ОДА ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ ПЕРЬВОЙ НА ДЕНЬ ЕЯ РОЖДЕНИЯ 1755 ГОДА ДЕКАБРЯ 18 ДНЯ	112
ОДА ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ ВТОРОЙ НА ВЗЯТИЕ ХОТИНА И ПОКОРЕНИЕ МОЛДАВИИ	117
ПРОТИВУ ЗЛОДЕЕВ	121
МОЛИТВА	122
НА СУЕТУ ЧЕЛОВЕКА	123
ЧАС СМЕРТИ	124
ОДА О ДОБРОДЕТЕЛИ	125
ГИМН О ПРЕМУДРОСТИ БОЖИЕЙ В СОЛНЦЕ	127
ОДА НА СУЕТУ МИРА	128
ПОСЛЕДНИЙ ЖИЗНИ ЧАС	130
ХОРЕВ	131
РАЗГОВОР В ЦАРСТВЕ МЕРТВЫХ: КОРТЕЦ И МОТЕЦУМА: БЛАГОСТЬ И МИЛОСЕРДИЕ ПОТРЕБНЫ ГЕРОЯМ.	157
Михаил Васильевич Ломоносов	165
РАЗГОВОР С АНАКРЕОНОМ	166
ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 1	176
ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 14	178
ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 26	179
ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 34	182
ОДА блаженныя памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года	187
ОДА торжественная Ея Императорскому Величеству Всепресветлейшей Державнейшей великой Государыне Императрице Екатерине Алексеевне,	

самодержице всероссийской на преславное Ея восшествие на Всероссийский Императорский престол июня 28 дня 1762 года	197
ПИСЬМО О ПОЛЬЗЕ СТЕКЛА	206
УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ	210
ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ ПРИ СЛУЧАЕ ВЕЛИКОГО СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ	212
ПЕТР ВЕЛИКИЙ.	214
СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НА ДОРОГЕ В ПЕТЕРГОФ,	226
ПРЕДИСЛОВИЕ О ПОЛЬЗЕ КНИГ ЦЕРКОВНЫХ В РОССИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	227
КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО К РИТОРИКЕ НА ПОЛЬЗУ ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛАДКОРЕЧИЯ	232
Михаил Матвеевич Херасков	241
ПЕСНЬ ПЕРВАЯ	248

Úvodem

Může se nám zdát, že na počátku XXI. století nemá význam ohlížet se zpět. Vše kolem nás je přece tak rychlé a tak zaměřeno na budoucnost, jsme tak neodolatelně moderní, pokrokoví, flexibilní, máme co dělat, abychom i v literatuře stíhali to nejnovější... A právě proto se domnívám, že pohled zpět je pro nás jestli ne povinností, pak určitě výzvou.

Pro ono ohlédnutí se zpět existují nejméně dva dobré důvody: Prvním z nich je fakt, že mnohé z toho, co vnímáme kolem nás, už tady dávno bylo a dávno si toho někdo všimnul. Stojí pak za to, abychom náš současný pohled porovnali s minulým – někdy až zabolí z toho, jak málo se změnilo; žijeme mnohdy jen v jiných „kulisách“, vyměnili jsme např. kočáry za auta, ale co do obvyčejného lidského bytí, myšlení a jednání, nezměnilo se téměř nic. Ačkoli jsme se mnohé dozvěděli, existenciálně řešíme každý z nás tytéž otázky, hledáme a tápeme stejně jako tehdy, i my stále obtížně a s chybami volíme mezi „dobrým“ a „špatným“... Druhým důvodem je skutečnost, že nikdo, kdo chce opravdu rozumět ruské literatuře, ruské kultuře a také tak trochu ruské historii – a to by studenti rusistiky rozhodně chtít měli, – nemůže minout některá základní jména a zásadní díla právě z literatury XVIII. století.

Žádná čítanka nemůže být úplná (pak už by to také nebyla čítanka). Do té „naší“ jsem se snažil včlenit připomenutí autorů, kteří jsou pro poznání vývoje ruské literatury v XVIII. století stěžejní. Z jejich děl jsem pak vybíral ta, která jsou pro ně a pro vývoj ruské literatury co do žánrů i témat typická. Najdeme tu tedy poezii, prózu i drama, zastoupeny jsou texty vážné i méně vážné, satira „kousavá“ i uměřená, nechybějí texty svědčící o zájmu o teorii literatury stejně jako texty zavděčující se mocným, ale i texty, ve kterých se jejich autoři zamýšlejí nad smyslem světa, nechybějí ani předchůdci toho, čemu bychom dnes asi říkali „červená knihovna“.

Protože významným prvkem, který utvářel celkové klima v ruské společnosti na počátku XVIII. století, byl reformní duch, který poněkud drasticky vnesl do zaostávajícího Ruska Petr I. Veliký, začíná čítanka neliterárním textem z jeho „dílny“. Табель о рангах je svědectvím jak jeho snahy vnést do Ruska nový pořádek, tak také rozlišovat lidi na ty, kteří jsou schopní a činorodí, a na ty druhé. Literatura jeho myšlenky podchytila a mnohdy pak prosazovala.

Ruská literatura XVIII. století je svědectvím toho, jak rychle se jejím představitelům podařilo srovnat krok s evropskými literaturami, které měly náskok.

Předkládané texty pak poukazují nejen na tematickou a žánrovou pestrost, dokumentují také vývoj ruského jazyka – v řadě textů tedy najdeme tvary, které dnes nejsou

spisovné, ba nejsou v živém jazyce vůbec. Neberme si z nich příklad, berme je však v úvahu jako doklad dobové značně rozkolísané a ke své kodifikaci teprve spějící jazykové normy.

U textů jsou uváděny i odkazy na internetové zdroje – budu rád, když některé z nich využijete a to, co je v čítance jen ve zkrácené podobě, přečtete celé; možná pak přejdete i k dílům, která nebylo možno v čítance uvést. Neuvádíme proto ani medailonky autorů, protože se domníváme, že spolehlivých zdrojů je dost a dost.

Josef Dohnal

Петр I Великий

(1672–1725)

Царем он был с 1682 года, однако действительно владел Россией с 1689 года.

В историю Россию вошел в качестве реформатора, который приблизил Россию европейским странам, модернизировал государство и его администрацию и определил пути его дальнейшего развития.

Петр I – основоположник системы образования, Академии наук, типографий,
...

Табель о рангах (1722) наводила порядок в чиновном производстве.

Создавая ее, Петр I использовал опыт европейских государств, прежде всего французского, прусского и датского.

Благодаря ей появляется и для чиновников, которые не происходят из потомственных дворян, возможность продвинуться в высшие чины; не происхождение, а способности, талант и верная служба играли с того времени основополагающую роль в их чиновном производстве.

Познакомьтесь с названиями отдельных классов – и вы увидите, насколько сильно эти названия связаны с терминологией, принимаемой из-за рубежа.

Вы сможете назвать несколько произведений русской литературы 19-ого века, в которых писатели, характеризуя действующих лиц, приурочивают их к определенному классу по Табели о рангах?

Табель о рангах

Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше протчих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был.

24 января 1722 г.

Табель о рангах. Wikimedia Commons [онлайн] 2. 6. 2008. [вид. 2013-11-10]. Материал из: http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Tabel_o_rangah.jpg?uselang=ru

	Воинские				Статские	Придворные
	Сухопутные	Гвардия	Артиллерийский	Морские		
1	Генерал фельд-маршал			Генерал адмирал	Канцлер	
2	Генералы от кавалерии и инфантерии, штаб-галтер		Генерал фельдцейхмейстер	Адмиралы протчих флагов	Действительный тайный советник	Обер-маршал
3	Генералы лейтенанты, кавалеры [ордена] с[вятого] Андрея [Первозванного], генерал-крикс комиссар		Генерал лейтенант	Вице-адмиралы, генерал-крикс комиссар	Генерал-прокурор	Обер-стал-мейстер
4	Генералы мазоры	Полковник	Генерал мазор, генерал мазор от фортификации	Шаутбенахты, обер-цейх-мейстер	Президент от коллегий и штатс-канторы, тайные советники, обер-прокурор	Обер-гоф-мейстер, обер-камергер
5	Брегадиры, обер-шттер-крикс комиссар, генерал-правант-мейстер	Подполковники	Подполковники от артиллерии	Капитаны командоры, капитан над портом Кроншлотским, обер-сарваер от строения карабельного интендант-цейх-мейстер, обер-шттер-крикс комиссар	Геролд-мейстер, генерал-рекетен-мейстер, обер-церемоний-мейстер или вышней надзиратель лесов, вице-президенты от коллегий, генерал-полицей-мейстер, директор от строений, генерал-пост-директор, архиатер	Гоф-мейстер, обер-гоф-стал-мейстер, тайный кабинет-секретарь, обер-гоф-мейстер при ее величестве императрице, обер-шенк

6	Полковники, казначеи, обер правянт мейстер, обер комиссар, генералы адъютанты, прокурор, генералы квартир мейстеры лейтенанты	Мазоры	Подполковники от артиллерии, полковники инженеры, обер комиссар	Капитаны первого ранга капитаны над другими портами, сарваэр корабельной, прокурор, интендант партикулярной верфи в Питербурхе, казначеи, обер правянт мейстер, обер камисар	Прокуроры в коллегиях статских, президенты в надворных судах, канцелярии тайные советники Иностранной коллегии, обер секретарь Сената, штатс камисар, обер рент мейстер в резиденции, советники в коллегиях	Штал мейстер, действительные камергеры, гоф маршал, обер ягер мейстер, первый лейб медикус
7	Подполковники, генералы аудиторы, генералы правянт мейстеры лейтенанты, генералы ваген мейстеры, генералы гевалдигеры, генералы адъютанты при генерале фелт маршале, конгролоп	Капитаны	Мазоры, подполковники инженеры, обер контролор	Капитаны второго ранга, контролор	Вицепрезиденты в надворных судах; Воинской, Адмиралтейской, Иностранной коллегии, обер секретарии; эскуатор при Сенате, обер фискал государственной, прокуроры при надворных судах, церемонии мейстер	Гоф мейстер при ея величестве императрице, лейб медикус при ея величестве императрице

	Воинские				Статские	Придворные
	Сухопутные	Гвардия	Артиллерийские	Морские		
8	Маюры, генералы адъютанты при генералах полных, генералы аудиторы лейтенанты, обер квартирмейстер, обер фискал, цал майстер	Капитаны лейтенанты	Маюр инженер, капитаны, штал майстер, обер цейхвартер, контролор	Капитаны третьего ранга, корабельные мастера, цал майстер, обер фискал	Ундер стат галтер в резиденции, экономии галтер, регирунс рагы в губерниях, обер директор над пошлинами и акцизами в резиденции, обер лантрихтеры в резиденции, президент в магистрате в резиденции, обер комисары в коллегиях, ассессоры в коллегиях, обер правивант майстер в резиденции, обер секретари в прочтих коллегиях, секретари в Сенате, обер берг майстер, обер валдейн, обер минц майстер, надворной советник, надзиратель лесов, воеводы	Титулярные камертеры, гоф сталмейстер, надворной интендант
9	Капитаны, флигель адъютанты при генерале фелт маршале и при генерале полных, адъютанты при генералех лейтенантах, обер правивант майстер, генерал штап квартирмистр, обер аудиторы, полевые почтмейстеры, генералы профосы	Лейтенанты	Капитаны лейтенанты, капитаны инженеры, обер аудитор, квартирмейстер, камисары у пороховых заводов	Капитаны лейтенанты, галерные мастера	Титулярной советник; воинских двух, Иностранной коллегии секретари; обер рент майстер в губерниях, полицы майстер в резиденции, бургомистры от магистрата в резиденции быть непрременным, лантрихтеры в провинциях, профессоры при академиях, докторы всяких факултетов, которые в службе обретаются, архивари при обомх государственных архивах, переводчик и протоколист сенатские, казначей при манетном деле, ассессоры в надворных судах в резиденции, директоры над пошлинами в портах	Надворной ягер майстер, надворной церемонии майстер, обер кухен майстер, камер юнкеры

10	Капитаны лейтенанты	Ундер лейтенанты	Лейтенанты капитаны лейтенанты инженерския, аудитор цейхвартеры, обер ваген майстер, капитан над мастеровыми людьми	Лейтенанты	Секретари протчих коллегей, бургомистры от магистрата в губерниях; переводчики Воинской, Адмиралтейской, Иностранной [коллегий]; протоколисты тех же коллегей, обер экономии комиссары в губерниях, обер комиссары в губерниях, ассесоры в надворных судах в губерниях, обер цензтнер, берг майстер, обер берг пробиер	
11				Секретари карабелные		
12	Лейтенанты	Фендрики	Ундер лейтенанты, лейтенанты инженерския, фурлецкие порутчики, ваген майстеры	Ундер лейтенанты, шхипоры перваго ранга	Секретари в надворных судах и канцеляриях и /в/ губерниях, камериры при коллегиях, рагманы в резиденции, минц майстер, форштг майстер, гитен фор валтер, марк шейдер	Гоф юнкеры, надворной лекарь
13	Ундер лейтенанты, флигель адъютанты при генералех маорех		Штык юнкеры, ундер лейтенанты инженерския		Секретари в провинциях, механикус, пост майстеры в Санкт-Питербурхе и в Риге	
14	Фендрики, флигель адъютанты при генералех лейтенантех и у брегадиров, штап фуриеры		Инженерския фендрики	Камисары карабелные, шхипоры втораго ранга, канстапели	переводчики } коллежские актуариус } сенатские регистратор	Надворной уставщик, гофмайстер пажев, гоф секретарь, надворной библиотекарь, антиквариус, надворной камерир, надворной аудитор, надворной квартир майстер, надворной аптекарь, шлос фохт, надворной цейх майстер, кабинет куриеры, мунг шенк, кухен майстер, келлер майстер, экзерцией майстер, надворной балбир

Ко учрежденной вышеобъявленной табели рангов прилагаются сии пункты, каким образом со оными рангами каждому поступать надлежит.

1. Принцы, которые от нашей крови производят, и те, которые с нашими принцессами сочтанны: имеют при всяких случаях председательство и ранг над всеми князьями и высокими служители Российского государства.
2. Морские же с сухопутными в команде определяются следующим образом: кто с кем одного ранга, хотя и старее в чину, на море командовать морскому над сухопутным, а на земли сухопутному над морским.
3. Кто выше своего ранга будет себе почести требовать, или сам место возмет выше данного ему ранга, тому за каждой случай платить штрафу 2 месяца жалованья. А ежели кто без жалованья служит, то платить ему такой штраф, как жалованья тех чинов, которые с ним равного рангу, и действительно жалованье получают. Из штрафных денег имеет объявитель того третью долю получать, а досталныя имеют в гошпиталь употреблены быть. Но сие осмотрение каждого рангу не в таких оказиях требуется, когда некоторые яко добрыя друзья и соседи съедутся, или в публичных асамблеях, но токмо в церквах при службе божией, при дворовых церемониях, яко при аудиенции послов, торжественных столах, в чиновных съездах, при браках, при крещениях, и сим подобных публичных торжествах и погребениях. Равной же штраф и тому следует, кто кому ниже своего рангу место уступит, чего надлежит фискалом прилежно смотреть, дабы тем охоту подать к службе, и оным честь, а не нахалом и тунеядцом получать. Вышеписанной штраф как мужескому, так и женскому полу необходимо за преступления надлежит.
4. Под равным штрафом, не имеет никто рангу себе требовать, пока он на свой чин надлежащаго патента показать не имеет.
5. Также не имеет никто ранг взять по характеру, которой он в чужих службах получил, пока мы ему онаго характера не подтвердили, которое подтверждение мы каждому по состоянию его заслуг охотно жаловать будем.

6. Без патента апшит никому не дает ранга, разве оной апшит за нашу рукою дан будет.
7. Все замужные жены поступают в рангах, по чинам мужей их. и когда они тому противно поступят, то имеют они штраф заплатить такой же, как бы должен платить муж ее был за свое преступление.
8. Сыновьям российского государства князей, графов, баронов, знатнейшего дворянства, также служителей знатнейшего ранга, хотя мы позволяем для знатной их породы или их отцов знатных чинов в публичной асамблеи, где двор находится, свободной доступ пред другими нижняго чину, и охотно желаем видеть, чтоб они от других во всяких случаях по достоинству отличались; однако ж мы для того никому какова рангу не позволяем, пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут, и за оныя характера не получат.
9. На сопротив того, имеют все девицы, которых отцы в 1-м ранге, пока они замуж не выданы, ранг получить над всеми женами, которые в 5-м ранге обретаются, а имянно, ниже генерала-маэора, а выше брегадира. и девицы, которых отцы во 2-м ранге, над женами, которые в 6-м ранге, то есть ниже брегадира, а выше полковника. А девицы, которых отцы в 3-м ранге, над женами 7-го ранга, то есть ниже полковника, а выше подполковника. и прочие, против того, как следуют ранги.
10. Дамы и девицы при дворе имеют, пока они действительно в чинах своих обретаются, следующие ранги получить:
 - Обер гофмейстерина у ея величества государыни императрицы имеет ранг над всеми дамами.
 - Действительные стац дамы у ея величества государыни императрицы следуют за женами действительных тайных советников.
 - Действительные камер девицы имеют ранг с женами президентов от коллегии.
 - Гоф дамы – с женами брегадиров.
 - Гоф девицы – с женами полковников.
 - Гоф мейстерина и наших цесаревен – с действительными стац дамами, которые при ее величестве императрице.

Камер девицы при государынях цесаревнах следуют за гоф дамами при ее величестве государыне императрице.

Гоф девицы государынь цесаревен следуют за гоф девицами при ее величестве государыне императрице.

11. Все служители российские или чужестранные, которые осми первых рангов находятся, или действительно были, имеют оных законные дети и потомки в вечныя времена лутчему старшему дворянству во всяких достоинствах и аванжажах равно почтены быть, хотя б они и низкой породы были, и прежде от коронованных глав никогда в дворянское достоинство произведены или гербом снабдены не были.
12. Когда кто из наших высоких и нижних служителей, два чина и более действительно имеет, или выше ранг получил, нежели по чину, которой он действительно управляет, то имеет он при всяких случаях ранг вышнего его чину. Но когда он в нижнем чину свое дело отправляет, то не может он тогда на том месте своего вышнего рангу или титла иметь, но по оному чину, которой он действительно отправляет.
13. Понеже статские чины прежде не были распорядены, и для того почитай никто или зело мало чтоб кто надлежащим порядком с низу свой чин верхней заслужил из дворян, а нужда ныне необходимая требует и в вышние чины: того ради брать, кто годен будет, хотя б оной и никакого чина не имел. Но понеже сие в рангах будет оскорбительно воинским людям, которые во многие лета, и какую жестокою службою оное получили, а увидят без заслуги себе равного или выше: того ради кто в которой чин и возведен будет, то ему ранг заслуживать летами, как следует. Чего для надлежит из Сенату, кто в какой чин в статской не по порядку с низу пожалован будет нынешней ради нужды с котораго времени, давать имена их обор фискалу, дабы могли фискалы смотреть, чтоб исполняли в рангах по сему указу. и дабы впредь на вакансии не стороны хватать, но порядком, как в воинских чинах производятца. Того ради надлежит ныне иметь в статских коллегиях по 6 или по 7 человек коллегеи юнкеров, или меньше. А ежели более надобно, то с докладу.

14. Надлежит дворянских детей в коллегиях производить снизу: а имянно, перво в коллегии юнкеры, ежели ученые, и освидетельствованы от коллегии, и в Сенате представлены, и патенты получили. А которые не учились, а нужды ради и за оскудением ученых приняты, тех перво в титулярные коллегии юнкеры писать, и быть им те годы без рангов, которым нет рангов до действительнаго коллегии юнкарства.

	годы	месяцы
против капрала	1	
против сержанта	1	
против фендрика	1	6
против порутчика	2	
против капитана	2	
против маэора	2	
против подполковника	2	
против полковника	3	6

Карпоралские и сержантские лета зачитать тем, которые учились и выучились подлинно, что коллежским правлениям надлежит.

А имянно, что касается до праваго суда, также торгам внешним и внутренним к прибыли Империи и экономии, в чем надлежит их свидетельствовать.

Которые обучатца вышеписанным наукам, тех из коллегии посылать в чужие края по несколку, для практики той науки.

А которые знатные услуги покажут, те могут за свои труды производитца ранги выше, как то чинитца и в воинской службе, кто покажет свою какую выслугу. Но сие чинить в Сенате толко, и то с подписанием нашим.

15. Воинским чинам, которые дослужатся до обер офицерства не из дворян, то когда кто получит вышеписанной чин, оной суть дворянин, и его дети, которые родятца в обор офицерстве, а ежели не будет в то время детей, а есть прежде, и отец будет бит челом, тогда дворянство давать и тем, толко одному сыну, о котором отец будет просить. Протчие же чины, как гражданские, так и придворные, которые в рангах не из дворян, оных дети не суть дворяна.

16. и понеже никому кроме нас, и других коронованных глав принадлежит, кого в дворянское достоинство гербом и печатью пожаловать, и насупротив того многократно оказалось, что некоторые себя дворянами сами называют, а подлинно не суть дворяня, иные же своевольно герб приняли, котораго предки их не имели ниже от предков наших, или от иностранных коронованных глав им дан, и при том смелость приемлют иногда такой герб изобрать, которой владеющие государи и иные знатнейшие фамилии действительно имеют. Того ради мы тем, до которых сие касается, чрез сие милостиво напоминаем, чтоб каждый от такого непристойнаго поступка, и от того возпоследующаго безчестья и штрафованя впредь остерегался. Каждому объявляется, что для сего дела определили мы геролдмейстера. и тако надлежит всем для того дела к нему приходить, и доношении подавать, и решения требовать, как следует: кто имеет дворянство, и на оное гербы, дабы доказывали, что они или предки их от какого надданиа имели, или чрез предков наших или нашу милостию во оную честь приведены. Буде же кто того подлинно вскоре доказать не может: то таковым давать сроку на полтора года. А потом требовать, дабы подлинно доказал. и ежели не докажет, (а объявит за чем подлинно) о том доносить Сенату; а в Сенате о том разсмотря, доносить нам.

Буде же кто будут просить за явныя службы о наддании, то о службах того справливатца. и буде из таковых явятца подлинно заслуженые, и о том доносить Сенату ж, а Сенату представлять нам же. А которые дослужились до обор офицерства, русской или иноземец, как из дворянства, так и не из дворянства, тем давать гербы смотря по заслугам. А которые хотя в воинской службе и не были, и ничего не заслужили, а могут доказать не менши ста лет: и таким гербы давать же.

В нашей же службе обретающиеся чужестранные люди, имеют или своими дипломами, или публичными свидетелствами от правительства их отечества, свое дворянство и герб доказать.

17. Также нижеписанные чины, а имянно: президенты и вицепрезиденты в надворных судах, обер ландрихтеры в резиденции, президент в магистрате в резиденции, обер комисары в коллегиях, воеводы, обер рентмейстеры и ландрихтеры в губерниях и в провинциях, казначеи при манетном деле, директоры над пошлинами в портах, обер экономии камисары в губерниях, обер камисары в губерниях, ассесоры в надворных судах в губерниях, камериры при коллегиях, ратманы в резиденции, почт мейстеры, камисары при коллегиях, камериры в провинциях, земские камисары, ассесоры в провинциальных судах, земские рентмейстеры, не надлежит за вечный чин почитать, но за уряд, как вышеписанным, так и им подобным: ибо оные не суть чины: того ради ранг иметь должны, пока они действительно у своего дела обретаются. А когда переменяются или оставятся, тогда того ранга не имеют.
18. Те, которые за тяжкие преступления отставлены, публично на площади наказаны, или хотя толко обнажены, или пытаны были, оные лишены от имевшаго титла и рангу, разве они от нас за какия выслуги паки за собственною нашею рукою и печатью в совершенную их честь возставлены, и о том публично объявлено будет.

Толкование о пытаных

В пытке бывает, что многие злодеи, по злобе, других приводят: того ради, которой напрасно пытан, в безчестные причестья не может, но надлежит ему дать нашу грамоту со обстоятельством его невинности.

19. Понеже такожде знатность и достоинство чина какой особы часто тем умаляется, когда убор и прочей поступок тем не сходствует, якоже на супротив того многия разоряются, когда они в уборе выше чина своего и имени поступают: того ради напоминаем мы милостиво, чтоб каждый такой наряд, экипаж, и либрею имел, как чин и характер его требует.

По сему имеют все поступать, и объявленного штрафования и вящшаго наказания остерегаться.

Дан за подписанием нашей собственной руки, и государственною нашею печатью в резиденции нашей.

Петр

Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т.4.
Законодательство периода становления абсолютизма.
Отв. ред. А. Г. Маньков. Москва Юридическая 1986.
http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Tabel_o_rangah.jpg?uselang=ru

Феофан Прокопович

(1681–1736)

В русском классицизме, как и в классицизме вообще, подчеркивается роль разума, рациональной системы, воспитания к долгу, к принятию правил, к их соблюдению.

То же самое мы можем наблюдать и в области поэтики, т.е. поисков определенных основ художественного творчества. Важным вопросом оказывается и вопрос о смысле, пользе литературы для общества. Авторы XVIII-го века часто обращаются к античной традиции и к ее выдающимся представителям.

Читая текст, следите за тем, как проявляются в нем выше приведенные тенденции. Найдите определение классицизма как литературного течения – как и чем конкретно проявляются характеристики классицизма в тексте Феофана Прокоповича?

О ПОЭТИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ

(отрывки)

КНИГА I В КОТОРОЙ ИЗЛАГАЮТСЯ ОБЩИЕ ПРАВИЛА, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ОБРАЗОВАНИЮ ПОЭТА

ГЛАВА I ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ПРЕВОСХОДСТВО и ПОЛЬЗА ПОЭТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

Что передают о начале Нила, славной египетской реки, почти то же можно сказать и о происхождении поэзии. Говорят, что Нил скрыл свою главу (как это мы читаем у Овидия; *Метаморфозы*, II), потому что неизвестно, откуда он начинается. Не менее сокрыты от человеческого знания и памяти людей и начатки поэзии, но не потому, что это искусство — самое славное из всех — неприметно, а потому, что оно уводит исследователей его происхождения в такую древность, что всякий предполагаемый творец, оказывается, жил позже него... Уже задолго до потопа и немного спустя после самого начала мира Юбал сын Ламехов назван в Писании зачинателем пения под кифару (*Бытие*, гл. IV). Но необходимо было сперва петь человеческим голосом, как инструментом более близким и естественным, чем кифара. Песни же без стиха, т. е. без известного числа звуков, связанного с напевом, не могло быть. Итак, начало поэзии было древнее, чем сам Юбал, и даже нет никакого сомнения, что она возникла у первого человека при самом сотворении мира. и я полагаю, что ...если рассматривать только Природу, то убедишься, что чувство человеческое, в образе любви, было первым творцом поэзии. Ведь любящие либо охвачены томлением по желанному предмету, либо радостью обладания. и тогда-то и возникает из-за страстного нетерпения стремление к каким-то нежным жалобам. После же достижения желаемого, сейчас же, бурно, не отдавая себе отчета, радуются, ликуют, пляшут и начинают петь, даже неволью. Отсюда, очевидно, и возникла песня; но в обоих случаях (как это ясно при внимательном рассмотрении) душу охватывает некое неистовство, которое и является зародышем поэтического замысла...

Таким образом, поэзия, возникнув в колыбели самой природы, и течение многих веков постепенно, как это бывает, набирала силы... Во-первых, сам предмет,

которым обычно занимается поэзия, придает ей огромную важность и ценность. Поэты сочиняют хвалы великим людям и память о их славных подвигах передают потомству... Затем многие поэты поведали о тайнах природы и о наблюдениях над движением небесных светил...

Столь великому значению поэзии не могут повредить и некоторые срамные стихотворения, сочиненные людьми с большим, но бесстыдным дарованием... При внимательном рассмотрении ты заметишь, что, как и наглom их стихоплетстве нет ничего трудного, так нет и ничего хорошего и даже никакого искусства. Ведь для человека, размягшего от любовного безумия, нет ничего легче как перебирать и в мыслях, и словесно все эти забавные садики, ручейки, цветочки, набеленные щеки, убранные золотом волосы и тому подобные изящные пустяки. Это и грубая чернь, возбужденная оводом похоти, дико распевает повсюду по деревьям и на перекрестках. Но подобный вздор, хотя бы и сочиненный весьма даровитым человеком, следует назвать скорее песенками распутных бабенок или чем угодно другим, но не поэтическим произведением. и я не опасаясь, что мне поставят здесь на вид некоторых древних писателей, по всеобщему мнению причисленных к поэтам, которые, однако, сочиняли весьма непристойные стихотворения, как например Плавт, Катулл, Овидий, Марциал и другие. Все они ради других своих благопристойных произведений удостоились называться поэтами. Впрочем, я решительно заявляю, что они во многом погрешили против искусства, которому они себя посвятили, поскольку в своих нечистых произведениях оскверняли поэзию и вредили нравственной стороне человеческой жизни. Ведь они поступали против назначения поэзии, а это назначение, согласно Горацию, заключается в том, чтобы или приносить пользу, или услаждать, или обоими этими способами оказывать людям помощь в жизни. и когда Гораций сказал „услаждать”, то, если хочешь понять, что такое истинное услаждение, назови это услаждение здравым, а не заражающим...

Итак, даже по самому своему содержанию поэзия, приобретает большую ценность. Добавь к этому и то, что великий светоч ума человеческого — философия — либо рождена, либо вскормлена поэзией. Ведь те, кто писал о различных философских школах и направлениях, утверждают, что первая и древнейшая философия была поэтической, т. е. что все те истины, которые людям издревле удавалось отыскивать путем философствования, они излагали другим под покровом песен и сказаний...

Все это вполне достаточно доказывает значение поэзии, а еще более значительной делает ее та великая польза, которая обильно проистекает от нее на благо

людей. Из произведений поэтов мы познаем и гражданский, и военный образ жизни... При этом поэты прививают добродетели душе, искореняют пороки и делают людей, раз они избавлены от вожделений, достойными всякого почета и хвалы. и они делают это тем легче и успешнее, что стихи их в силу наслаждения, порождаемого размером и стройностью, охотнее слушаются, с большим удовольствием прочитываются, легче заучиваются, глубоко западая в души.

Еще более удивительно то, что даже сатиры их и нападки, т. е. более резкий и горький род лекарства, окутанные вымыслом и стихом, словно медом и нектаром, становятся приемлемыми. Цицерон полагал даже, что поэзия помогает самой риторике, и утверждал невозможность совершенного красноречия без знакомства с поэзией...

ГЛАВА II
НЕОБХОДИМОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА.
ЗАМЕЧАНИЕ О НАЗВАНИИ.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИРОДЫ, ПРЕДМЕТ и НАЗНАЧЕНИЕ ПОЭЗИИ

I. Необходимость поэтического искусства

Говоря о происхождении нашей способности, мы возвели ее к первоначалам самой природы, которые древнее всякого искусства. По старинному взгляду, некое божественное и небесное вдохновение побуждает поэтов писать стихи, и обычно принято даже говорить, что поэтом надо родиться, оратором же можно стать. Тем не менее, и в этом искусстве весьма необходимы определенные правила и наставления. Мало того, даже следует сказать, что и этот пресловутый, как говорят, небесный порыв, который одни прозвали восторженностью, а другие энтузиазмом, без помощи наставников окажется, если верить Горацию, бесполезным (О поэтическом искусстве, 409):

Я не вижу, к чему бы

Наше учение было без дара и дар без науки?

Гений природный с наукой должны быть в согласьи взаимном.

И то, что Гермоген в своих книгах по риторике говорит об ораторе, я решительно утверждаю относительно поэта: именно, скорее может делать ошибки человек одаренный, но неискусный, чем менее одаренный, по проникшийся правилами

искусства. Поэтому многие люди, по-видимому, слишком полагаются на дарование и, словно необъезженные кони, сбросив узду искусства, несутся, охваченные скорее безумием, чем этим пресловутым священным и ученым вдохновением. Мы учимся на их примере: искусство, утвержденное определенными правилами и наставлениями, не только полезно поэту, но прежде всего необходимо.

II. Замечание о названии

Далее, слово поэт, поэма и поэзия произведено от греческого слова „poiein“, что означает „творить“ или „сочинять“, отсюда и поэта, если бы это было в обычае, правильно можно было бы называть „творцом“, „сочинителем“ или „подражателем“. Ведь выдумывать или изображать — означает подражать той вещи, снимок или подобие которой изображается. Отсюда и образ именуется изображением. А то, что лишь одна эта область искусства называется поэзией, хотя по своему значению это название подходит и прочим искусствам, получилось путем антономасии, именно, по причине выдающейся способности творческого воображения у поэтов...

III. Определение природы поэзии

Природа поэзии соответствует ее имени. Ведь поэзия есть искусство изображать человеческие действия и художественно изъяснять их для назидания в жизни. Из этого определения видно, что поэзия совершенно отлична от истории и от диалогизмов филологов (с которыми у нее есть нечто общее). История ведь просто повествует о подвигах и не воспроизводит их посредством изображения. Диалогисты же воспроизводят и изображают, но делают это не стихами, а в прозаической речи. Поэт же, имя которому „творец“ и „сочинитель“, должен слагать стихи, придумывать содержание, т. е. воспевать вымышленное.

IV. Предмет

Из этого объяснения природы поэзии можно легко узнать, в чем состоит предмет, которым она занимается. Хотя Цицерон (Об ораторе, I) отмечает, что к области поэзии принадлежит все то, о чем можно писать стихи, т. о. все то же самое, что служит предметом и ораторского искусства, том не менее, точнее рассматривая природу поэзии, мы говорим, что ее основной предмет приспособлен собственно к изображению людских действий посредством стихотворной речи.

V. Назначение поэзии

Гораций в знаменитом стихе из книги „О поэтическом искусстве“ приписывает поэзии двойное назначение—услаждение и пользу.

Или полезными быть, иль пленять желают поэты.

То и другое назначение, если их брать отдельно, несовершенно. Ведь стихотворение, которое услаждает, но не приносит пользы, является пустым и подобно ребячьей погремушке. То же, которое стремится быть полезным без услаждения, едва ли будет полезным. Ибо мы приступаем к чтению поэтов, увлеченные прелестью и изяществом стиля: в поисках удовольствия мы вместе с тем находим и пользу...

Поэтому и поэт возьмет для разработки то, что может принести пользу в человеческой жизни, и будет стараться таким способом вести изложение, чтобы доставить читателю наслаждение.

ГЛАВА III

ДВА НЕОБХОДИМЫХ УСЛОВИЯ, СОЗДАЮЩИЕ ПОЭТА (ЕСЛИ НЕТ ТОГО ИЛИ ДРУГОГО, ТО НАИБОЛЕЕ АВТОРИТЕТНЫЕ ПИСАТЕЛИ НИКОГО НЕ ДОПУСКАЮТ ПРИЧИСЛЯТЬ К ЧИСЛУ ПОЭТОВ): ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЫМЫСЕЛ, ИЛИ ПОДРАЖАНИЕ, и РИТМ РЕЧИ, ОСНОВАННЫЙ НА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ПРАВИЛАХ, ИЛИ СТИХОТВОРНОЕ МАСТЕРСТВО

I. Поэтический вымысел

Первое, что преимущественно требуется во всяком поэтическом произведении, это — вымысел, или подражание, если его нет, то сколько бы ни сочинять стихов, все они останутся не чем иным, как только стихами, и именовать их поэзией будет, конечно, несправедливо. Или если захочешь назвать поэзией, то назовешь ее мертвой. Ведь подражание является душой поэзии, как это ясно из определения. На этом основании Аристотель, сравнивая Гомера (который с подходящим вымыслом описал битвы и скитания Улисса) с Эмпедоклом, который и стихах написал книги о природе, так высказался о них: у Гомера нет ничего общего с Эмпедоклом, кроме стихотворного размера, поэтому первого справедливо называть поэтом, последнего же — физиологом, а не поэтом. и далее Аристотель говорит: если сочинения Геродота переложить стихами, то получится как и прежде, история, а не поэма. Философ этими словами хотел опровергнуть заблуждение многих

людей, которые полагают, что одной лишь способности слагать стихи достаточно для того, чтобы быть поэтом. Ведь история, подчиненная закону описывать подлинные события и то, как они совершались, лишена вольности измышлять правдоподобное. Поэтому, даже написанная стихами, она останется историей, а не поэмой. Под поэтическим же вымыслом, или подражанием, следует понимать не только сплетение фабул, но и все те приемы описания, которыми человеческие действия, хотя бы и подлинные, изображаются, однако, правдоподобно. По этой причине не следует исключать из числа поэтов Лукана (ведь, по свидетельству Скалигера, некоторые не считали Лукана поэтом за то, что он изображал действительные события) ...

II. Искусство стихотворное

Второе, что обязательно должно содержать всякое поэтическое произведение, — это мастерство стихотворного размера, или ритм речи, по определенному правилу, без чего также нельзя называться поэтом. Эзопу, Лукиану, Апулею, даже самому Цицерону в его диалогах и многим другим не хватает только одного, чтобы носить название поэтов, а именно — стихотворной формы. Ведь все, кто излагают свои чувствования в диалогизмах, явно пользуются поэтическим подражанием, так как они рисуют беседующих между собой лиц, изображая их разнообразные душевные и телесные движения, однако, раз они излагают все это в прозе, а не стихами, их не зовут поэтами... Ведь стихотворная форма есть как бы повозка или триумфальная колесница, на которой это многообразное изображение предметов — подражание, говорю я, или поэтический вымысел — несется ввысь и повсюду встречает все большее одобрение...

КНИГА II ОБ ЭПИЧЕСКОЙ И ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

ГЛАВА IV

у поэта с историком я не усматриваю ни в чем сходства, кроме того только, что тот и другой – повествователи. Ведь если историк иной раз употребит – не знаю как – поэтическое выражение, то это бывает редко, и этого еще мало, чтобы говорить о подлинном сродстве... Здесь я отмечу некоторые различия в обоих повествованиях.

- 1) Поэт отличается от историка самым родом речи, так как один пользуется стихотворной речью, а другой — прозаической, хотя и это различие, по мнению Аристотеля, не является слишком большим. Аристотель утверждает, что если передать стихами историю Геродота, то все же это будет история, а не поэма.
- 2) Поскольку у исторического повествования преимущественно три достоинства: краткость, ясность и правдоподобие – поэт должен соблюдать два последних, не заботясь о краткости. Мало того, он намеренно подробно распространяется там, где историк может говорить и немногих словах, за исключением более кратких повествований, которые составляют незначительную часть в поэме. Однако и здесь поэт пространнее и более подробен, чем историк.
- 3) Историк следует естественному порядку вещей и излагает сперва то, что совершалось раньше, а затем то, что случилось позже. Напротив, поэт располагает свое произведение в художественном порядке, и ему позволено начинать с конца и заканчивать началом или же ставить конец в середине, середину в начале, а начало в конце...
- 4) Стиль и украшения поэтического повествования делают его совершенно отличным от истории. Ведь поэтам предоставлена величайшая свобода отыскивать всякого рода украшения, лишь бы только они не были напыщенными и не вредили красоте. А историческое и ораторское повествование хотя и должно быть гладким, но без всяких прикрас; причем ораторское повествование более нарядно, историческое же менее отделано. Так что историк должен быть чрезвычайно осмотрителен и скуп в выборе

слов, оратор — смелее и пышнее, поэт вполне свободен и щедр. Чтобы нагляднее представить это, считай, что историческое повествование подобно какой-нибудь престарелой матроне, ораторское — царице, а поэтическое выступает, словно новобрачная, прикрашенная всякого рода изыществами. Поэтому историк сказал бы о человеке разгневанном: „он воспламенился гневом“; оратор мог бы сказать: „из-за неистовой ярости гнева, казалось, он пылал огнем“. Но только поэту пристало выразиться так:

Гнев пламенеет и скорбь в костях разгорается твердых...

- 5) Главная же разница между поэтом и историком, по наблюдению Аристотеля, заключается в том, что историк рассказывает о действительном событии, как оно произошло; у поэта же или все повествование вымышлено, или, если он даже описывает истинное событие, то рассказывает о нем не так, как оно происходило в действительности, но так, как оно могло или должно было произойти. Это все достигается благодаря вымыслу или воспроизведению, которые пора уже нам вкратце разобрать.

...

Русская литература XVIII века, 1700–1775: Хрестоматия.

Сост. В.А. Западов. – Москва 1979.

http://az.lib.ru/p/prokopowich_f/text_0040.shtml

К СОЧИНИТЕЛЮ САТИР

(Кантемиру)

I

Не знаю, кто ты, пророче рогатый;
Знаю, коликой достоин ты славы;
Да почто ж было имя укрывати?
Знать, тебе страшны сильных глупцов нравы.
Плюнь на их грозы, ты блажен трикраты.
Благо, что дал бог ум тебе, столь здравый.
Пусть весь мир будет на тебя гневливый,
Ты и без счастья довольно счастливый.

II

Объемлет тебя Аполлин великий,
Любит всяк, кто есть таинств его зритель;
О тебе поют парнасские лики,
Всем честным сладка твоя добродетель
И будет сладка в будущие веки;
А я и ныне сущий твой любитель;
Но сие за верх твоей славы буди,
Что тебе злые ненавидят люди.

III

А ты как начал течи путь преславный,
Коим книжные текли исполины,
И пером смелым мещи порок явный
На нелюбящих ученой дружины,
И разрушай всяк обычай злонравный,
Желая в людях доброй перемены.
Кой плод учений не един искусит,
А дураков злость язык свой прикусит.

Антиох Дмитриевич Кантемир

(1708–1744)

Отец А. Д. Кантемира принадлежал к тем, кто понял философию Петра I, ищущего талантливых, знающих и деловых людей и опирающегося на них.

Читая сатиры Кантемира, следите за их языком – понятен он для современного читателя? Что именно представляет собой препятствие для того, чтобы полностью понимать все выражения, которыми Кантемир пользуется?

Вы сумеете определить хоть некоторые связи языка сатир с церковнославянским языком?

Сатиры А. Д. Кантемира, хотя и исходили из принципов реформ Петра I, считались слишком злободневными и не печатались при его жизни.

Прочитав приведенные тексты сатир, определите, которые слои русского общества могли считать Кантемира своим врагом. Которые идеи, выражаемые в сатирах, не совпадали с их традиционными взглядами на устройство общества и на права дворян, на позицию церкви в обществе?

«Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских» является одним из первых произведений, которые изучают систему стихосложения.

Вы сможете определить, почему в своих сатирах и в своем теоретическом труде отдает Кантемир предпочтение поэзии? Какую роль играла именно поэзия в литературном творчестве в эпоху классицизма?

САТИРА I НА ХУЛЯЩИХ УЧЕНИЯ К УМУ СВОЕМУ

Уме недозрелый, плод недолгой науки!
 Покойся, не понуждай к перу мои руки:
 Не писав летящи дни века проводи
 Можно, и славу достать, хоть творцом не слыти.
 Ведут к ней нетрудные в наш век пути многи,
 На которых смелые не запнутя ноги;
 Всех неприятнее тот, что босы проклали
 Девять сестр. Многи на нем силу потеряли,
 Не дошед; нужно на нем потеть и томиться,
 И в тех трудах всяк тебя как мору чужится,
 Смеется, гнушается. Кто над столом гнется,
 Пяля на книгу глаза, больших не добьется
 Палат, ни расцветенна мраморами саду;
 Овцу не прибавит он к отцовскому стаду.

Правда, в нашем молодом монархе надежда
 Всходит музам немала; со стыдом невежда
 Бежит его. Аполлин славы в нем защиту
 Своей не слабу почул, чтяща свою свиту
 Видел его самого, и во всем обильно
 Тщится множить жителей парнасских он сильно.
 Но та беда: многие в царе похваляют
 За страх то, что в подданном дерзко осуждают.

«Расколы и ереси науки суть дети;
 Больше врет, кому далось больше разумети;
 Приходит в безбожие, кто над книгой тает, —
 Критон с четками в руках ворчит и вздыхает,
 И просит, свята душа, с горькими слезами
 Смотреть, сколь семя наук вредно между нами:
 Дети наши, что пред тем, тихи и покорны,

Праотческим шли следом к божией проворны
 Службе, с страхом слушая, что сами не знали,
 Теперь, к церкви соблазну, библию честь стали;
 Толкуют, всему хотят знать повод, причину,
 Мало веры подая священному чину;
 Потеряли добрый нрав, забыли пить квасу,
 Не прибьешь их палкою к соленому мясу;
 Уже свечек не кладут, постных дней не знают;
 Мирскую в церковных власть руках лишну чают,
 Шепча, что тем, что мирской жизни уж отстали,
 Поместья и вотчины весьма не пристали».

Силван другую вину наукам находит.
 «Учение, — говорит, — нам голод наводит;
 Живали мы преж сего, не зная латыне,
 Гораздо обильнее, чем мы живем ныне;
 Гораздо в невежестве больше хлеба жали;
 Переняв чужой язык, свой хлеб потеряли.
 Буде речь моя слаба, буде нет в ней чину,
 Ни связи, — должно ль о том тужить дворянину?
 Довод, порядок в словах — подлых то есть дело,
 Знатным полно подтверждать иль отрицать смело.
 С ума сошел, кто души силу и пределы
 Испытает; кто в поту томится дни целы,
 Чтоб строй мира и вещей выведать премену
 Иль причину, — глупо он лепит горох в стену.
 Прирастет ли мне с того день к жизни, иль в ящик
 Хотя грош? могу ль чрез то узнать, что приказчик,
 Что дворецкий крадет в год? как прибавить воду
 В мой пруд? как бочек число с винного заводу?
 Не умнее, кто глаза, полон беспокойства,
 Коптит, печась при огне, чтоб вызнать руд свойства,
 Ведь не теперь мы твердим, что буки, что веда —
 Можно знать различие злата, серебра, меди.
 Трав, болезней знание — голы все то враки;
 Глава ль болит — тому врач ищет в руке знаки;

Всему в нас виновна кровь, буде ему веру
 Дать хочешь. Слабеем ли — кровь тихо чрезмеру
 Течет; если спешно — жар в теле; ответ смело
 Дает, хотя внутрь никто видел живо тело.
 А пока в баснях таких время он проводит,
 Лучший сок из нашего мешка в его входит.
 К чему звезд течение числить, и ни к делу,
 Ни кстати за одним ночь пятном не слать целу,
 За любопытством одним лишиться покою,
 Ища, солнце ль движется, или мы с землею?
 В часовнике можно честь на всякий день года
 Число месяца и час солнечного восхода.
 Землю в четверти делить без Евклида смыслим,
 Сколько копеек в рубле — без алгебры счислим».

Силван одно знание слично людям хвалит:
 Что учит множить доход и расходы малит;
 Трудиться в том, с чего вдруг карман не толстеет,
 Гражданству вредным весьма безумством звать смеет.

Румяный, трожды рыгнув, Лука подпеваает:
 «Наука содружество людей разрушает;
 Люди мы к сообществу божия тварь стали,
 Не в нашу пользу одну смысла дар прияли.
 Что же пользы иному, когда я запруся
 В чулан, для мертвых друзей — живущих лишуся,
 Когда все содружество, вся моя ватага
 Будет чернило, перо, песок да бумага?
 В веселье, в пирах мы жизнь должны провождати:
 И так она недолга — на что коротати,
 Крушиться над книгою и повреждать очи?
 Не лучше ли с кубком дни прогулять и ночи?
 Вино — дар божественный, много в нем провору:
 Дружит людей, подает повод к разговору,
 Веселит, все тяжкие мысли отымает,
 Скучость знает облегчать, слабых ободряет,
 Жестоких смягчит сердца, угрюмость отводит,

Любовник легче вином в цель свою доходит.
Когда по небу сохой бразды водить станут,
А с поверхности земли звезды уж проглянут,
Когда будут течь к ключам своим быстры реки
И возвратятся назад минувшие веки,
Когда в пост чернец одну ешь станет вязигу, —
Тогда, оставя стакан, примуся за книгу».

Медор тужит, что чресчур бумаги исходит
На письмо, на печать книг, а ему приходит,
Что не в чем уж завертеть завитые кудри;
Не сменил на Сенеку он фунт доброй пудры;
Пред Егором двух денег Виргилий не стоит;
Рексу — не Цицерону похвала достоин.
Вот часть речей, что на всяк день звенят мне в уши;
Вот для чего я, уме, немее быть клуши
Советую. Когда нет пользы, ободряет
К трудам хвала, — без того сердце унывает.
Сколько ж больше вместо хвал да хулы терпети!
Трудней то, неж пьянице вина не имети,
Нежли не славить попу святую неделю,
Нежли купцу пиво пить не в три пуда хмелю.
Знаю, что можешь, уме, смело мне представить,
Что трудно злонравному добродетель славить,
Что щеголь, скупец, ханжа и таким подобны
Науку должны хулить, — да речи их злобны
Умным людям не устав, плюнуть на них можно;
Изряден, хвален твой суд; так бы то быть должно,
Да в наш век злобных слова умными владеют.
А к тому ж не только тех науки имеют
Недрузей, которых я, краткости радея,
Исчел иль, правду сказать, мог исчезеть смелея.
Полно ль того? Райских врат ключари святые,
И им же Фемис вески вверила золотые,
Мало любят, чуть не все, истинну украсу.

Епископом хочешь быть — уберися в рясу,
 Сверх той тело с гордостью риза полосата
 Пусть прикроет; повесь цепь на шею от злата,
 Клобуком покрой главу, брюхо — бороною,
 Ключку пышно повели — везти пред тобою;
 В карете раздувшись, когда сердце с гневу
 Трещит, всех благословлять нудь праву и леву.
 Должен архипастырем всяк тя в сих познати
 Знаках, благоговейно отцом называти.
 Что в науке? что с нее пользы церкви будет?
 Иной, пища проповедь, выпись позабудет,
 От чего доходам вред; а в них церкви пра́ва
 Лучшие основаны, и вся церкви слава.

Хочешь ли судьёю стать — вздень перук с узлами,
 Брани того, кто просит с пустыми руками,
 Твердо сердце бедных пусть слезы презирает,
 Спи на стуле, когда дяк выписку читает.
 Если ж кто вспомнит тебе граждански уставы,
 Иль естественный закон, иль народны нравы —
 Плюнь ему в рожу, скажи, что врет околёсну,
 Налагая на судей ту тягость несносну,
 Что подьячим должно лезть на бумажны горы,
 А судьёе довольно знать крепить приговоры.

К нам не дошло время то, в коем председа́ла
 Над всем мудрость и венцы одна разделяла,
 Будучи способ одна к высшему восходу.
 Златой век до нашего не дотянул роду;
 Гордость, леность, богатство — мудрость одолело,
 Науку невежество местом уж посело,
 Под митрой гордится то, в шитом платье ходит,
 Судит за красным сукном, смело полки водит.
 Наука ободрана, в лоскутах обшита,
 Изо всех почти домов с ругательством сбита;
 Знаться с нею не хотят, бегут ея дружбы,

Как, страдавши на море, корабельной службы.
 Все кричат: «Никакой плод не видим с науки,
 Ученых хоть голова полна — пусты руки».

Коли кто карты мешать, разных вин вкус знает,
 Танцует, на дудочке песни три играет,
 Смыслит искусно прибрать в своем платье цветы,
 Тому уж и в самые молодые леты
 Всякая высша степень — мзда уж невелика,
 Семи мудрецов себя достойным мнит лика.
 «Нет правды в людях, — кричит безмозглый церковник, —
 Еще не епископ я, а знаю часовник,
 Псалтырь и послания бегло честь умею,
 В Златоусте не запнусь, хоть не разумею».
 Воин ропщет, что своим полком не владеет,
 Когда уж имя свое подписать умеет.
 Писец тужит, за сукном что не сидит красным,
 Смысля дело набело списать письмом ясным.
 Обидно себе быть, мнит, в незнати старети,
 Кому в роде семь бояр случилось имети
 И две тысячи дворов за собой считает,
 Хотя в прочем ни читать, ни писать не знает.

Таковы слыша слова и примеры видя,
 Молчи, уме, не скучай, в незнатности сидя.
 Бесстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
 Кто в тихом своем углу молчалив таится;
 Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
 Весели тайно себя, в себе рассуждая
 Пользу наук; не ищи, изъясняя тую,
 Вместо похвал, что ты ждешь, достать хулу злую.

http://az.lib.ru/k/kantemir_a_d/text_0020.shtml

САТИРА II НА ЗАВИСТЬ и ГОРДОСТЬ ДВОРЯН ЗЛОНРАВНЫХ ФИЛАРЕТ и ЕВГЕНИЙ

Филарет

Что так смутен, дружок мой? Щеки внутрь опали,
Бледен, и глаза красны, как бы ночь не спали?
Задумчив, как тот, что, чин патриарш достати
Ища, конный свой завод раздарил некстати?
Цугом ли запрещено ездить, иль богато
Платье носить, иль твоих слуг пеленать в злато?
Карт ли не стало в рядах, вина ль дорогого?
Матерь, знаю, и родня твоя вся здорова;
Обильство сыплет тебе дары полным рогом;
Ничто тебе не претит жить в покое многом.

Что ж молчишь? Ужли твои уста косны стали?
Не знаешь ли, сколь нам друг полезен в печали?
Сколь много здравый совет полезен бывает,
Когда тому следовать страсть не запрещает?

А, а! дознаюсь я сам, что тому причина:
Дамон на сих днях достал перемену чина,
Трифону лента дана, Туллий деревнями
Награжден — ты с пышными презрен именами.
Забыта крови твоей и слава и древность,
Предков к общества добру многотрудна ревность
И преимуществ твоих толпа неоспорных, —
А зависти в тебе нет, как в попах соборных.

Евгений

Часть ты прямо отгадал; хоть мне не завидно,
Чувствую, сколь знатым всем и стыд и обидно,
Что кто не все еще стер с грубых рук мозоли,
Кто недавно продавал в рядах мешок соли,
Кто глушил нас: «Сальные, — крича, — ясно свечи
Горят», кто с подовыми горшком истер плечи, —
Тот, на высоту степень вспрыгнувши, блистает,
А благородство мое во мне унывает
И не сильно принести мне никакой польги.

Знаты уж предки мои были в царство Ольги
И с тех времен по сих пор в углу не сидели —
Государства лучшими чинами владели.
Рассмотри гербовники, грамот виды раэны,
Книгу родословную, записки приказны:
С прадедова прадеда, чтоб начать поближе,
Думного, наместника никто не был ниже;
Искусны в миру, в войне рассудно и смело
Вершили ружьем, умом не одно те дело.
Взгляни на пространные стены нашей салы —
Увидишь, как рвали строй, как ломали валы.
В суде чисты руки их: помнит челобитчик
Милость их, и помнит злу остуду обидчик.
А батюшка уж всем верх; как его не стало,
Государства правое плечо с ним отпало.
Когда было выедет — всяк долой с дороги,
И, шапочку сняв, ему головою — в ноги.
Всегда за ним выборна таскалася свита,
Что ни день рано с утра крестова набита
Теми, которых теперь народ почитает
И от которых наш брат милость ожидает.
Сколько раз, не смея те приступить к нам сами,
Дворецкому кланялись с полными руками.
И когда батюшка к ним промолвит хоть слово —

Заторопев, онемев, слезы у иного
 Потекли с глаз с радости; иной, не спокоен,
 Всем наскучил, хвастая, что был он достоин
 С временщиком говорить, и весь веселился
 Дом его, как бы им клад богатый явился.
 Сам уж суди, как легко мне должно казаться,
 Столь славны предки имев, забытым остаться,
 Последним видеть себя, куды глаз ни вскину.

Филарет

Слышав я важну твоей печали причину,
 Позволь уж мне мою мысль открыть и советы;
 А ведай притом, что я лукавых приметы —
 Лесть, похлебство — не люблю, но сердце согласно
 С языком: что мыслит то, сей вымолвит ясно.

Благородство, будучи заслуг мзда, я знаю,
 Сколь важно, и много в нем пользы признаваю.
 Почесть та к добрым делам многих ободряет,
 Когда награду в себе вершенных являет.
 (Сыщешь в людях таковых, которым не дивны
 Куча золота, ни дом огромный, ни льстивный
 На пуху покой, ни жизнь, сколь бы ни прохладна, —
 К титлам, к славе до одной всяка душа жадна.)
 Но тщетно имя оно, ничего собою
 Не значит в том, кто себе своею рукою
 Не присвоит почесть ту, добыту трудами
 Предков своих. Грамота, плеснью и червями
 Изгрызена, знатных нас детьми есть свидетель —
 Благородными явит одна добродетель.

Презрев покой, снес ли ты сам труды военны?
 Разогнал ли пред собой враги уstraшенны?
 К безопасности общества расширил ли власти

Нашей рубеж? Суд судя, забыл ли ты страсти?
 Облегчил ли тяжкие подати народу?
 Приложил ли к царскому что ни есть доходу?
 Примером, словом твоим ободрены ль люди
 Хоть мало очистить злых нравов темны груди?
 Иль, буде случай, младость в то не допустила.
 Есть ли показаться в том впредь воля и сила?
 Знаешь ли чисты хранить и совесть и руки?
 Бедных жалки ли тебе слезы и доуки?
 Не завистлив, ласков, прав, не гневлив, беззлобен,
 Веришь ли, что всяк тебе человек подобен?
 Изрядно можешь сказать, что ты благороден,
 Можешь счесться Ектору или Ахиллу сроден;
 Иулий и Александр, и все мужи славны
 Могут быть предки твои, лишь бы тебе нравны.

Мало ж пользует тебя звать хоть сыном царским,
 Буде в нравах с гнусным ты не различишь псарским.
 Спросись хоть у Нейбуша, таковы ли дрожжи
 Любы, как пиво, ему, —отречется трожжи;
 Знает он, что с пива те славные остатки,
 Да плюет на то, когда не, как пиво, сладки.

Разнится — потомком быть предков благородных,
 Или благородным быть. Та же и в свободных
 И в холопах течет кровь, та же плоть, те ж кости.
 Буквы, к нашим именам приданные, злости
 Наши не могут прикрыть; а худые нравы
 Истребят вдруг древния в умных память славы,
 И, чужих обнажена красных перьев, галка
 Будет им, с стыдом своим, и смешна и жалка.

Знаю, что несправедно забыта бывает
 Дедов служба, когда внук в нравах успеваеет,
 Но бедно блудит наш ум, буде опираться
 Станем мы на них одних. Столбы сокрушатся

Под лишним те бременем, если сами в силу
 Нужную не приведем ту подпору хвилу.
 Светлой воды их труды ключ тебе открыли,
 И черпать вольно тебе, но нужно, чтоб были
 И чаши чисты твои, и нужно сгорбиться
 К ключу: сама вода в рот твой не станет литься.

Ты сам, праотцев твоих исчисляя славу,
 Признал, что пала она и делам и нраву:
 Иной в войнах претерпел нужду, страх и раны,
 Иным в море недруги и валы попераны,
 Иной правду весил тих, бегая обиды, —
 Всех были различные достоинства виды.
 Если б ты им подражал, право б мог роптати,
 Что за другими тебя и в пару не знати.

Потришь на оселку, друг, покажи в чем славу
 Крови собой — и твою жалобу быть праву.
 Пел петух, встала заря, лучи осветили
 Солнца верхи гор — тогда войско выводили
 На поле предки твои, а ты под парчою,
 Углублен мягко в пуху телом и душою,
 Грозно соплешь, пока дня пробегут две доли;
 Зевнул, растворил глаза, выпался до воли,
 Тянешься уж час-другой, нежишься, сжидаю
 Пойло, что шлет Индия иль везут с Китая;
 Из постели к зеркалу одним прыгнешь скоком,
 Там уж в попечении и труде глубоком,
 Женских достойную плеч завеску на спину
 Вскинув, волос с волосом прибираешь к чину:
 Часть над лоским лбом торчать будут сановиты,
 По румяным часть щекам, в колечки завиты,
 Свободно станет играть, часть уйдет за темя
 В мешок. Дивится тому строению племя
 Тебе подобных; ты сам, новый Нарцисс, жадно
 Глотаешь очми себя. Нога жметя складно

В тесном башмаке твоя, пот с слуги валится,
 В две мозоли и тебе краса становится;
 Избит пол, и под башмак стерто много мелу.
 Деревню взденешь потом на себя ты целу.
 Не столько стало народ римлянов пристойно
 Основать, как выбрать цвет и парчу и стройно
 Сшить кафтан по правилам щегольства и моды:
 Пора, место и твои рассмотрены годы,
 Чтоб летам сходен был цвет, чтоб, тебе в образу,
 Нежну зелень в городе не досажал глазу,
 Чтоб бархат не отягчал в летню пору тело,
 Чтоб тафта не хвастала среди зимы смело,
 Но знал бы всяк свой предел, право и законы,
 Как искусные попы всякого дни звоны.

Долголетнего пути в краях чужестранных,
 Иждивений и трудов тяжких и пространных
 Дивный плод ты произнес. Ущербя пожитки,
 Понял, что фалды должны тверды быть, не жидки,
 В пол-аршина глубоки и ситой подшиты,
 Согнув кафтан, не были б станом все покрыты;
 Каков рукав должен быть, где клинья уставить,
 Где карман, и сколько грудь окружа прибавить;
 В лето или осенью, в зиму и весною
 Какую парчу подбить пристойно какою;
 Что приличнее нашить: серебро или золото,
 И Рексу лучше тебя знать уж трудновато.

В обед и на ужине частенько двоится
 Свеча в глазах, часто пол под тобой вертится,
 И обжирство тебе в рот куски управляет.
 Гнусных тогда полк друзей тебя окружает,
 И, глодая до костей самых, нрав веселый,
 Тщиву душу и в тебе хвалит разум спелый.
 Сладко щекотят тебе ухо красны речи,
 Вздутым поднят пузырем, чаешь, что под плечи

Не дойдет тебе людей все прочее племя.
 Оглянись, наместников царских чисто семья,
 Тот же полк, лишь с глаз твоих — тебе уж смеется,
 Скоро станет и в глаза: притворство минется,
 Как скоро сойдут твоих пожитков остатки.
 (Боюсь я уст, что в лицо точат слова сладки.)
 Ты сам неотступно то время ускоряешь:
 Из рук ты пестрых пучки бумаг не спускаешь
 И мечешь горстью твоих мозольми и по?том
 Предков скопленно добро. Деревня за ско?том
 Не первая уж пошла в бережную руку
 Того, кто мало пред сим кормился от стуку
 Молота по жаркому в кузнице железу.
 Приложился сильный жар к поно?сному резу,
 Часто любишь опирать щеки на грудь белу,
 В том проводишь прочий день и ночь почти целу.

Но те, что стенах твоей на пространной салы
 Видишь надписи, прочесть труд тебе немалый;
 Чужой глаз нужен тебе и помощь чужая
 Нужнее, чтоб знать назвать черту, что, копая,
 Воин пред собой ведет, укрываясь, к валу;
 Чтоб различить, где стены часть одна помалу
 Частым быстро-пагубных пуль ударом пала,
 Где, грозно расседшия, земля вдруг пожрала;
 К чему тут войска одна часть в четвербочник
 Строится; где более нужен уж спомочник
 Редким полкам и где уж отмененны силы
 Оплошного недруга надежду прельстили.
 Много вышних требует свойств чин воеводы
 И много разных искусств: и вход, и исходы,
 И место, годно к бою, видит одним взглядом;
 Лишней безопасности не опоен ядом,
 Остр, пронизает врагов тайные советы,
 Временно предупреждать удобен наветы;
 О обильности в своем таборе печется

Недремительно; любовь ему предпочтется
Войска, чем страшным им быть и вдруг ненавидим;
Отцом невинный народ зовет, не обидим
Его жадностью, — врагам одним лишь ужасен;
Тихим нравом и умом и храбростью красен;
Не спешит дело начать; начав, производит
Смело и скоро — не столь бегло Перун сходит,
Страшно гремя; в счастья умерен быть знает,
Терпелив в нужде, в бедстве тверд, не унывает.
Ты тех добродетелей, тех чуть имя знаний
Слыхал ли? Самых числу дивишься ты званий,
И в один все мозг вместить смертных столь мнишь трудно,
Сколь дворецкому не красть иль судье — жить скудно.

Как тебе вверить корабль? ты лодкой не правил,
И хотя в пруду твоём лишь берег оставил,
Тотчас к берегу спешишь: гладких испугался
Ты вод. Кто пространному морю первый вдался,
Медное сердце имел; смерть там обступает
Снизу, сверху и с боков; одна отделяет
От нея доска, толста пальца лишь в четыре, —
Твоя душа требует грань с нею пошире;
И писана смерть тебя дрожать заставляет,
Один холоп лишь твою храбрость искушает,
Что один он отвечать тебе не посмеет.
Нужно ж много и тому, кто рулем владеет,
Искусств и свойств, с самого укрепленных детства,
И столь нужней те ему, сколь вящи суть бедства
На море, чем на земле. Твари господь чудну
Мудрость свою оказал, во всех неоскудну
Меру поставя частях мира и меж ними
Взаимно согласие; лучами своими
Светила небесные, железце, немногу
От дивного камня взяв силу, нам дорогу
Надежную в бездне вод показать удобны;
Небес положение на земле способный

Бывает нам проводник и, когда страх мучит
 Грубых пловцов, кормчего искусного учит
 Скрытый камень миновать иль берег опасный,
 И в пристань достигь, где час кончится ужасный.
 Недруга догнать, над ним занять ветр способный
 И победу исхитить, вступя в бой удобный, —
 Труд немалый. На море, как на земле, те же
 Прочи вождев должности: тебе еще реже
 Снилась трубка и компас, чем строй и осада.

За красным судить сукном Адамлевы чада
 Иль править достоин тот, кому совесть чиста,
 Сердце к сожалению склонно и речиста
 Кого деньга одолеть, ни страх, ни надежда
 Не сильны; пред кем всегда мудрец и невежда,
 Богач и нищий с сумой, гнусна бабья рожа
 И красного цвет лица, пахарь и вельможа
 Равны в суде, и одна правда превосходна;
 Кого не могут прельстить в хитростях всеплодна
 Ябеда и ее друг — дьяк или подьячий;
 Чтоб, чрез руки их прошед, слепым не стал зрячий,
 Стречись должен, и сам знать и лист и страницу,
 Что от нападения сильного вдовицу
 Соперника может спасти и сирот покойну
 Уставить жизнь, предписав плутам казнь достойну.
 Наизусть он знает все естественны пра?ва,
 Из нашего высосал весь он сок устава,
 Мудры не спускает с рук указы Петровы,
 Коими стали мы вдруг народ уже новый,
 Не меньше стройный других, не меньше обильный,
 Завидим врагу и в нем злобу унять сильный.
 Можешь ли что обещать народу подобно?
 Бедных слезы пред тобой льются, пока злобно
 Ты смеешься нищете; каменный душою,
 Бьешь холопа до крови, что махнул рукою
 Вместо правой — левою (зверям лишь прилична

Жадность крови; плоть в слуге твоей однолична).
Мало, правда, ты копишь денег, но к ним жаден:
Мот почти всегда живет сребролюбьем смраден,
И все законно он мнит, что уж истощенной
Может дополнить мешок; нужды совершенной
Стала ему золота куча, без которой
Прохладам должен своим видеть конец скорой.
Арапского языка — права и законы
Мнутся тебе, дикие русску уху звоны.

Если в те чины негож, скажешь мне, я, чаю,
Не хуже Клита носить ключ золотой знаю;
Какие свойства его, какая заслуга
Лучшим могли показать из нашего круга?
Клита в постели застать не может день новой,
Неотступен сохнет он, зевая в крестовой,
Спины своей не жалел, кланяясь и мухам,
Коим доступ дозволен к временщичьим ухам.
Клит осторожен — свои слова точно мерит,
Льстит всякому, никому почти он не верит,
С холопом новых людей дружбу весть не рдится,
Истинная мысль его прилежно таится
В делах его. О трудах своих он не тужит,
Идучи упрямо в цель: Клиту счастье служит, —
Иных свойств не требует, кому счастье дружно;
А у Клита без того нечто занять нужно
Тому, кто в царском прожить доме жизнь уставил,
Чтоб крылья, к солнцу подшед, мягки не расплавил:
Короткий язык, лицо и радость удобно
И печаль изображать — как больше способно
К пользе себе, по других лицу применяясь;
Честнее будет он друг, всем дружен являясь;
И много смирение, и рассудность многу
Советую при дворе. Лучшую дорогу
Избрал, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчит — виновен не стался,

Буде ложью утаить правду не посмеет;
 Счастлив, кто средины той держаться умеет.
 Ум светлый нужен к тому, разговор приятный,
 Учтивость приличная, что дает род знатный;
 Ползать не советую, хоть спеси гнушаюсь; —
 Всего того я в тебе искать опасуюсь.

Словом, много о вещах тщетных беспокойство,
 Ни одно не вижу я в тебе хвально свойство.
 Исправь себя, и тогда жди, дружок, награду;
 По тех пор забытым быть не считай в досаду:
 Пороки, кои теперь прикрывают тени
 Стен твоих, укрыть нельзя на высшей степе?ни.
 Чист быть должен, кто туды не побледнев всходит,
 Куды зоркие глаза весь народ наводит.

Но поставим, что твои заслуги и нравы
 Достойным являют тя лучшей мзды и славы;
 Те, кои оной тебя неправо лишают,
 Жалки, что пользу свою в тебе презирают;
 А ты не должен судить, судят ли те здраво,
 Или сам многим себя предпочтешь неправо.

Над всем же тому, кто род с древнего начала
 Ведет, зависть, как свинье — узда, не пристала;
 Еще б можно извинить, если знатный тужит,
 Видя, что счастье во всем слепо тому служит,
 Кого сколько темен род, столь нравы развратны.
 Ни отечеству добры, ни в людях приятны;
 Но когда противное видит в человеке,
 Веселиться должен уж, что есть в его веке
 Муж таков, кой добрыми род свой возвышает
 Делами и полезен всем быть начинает.
 Что ж в Дамоде, в Трифоне и Туллие гнусно?
 Что, как награждают их, тебе насмерть грустно?

Благонравны те, умны, верность их немала,
Слава наша с трудов их нечто восприяла.

Правда, в царство Ольгино предков их не знали,
Думяым и наместником деды не бывали,
И дворянства старостью считаться с тобою
Им нельзя; да что с того? Они ведь собою
Начинают знатный род, как твой род начали
Твои предки, когда Русь греки крестить стали.
И твой род не все таков был, как потом стался,
Но первый с предков твоих, что дворянин звался,
Имел отца, славою гораздо поуже,
Каков Трифон, Туллий был, или и похуже.

Адам дворян не родил, но одно с двух чадо
Его сад копал, другой пас блеюще стадо;
Ное в ковчеге с собой спас все себе равных
Простых земледетелей, нравами лишь славных;
От них мы все сплошь пошли, один поране
Оставя дудку, соху, другой — попозднее.

http://az.lib.ru/k/kantemir_a_d/text_0020.shtml

САТИРА VII О ВОСПИТАНИИ К КНЯЗЮ НИКИТЕ ЮРЬЕВИЧУ ТРУБЕЦКОМУ

Если б я, видя кого, что с рук не спускает
Часовник и пятью в день в церковь побывает,
Постится, свечи кладет и не спит с женою,
Хоть отняв у бедного ту, что за душою
Одну рубашку имел, нагим ходить нудит, —
Если б я, видя, сказал: «Дружок, ум твой блудит;
Тем путем не войдешь в рай, и буде радеешь
Душу спасти, отдай назад, чем худо владеешь».
Спылав, ревность наградит мою сим ответом:
«Напрасно, молокосос, суешься с советом».

И дело он говорит: еще я тридцатый
Не видел возврат зимы, еще черноватый
Ни один на голове волос не седеет;
Мне ли в таком возрасте поправлять довлеет
Седых, пожилых людей, кои чтут с очками
И чуть три зуба сберечь могли за губами;
Кои помнят мор в Москве и, как сего года,
Дела Чигиринского сказуют похода?

Напрасно охрип бы я, доводя доводом,
Что ум в людях не растет месяцем и годом;
Что хотя искус дает разуму подпору,
И искус можно достать лише в поздню пору,
Однак как время того, кто не примечает
Причины дел, учинить искусным не знает,
Так прилежность сильна дать искус в малы лета.
Презренны слова мои будут без ответа,
И свет, почти весь упрям, всегда верить станет,
Что старик трех молодых разумом потянет.

Не одно то мнение здравому разгласно
Видим смыслу втвержено; встречаем чточасно
Подобны и злейшие. Одни тех держаться
Любят, что полезны им и законны зряся, —
Обман те свой чувствовать грубый не умеют;
Другие, и зная вред, бороться не смеют
С упрямою волею, котора их нудит
Предызбрать то, что им смысл здравый вредно судит.

Буде причину того спросишь у народа,
Скажет, что с зачатия нашего природа
Слабу душу нам дала, и к обману склонну,
И подчиненну страстям; и что ту законну
Над нами природы власть одолеть не можно.

Испытал ли истину он в том осторожно?
Не знаю, Никито, друг! то одно я знаю,
Что если я добрую, ленив, запускаю
Землю свою — обрстет худою травую;
Если прилежно вспашу, довольно покрою
Навозом песчаную — жирнее уж станет,
И довольный плод с нея трудок мой достанет.

Каково б с природы рук сердце нам ни пало,
Есть, есть время некое, в коем злу немало
Склонность уйдем, буде всю истребить не можем,
И утвердиться в добре доброму поможем, —
Время то суть первые младенчества лета.
Чутко ухо, зорок глаз новый житель света
Пялит; всяка вещь ему приметна, все ново
Будучи, все с жадностью сердце в нем готово
Принять: что туды вскользнет, скоро вкоренится,
Буде руки приложить повадка потщится;
На веревке силою повадки танцуем.
Большу часть всего того, что в нас приписуем
Природе, если хотим исследовать зрело,

Найдем воспитания одного быть дело.
 И знал то высшим умом монарх одаренный,
 Петр, отец наш, никаким трудом утомленный,
 Когда труды его нам в пользу были нужны.
 Училища основал, где промысл услужный
 В пути добродетелей имел бы наставить
 Младенцев; осмелился и престол оставить
 И покой; сам странствовал, чтоб подать собою
 Пример в чужих братьях то, что над Московью
 Сыскать нельзя: сличные человеку нравы
 И искусства. Был тот труд корень нашей славы:
 Мужа вышли, годные к мирным и военным
 Дела, внукам памяты нашим отдаленным.
 Но скоро полезные презренны бывают
 Дела, кои лакомым чувствам не ласкают.
 Кучу к куче накоплять, дом построить пышной,
 Развесть сад, завесть завод, расчистить лес лишной,
 Детям уж богатое оставить наследство
 Печемся, потеем в том; каково их детство
 Проходит — редко на ум двум или трем всходит;
 И у кого не одна в безделках исходит
 Тысяча — малейшего расхода жалеет
 К наставлению детей; когда же шалее
 Сын, в возраст пришед, отец тужит и стыдится.
 Напрасно вину свалить с плеч своих он тщится:
 Богатства сыну копил — презрел в сердце нравы
 Добры всадить. Богат сын будет, но без славы
 Проживет, мало любим и свету презренный,
 Бude в петлю не вбежит плут уж совершенный.

Главню воспитания в том состоит дело,
 Чтоб сердце, страсти изгнав, младенчее зрело
 В добрых нравах утвердить, чтоб чрез то полезен
 Сын твой был отечеству, меж людьми любезен
 И всегда желателен, — к тому все науки
 Концу и искусства все должны подать руки.

Суд трудный мудро решить, исчислить приходы
Пространна царства и им соравнить расходы
Одним почти почерком; в безднах вод надежный
Предызбирать всегда путь; любитель прилежный
Небес числить всякого удобно светила
Путь и беглость и того, сколь велика сила
Над другим; в твари всему знать исту причину —
Мудрым зваться даст тебе и, может быть, к чину
Высшему отворит вход; народ будет целый
Искусным вождем ты звать, зря царства пределы,
Тобою расширенны, и вражии рати
И города, стерты в прах. Но буде уняти
Не знаешь ярость твою, буде неприятен
К тебе доступ и тебе плач бедных невнятен,
Ежели волю твою не правит смысл правый,
Ежли развратны, одним словом, твои нравы —
Дивиться станет тебе, но любить не станет;
Хвалы нужда из его уст твои потянет,
Пользу свою лишь в тебе искать он потщится,
Гнушаясь тебя, и той готов отшетиться,
Только б тебя свалить с плеч. Слава увядает
Твоя в мал час; позабыт человек бывает
Скоро ненавидимый, и мало жалеет
Кто об нем, когда ему черный день наспеет.
Добродетель лишь одна может нам доставить
Покойну совесть, предел прихотям уставить,
Повадить тихо смотреть счастья грудь и спину
И неизбежную ждать бесстрашно кончину.
Добродетель потому над всем неотменно
Нужно младенцам внушать, пока совершенно
Вкоренится; притом ум изощрять в пристойных
Им и других знаниях. Так в детях, достойных
К всем чинам, отечеству дашь дар многоценный.
Если б предписан был с двух выбор неотменный,
С чистою совестью ум избрал бы я простой,
И оставил бы я с злым сердцем разум острый.

Вверил бы я все добро тому, кто с чужого
 Стыдится жиреть добра, хотя он немного
 Счета знает и рубить числа должен в палку;
 А грош не дал бы беречь другому, что в свалку
 Ллокает одну свернув дом, и лес, и пашни,
 Хоть числит он лучше всей Сухаревской башни.

Бесперечь детям твердя строгие уставы,
 Наскучишь; истребишь в них всяку любовь славы,
 Если часто пред людьми обличать их станешь;
 Дай им время и играть; сам себя обманешь,
 Буде чаешь поспешить, лишно спеша дело;
 Наедине исправлять можешь ты их смело.
 Ласковость больше в один час детей исправит,
 Чем суровость в целый год; кто часто заставит
 Дрожать сына пред собой, хвальну в нем загладит
 Смелость и невременно торопеть повадит.
 Счастлив, кто надеждою похвал взбудить знает
 Младенца; много к тому пример способен:
 Относят к сердцу глаза весть уха скоряе.

Пример наставления всякого сильняе:
 Он и скотов следовать родителям учит.
 Орлий птенец быстр летит, щенок гончий мучит
 Куриц в дворе, лоб со лбом козлята сшибают,
 Утята, лишь из яйца выдут, плавать знают.
 Не смысл учит, не совет — того не имеют,
 Сего нельзя им подать — подражать умеют.
 С двух братьев, кои росли под теми ж глазами
 И коих тот же крушил учитель лозами,
 Один добродетелей хвальную дорогу
 Топчет; ни надежда свесть с нее, ни страх ногу
 Его не могли; в своей должности он верен
 И прилежен, ласков, тих и в словах умерен,
 В бедности смотреть кого сухими глазами
 Не может, сердцем дает, что дает руками.

Другой гордостью надут, яростен, бесщаден,
 Готов и отца предать, к большим мешкам жаден,
 Казну крадет царскую, и, тем сломя шею,
 Весь уж сед, в петлю бежит, в казнь, должну злодею.
 В том, по счастью, добрые примеры скрепили
 Совет; в сем примеры злы оный истребили.

Если б я сыновнюю имел унять скупость,
 Описав злонравия, и гнусность, и глупость,
 Смотри, сказал бы ему, сколь Игнатий беден
 Над кучей золота, сух, печален и бледен,
 Бесперечь мучит себя. Мнишь ли ты счастливу
 Жизнь в обильстве такову? Если б чресчур тщиву
 Руку его усмотрел, пальцем указал бы
 Тюрьму, где сидит Клеарх, и всю рассказал бы
 Потом жизнь Клеархову, чрез меру прохладну.
 Если б к подлой похоти видел склонность жадну,
 Привел бы его смотреть Мелита в постели
 И гнусны чирьи, что весь нос ему объели.

Кормилицу, дядьку, слуг, беседу, сколь можно
 Лучшую, бы сыну я избрал осторожно.
 Не одни те растят нас, коим наше детство
 Вверено; со всех сторон находит посредство
 Поскользнуться в сердце нрав: все, что окружает
 Младенца, произвести в нем нрав помогает.
 Так, не довольно одно изрядное семя
 Дать изрядный цвет иль плод: нужно к тому время
 Умеренно и красно, без мразу, без зною,
 Без вихрев; нужна земля жирна, и водою
 Нужно в пору поливать, и тихо и в меру;
 Семя без всего того прельстит твою веру.
 Филин вырос пьяница? — пьяница был сродник,
 Что вскормил. Миртил блядун? — дядька его сводник.
 У Савки век на губах правда не садится,
 И врет, что на ум взойдет, что в ночь не приснится? —

Лгуньи бабушки его помним бесконечны
 Басни, койми надоел язык скоротечный.
 Сильвия круглую грудь редко покрывает,
 Смешком сладким всякому льстит, очком мигает,
 Белится, румянится, мушек с двадцать носит;
 Сильвия легко дает, что кто ни попросит,
 Бояся досадного в отказе ответа? —
 Такова и матушка была в ея лета.
 Обычно цвет чистоты первый увядает
 Отрока в объятиях рабыни; и знает,
 Унесши младенец что, небом и землею
 Отлыгаться пред отцом, — наставлен слугою.
 Слуги язва суть детей. Родителей — злее
 Всех пример. Часто дети были бы честнее,
 Если б и мать и отец пред младенцем знали
 Собою владеть и язык свой в узде держали.
 Правдой и неправдою куча мне копится
 Денег, и нужусь всю жизнь в высококу добиться
 Степень; полвека во сне, в пирах провождаю;
 В сластях всяких по уши себя погружаю;
 Одних счастливыми я зову лишь обильных,
 И сотью то в час твержу; завидую сильных
 Своевольству я людей, и дружбу их тщуся
 Всячески достать себе, убогим смеюся, —
 А, однако ж, требую, чтоб сын мой доволен
 Был малым, чтоб смирен был и собою волен
 Знал обуздать похоти, и с одними знался
 Благонравными, и тем подражать лишь тщался;
 По воде тогда мои вотще пижут вилы.
 Домашний показанный часто пример силы
 Будет важной, и идти станет сын тропюю,
 Котору протоптану видит пред собою.

И с каким лицом журить сына ты посмеешь,
 Когда своим наставлять его не умеешь

Примером? когда в тебе видит повсечасно,
 Что винишь, и ищет он, что хвалишь, напрасно?
 Если молодому мать раку обличает
 Кривой ход: «Прямо сама пойдя, — отвечает, —
 Я за тобой поплыву и подражать стану».

Нельзя ль добрым быть? — будь зол, своим не к изъяну;
 Изряднее всякого убежать порока
 Нельзя ль? — укрой лишнего от младенца ока.
 Гостя когда ждешь к себе, один очищает
 Слуга твой двор и крыльцо, другой подметает
 И убирает весь дом, третий трет посуду,
 Ты сам над всем настоишь, обежишь повсюду,
 Кричишь, беспокоишься, боясь, чтоб не встретил
 Глаз гостей малейший сор, чтоб он не приметил
 Малейшу нечистоту, — а ты же не тщишься
 Побережь младенцев глаз, ему не стыдишься
 Открыть твою срамоту. Гостя ближе дети,
 Бóльшу бéрежь ты для них должен бы имети.

Не один острый судья, знаю, зубы скалить,
 Злобно улыбаяся, станет и бровь пялить,
 И, качая головой, примолвит поважно:
 «Смотри, наш молокосос какие отважно
 Сказки нам рассказывает и, времени цену
 Не зная, скучает нам, лепя горох в стену.
 Незнамо с чего зачав, нравов уж толкует
 Вину, воспитанию склонность приписует
 Нашу, уча, как растить детей; одним словом,
 Продерзость та родилась в мозгу нездоровом».
 Никито, друг! может быть, слово то рассудно
 Явится тем, кои, жизнь чая время скудно,
 Лучше любят осудить вдруг, что их несходно
 Мысли, нежели выслушать доводы свободно.
 Тех я людей уверять не ищу, негоден,
 Да всяк открывать свое мнение свободен,

Если вредно никому и законов сила
Чтительна нужду молчать в том ее наложила.
Пусть не чтет, кто мои мнит мнения неправы;
С досугу стишки пишу для твоей забавы.
Ты лишь меня извини, что, одно я дело
Начав, речью отскочил на другое смело.
Порядок скучен везде и немножко труден:
Блится в сумятице умок — в чину скуден,
И если б нам требовать, чтоб дело за делом
Рассуждать и, не скончав одно, в незрелом
Разговоре не ввернуть некстати другое,
В целой толпе говорить чуть станут ли двое...

ПИСЬМО ХАРИТОНА МАКЕНТИНА К ПРИЯТЕЛЮ О СЛОЖЕНИИ СТИХОВ РУССКИХ

Государь мой!

Я не знаю, для какой причины отправленные вами книги в прошлом годе только на сей неделе ко мне дошли; но вы из того изволите узнать, для чего я медлил удовольствовать желание ваше в том, что касается до книжицы под титлом «Нового и краткого способа к составлению стихов русских».

Приложенный от остроумного ея сочинителя труд столь больше хвален, что в самом деле народ наш до сих пор лишается некаким образом предводителя в стихотворном течении, многие часто с прямой дороги сбивались. Наипаче же хвален, что с необыкновенною стихотворцам умеренностию представляет опыт свой к испытанию и исправлению тех, кои из нас имеют какое-либо искусство в стихотворстве.

Тем данным от него позволением пользуясь, больше же еще ревности его споспешествуя, отважился я некакие примечанийцы составить, которые к тому ж концу, *то есть к установлению правил стихосложения русского*, служить могут и притом меня окажут послушным к приказам вашим.

Глава 1 О РОДАХ СТИХОВ

Стихи степенные

- § 1. Я стихи русские разделяю на *три рода*. *Первого* составлены, наподобие греческих и латинских, стопами без рифм, каков есть следующий:
Христе любви пламень един еси вышнего сыне.
- § 2. Правда, что тот род стихов никто из наших стихотворцев не употреблял; но, однако ж, я не вижу, для чего б они не могли иметь места в русском стихотворстве. Различие русского языка с греческим в составе грамматическом не столь велико, чтоб то было довольным поводом смеяться Максимовской количественной просодии.

- § 3. Я к ней отсылаю тех, кои любопытны отведасть свои силы в том роде стихов, и не советую презирать вещь какую для того только, что до сих пор не было в употреблении. Может быть, что по употреблении найдется приятна.

С т и х и с в о б о д н ы е

- § 4. *Второго рода* стихи состоят из некоего определенного числа слогов, хранящих некую определенную же меру в ударении голоса, и которые я бы назвал, итальянцам последуя, *свободными*, каковы суть следующие:

Долго думай, что о ком и кому имеешь
Сказать. Любопытного беги: говорлив он;
Бесперечь отверстые уши не умеют
Вверенное сохранять; а слово, однажды
Выпущенное из уст, летит невозвратно.

- § 5. Как я не чаю, что стихотворство русское *одно и то же с французским*, так и не могу согласиться, что *такие, без рифм, стихи некрасивы на русском языке* для того, что у французов не в обыкновении. Язык французский 1) не имеет стихотворного наречия; те ж речи в стихах и в простосложном сочинении принужден он употреблять. К тому ж 2) непременно поставлять местоимение прежде имени, имя прежде слова, слово прежде наречия, и, наконец, управляемую словом речь в своем падеже, то есть не позволено на французском языке *преложение* частей слова, без которых двух помочей необходимо нужно украшать стих рифмою; а инако был бы он речь простосложная.

Наш язык, напротив, изрядно от славенского занимает отменные слова, чтоб отдалиться в стихотворстве от обыкновенного простого слога и укрепить тем стихи свои; также полную власть имеет в преложении, которое не только стих, но и простую речь украшает. Итальянцы, гишпанцы, англичане и, может быть, другие еще, коих язык мне незнаком, имея подобные нам способы, были много удачливы в *свободных стихах*. Для чего ж бы нам не предпочесть суд стольких народов?

Стихи однокончателъные

- § 6. *Третьего рода* стихи совсем предыдущим подобны, только что по меньшей мере всякие два должны кончатся рифмоу; каковы суть следующие:
 Ездок, что в чужой земле, ему неизвестной,
 Видит на пути своем лес вкруг себя тесной,
 Реки, болоты, горы и страшны стремнины
 И, оставя битый путь, ищет пути ины,
 Бедный, блудит, многие, где меньше он чаёт,
 Трудности и наконец погибель встречает;
 Так в течение житья, где предлежат многи
 Бедства и страх, гинет тот, конечно, кто ноги
 Сведет с пути, где свои расставила вехи
 Добродетель, сгладив все опасны помехи.
- § 7. О сих двух последних родах стихов у нас слово впредь будет; но прежде нежели к правилам оных приступим, чаю, не должно миновать некакие примечания о рифмах.

Глава II

О ВЫБОРЕ РИФМ

Определение рифмы

- § 8. *Рифма* изрядно определена подобным окончанием последних слогов двух речей, но, чаю, нужно к тому примечать, что многосложные речи русские иные имеют ударение голоса на последнем слоге, как *рука*, *звезда*, *толокно*, иные — на предпоследнем, как *сажа*, *сочевица*, *окошко*; иные на препредпоследнем, как *стенание*, *изряднее*, *любимица* (не упоминая о других, в которых ударение еще далее относится, как в слове *всяческая*, понеже к нашему делу не служат).

Рифма скольких видов

- § 9. Потому рифмы могут быть *односложны*, *двухсложны* и *трехсложны*. Первые называются *тупыми*, вторые — *простыми*, третьи — *скользкими*.

Правила рифм тупых

- § 10. *Тупые*, кончающиеся на гласные, должны иметь по меньшей мере одну букву пред тем гласным подобну, а что больше, то лучше; так *сноха* и *веха* лучшую рифму составляют, чем *крупна* и *сова*, и еще гораздо лучшую *тесло* и *весло*, *блоха* и *соха*.
- § 11. Когда же кончатся на согласное — не только предыдущее тому гласное, но и последующее припряжно-гласное должны быть подобны неотменно, как в сих речах: *поклон*, *звон*, *труд*, *пруд* и проч., ибо *звонъ* и *вонь*, *ядъ* и *ядь*, за одним различием припряжногласных *ъ*, *ь*, рифму не составляют.

Правила рифм простых

- § 12. *Простые* рифмы должны иметь два слога подобных, таким образом, чтоб по меньшей мере с гласного в предпоследнем слоге, на котором лежит ударение, все буквы до конца, не выключая припряжногласные *ъ* и *ь*, были те же, как в сих речах:

Примета, ответа.	Рубашка, Ивашка.
Книга, вязига.	Играют, ступают.

- § 13. А еще лучше, ежели и предыдущие тому гласному одна или две буквы найдутся подобны, каковы суть в сих речах:

Обезьяна, изьяна.	Летаю, встречаю.
-------------------	------------------

Правила рифм скользких

- § 14. *Скользкие* рифмы требуют, чтоб с самого гласного в препредпоследнем слоге, на котором лежит ударение, все прочие буквы были подобны, не выключая припряжногласные, как в следующих речах:

Летание, звание.	Сколзают, ползают.
------------------	--------------------

Глава III
О ВОЛЬНОСТЯХ РИФМ

§ 15. Хотя точное исполнение сих правил в составлении рифм мне необходимо кажется в сочинениях недолгих, каковы суть эпиграммы и прочие, которые не превосходят ста стихов, нужно, однако ж, от того увольняться; например:

1. Можно почитать подобными согласные *д* со *т*, *б* со *п*, *ж* со *ш*, *г* со *х*, когда за ними следует согласное, так, что нарочиту рифму составляют:

Водка, глотка.	Нужный, воздушный.
Утка, дудка.	Дроглый, иссохлый.
Удобный, стопный.	

2. Можно почитать подобными гласные *а*, *е*, *и* двух гласным *я*, *е*, *ы* в слоге предпоследнем так, что нарочиту рифму составляют:

Выти, вопити.	Скоротечный, вечный.
Сыто, влито.	Сияние, блистание.
Вялю, салю.	Унылые, хвилье.
Сияю, внимаю.	Хмельные, цельные.

3. Можно подобными почитать припряжногласное *ѣ* со *ь* между двумя согласными, так, что нарочиту рифму составляют:

Полный,	вольный.
---------	----------

Все те три вольности в рифмах *тупых* места не имеют; сносны в *простых*; в *скользких* совсем извинительны за малым числом таких рифм.

4. Можно выкинуть согласное из среди двух гласных, так, что нарочиту рифму составляют:

Известный, тесный.	Сластный, красный.
--------------------	--------------------

5. Можно рифму составлять из той же речи в различном знаменании, как:

Лук — зелие;	Лук — орудие.
Царю — звательное имя царя;	Царю — царствую; и проч.

6. Можно прилагать букву *и* к неопредельным, чтоб учинить, например:

Писати	вместо	писать.
Пети	—	петь.
Пити	—	пить.

7. Можно отметить в прилагательных *й*, так, что рифму нарочиту составляют:

Пряны,	пьяный.
Волны,	полный.

8. *Простый* и *острый* иногда могут составлять рифму за многим подобием звона в произношении тех двух речей. Не знаю, найдутся ли другие две подобные.

§ 16. О всех тех вольностях нужно помнить, что сколь реже употребляются, столь лучше, и что весьма худо употреблять вдруг две вольности, как, например, в сей рифме:

Пряны,	званный.
--------	----------

где *я* поставляется подобно букве *а* и краткое *й* отмечается в речи *званный*.

§ 17. Наипаче советую оставлять подлым стихотворцам рифму неопредельных на *ати*, понеже она уху весьма неприятна, разве когда одна речь есть имя, а другое — слово; каковы, например: Мати, спати; тетрати, писати; и проч.

§ 18. Совсем не хвалю предложение силы с одного слога на другой, так, чтоб вместо *глава́* писать *гла́ва*, вместо *зако́н* писать *за́кон* и проч.

Глава IV
О МЕРЕ СТИХОВ

Сколько видов стихи

§ 19. Стихи русские могут составлены быть от тринадцати до четырех слогов.

Стоп рассуждение не нужно

§ 20. По моему мнению, рассуждение стоп в составлении всех оных излишно. Но нужно наблюдать, чтоб во всяком стихе на некоторых двух слогах лежало ударение голоса.

Что слог долгий и короткий?

§ 21. Такие слоги называю я *долгими*, а прочие все *короткими*. Например, в речи *изрядная*, слог *ря* есть долгий, *из*, *дна*, *я* — короткие.

Перенос позволен

§ 22. Я не вижу, для чего б *перенос* речи из первого стиха в другой, следующий, когда одним целое разумение речи кончить не можно, был запрещен. Греки, латины, итальянцы, испанцы, англичане не только в порок то не ставят, но и украшение стихам почитают. Перенос не мешает чувствовать ударение рифмы доброму чтецу, а весьма он нужен в сатирах, в комедиях, в трагедиях и в баснях, чтоб речь могла приближаться к простому разговору. К тому же без такого переносу долгое сочинение на рифмах становится уху докучно частым рифмы повторением, от которого напоследок происходит не знаю какая неприятная монотония, как то французы своим стихотворцам сами обличают.

Слитии не отменяются

§ 23. *Слитии* (разумея тем *й*) мне нимало вредными не кажутся. Напротиву, я чаю, что сколь больше их в каком стихе вмещено, столь он уху приятнее, понеже производят некую удобность в течении голоса, которую нежное ухо с наслаждением различает.

- § 24. Но частое повторение тех же согласных в одном и том же стихе, а еще больше усугубленных, как в сем поправленном:
 Ум так слабый плод трудов краткия науки,
 весьма уху досаждает, и потому должно того убегать.

Правила тринадцатисложного стиха

- § 25. *Тринадцатисложный* стих, который изрядно *эроическим* назван, для того что всех способнее соответствует эксаметру греческому и латинскому, должен состоять из двух полустиший.
- § 26. Речь, которая кончает первое полустишие, должна быть связана с предыдущими, а не следующими в последнем, так, что все союзы, предлоги, местоимения возносительные не могут быть слогом пресечения. и сие правило есть общее сечениям и прочих стихов.
- § 27. Первое полустишие имеет семь слогов, второе — шесть.

Тот/	лишь/	в жи/	зни/	сей/	бла/	жен, //
1	2	3	4	5	6	7
	кто/	ма/	лым /	до/	во/	лен.
	1	2	3	4	5	6

- § 28. Слоги первого полустишия по четвертый могут быть долгие и короткие, как ни случатся; но неотменно нужно, чтоб или *седьмой* был долгий, или *пятый*. и в сем последнем случае — чтоб *шестой* и *седьмой* были короткие.
- § 29. Второго полустишия *предпоследний* слог всегда должен быть долгий; так, что ежели рифмами пишется, то была бы она неотменно двухсложная, ибо мне мнится, что тупые рифмы в таких стихах весьма уху несомны.

Пример:

Что/	поль/	зу/	ет/	мнѡ	жѣ/	ствѡ //	лю/	дей/	без/	рас/	сѣд/	нѡ
1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	4	5	6

Привесть в удивление, когда в оном трудно.

Час/	о/	ни/	мо/	гут/	сто/	ягь //	и /	что/	те/	перь/	хвѡ/	лѣт,
1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	4	5	6

Величают, спустя час низят уж и малят,
 Когда честный, мудрый муж, сколь часто случится
 Ему на нас вскинуть глаз, от дел наших рдится.

§ 30. Но буде кому угодно кончить сей стих тупую рифмою, то должен последнее полустишие таким образом учредить, чтоб *третий* и *шестой* слог были долгие, а *четвертый* и *пятый* — короткие неотменно.

Пример:

Что/	поль/	зу/	ет/	мнѳ	жѳ/	ствѳ //	без/	рас/	сѳд/	нѳ/	люѳ	дѳй.
1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	4	5	6

Правила стиха двенадцатисложного

§ 31. *Двенадцатисложный* стих делится на два шестисложные сечения, которых последнее неотменно должно иметь *пятый* слог долгий, *шестой* — короткий. А первое может

- 1) или совсем быть подобно второму, или
- 2) иметь, и гораздо лучше, *шестой* долгий, или 3) *четвертый* долгий, а *пятый* и *шестой* неотменно короткие.

Пример:

Лег/	ко/	не/	воз/	дѳр/	жнѳй //	я/	зык/	в бе/	ду/	ввѳ	дѳт.
1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5	6
Дой/	дет/	тот/	дѳ/	лѳ/	ѳ//	кто/	и/	дет/	не/	спѳш/	нѳ.
1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5	6
Не/	воз/	врат/	но/	бе/	жѳт //	кры/	ла/	то/	е/	врѳ	мѳ
1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5	6

§ 32. Потому сей стих требует неотменно рифму простую.

Правила стиха одиннадцатисложного

§ 33. *Одиннадцатисложный* стих составляется также из двух полустиший, которых первое имеет пять слогов, второе — шесть.

Пример:

Мед/	ны/	я/	всхо/	дят //	в ру/	ках/	на/	ших/	сте/	ны.
1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	6

§ 34. Второе полустишие следует правилу, предписанному о втором же полустишии эроического и двенадцатисложного стиха.

§ 35. Первое же, пятисложное, должно иметь ударение на *четвертом* слоге.

Пример:

Вла/	сте/	лин/	мї/	рă//	нуж/	ду/	тво/	ю/	знā/	ѣт,
1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	6

Не лишит пищи, не лишит одежды
 Кто того волю, смирен, исполняет,
 Не отщетится в нем своей надежды.

§ 36. Собою явно, что и сей стих не терпит другой рифмы, кроме двухсложной.

§ 37. Ежели ж хочешь, чтоб кончался тупою, то первое полустишие учини шести слогов, а второе — пяти, и в первом *пятый* слог долгий, а во втором *второй* и *пятый* долгий, *третий* и *четвертый* короткий неотменно.

Пример:

В нем/	не/	от/	ще/	тї/	ся//	на/	деж/	дѣ	свѡ/	ѣй.
1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5

...

§ 63. Из всех вышепредставленных правил можно приметить:

- 1) Что долгие стихи (каковыми называю все от тринадцати- по девятисложный, оба включая) красивее кончаются простою рифмою, чем всякою другою.
- 2) Что в неких не неприятна рифма скользкая, но тогда слоги требуют особого расположения.
- 3) Что буде тупыми рифмами кончать их желаем, то неотменно нужно, чтоб пред тою рифмою находилися два слога коротких, которые бы тот падеж в ухе предуготовляли. и
- 4) что в тех стихах, которые имеют два полустишия неравных, нужно же, желая кончить рифмою простою, чтоб первое полустишие было долее второго. Например, в одиннадцатисложном стихе чтоб первое полустишие было шести-, второе — пятисложное. Буде кто спросит у меня всему тому причину, я иную показать не могу, разве что ухо мое мне те осторожности советует.

§ 64. Не худо же однажды за все изъяснить, что о которых слогах в тех правилах не показано, каковы быть имеют, долгие ли или короткие, то разумеется, что могут быть долгие и короткие, как ни удастся.

§ 65. Чтоб столь споре и одним взглядом усмотреть все меры различных стихов, о которых слово у нас было, прилагаю при сем следующую табель, в которой числа значат число слогов; — слог долгий; √слог короткий; двойною чертою отгородка — сечение стиха,

ТАБЛИЦА СТИХОВ РУССКИХ																
ВИДЫ СТИХОВ	МЕРА СТИХОВ															РИФМЫ, ИМ ПРИЛИЧНЫЕ
	1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	4	5	6			
Тринадцатисложный	•	•	•	•	-	∩	∩	•	•	•	•	•	-	∩		простая
	•	•	•	•	•	•	-	•	•	•	•	•	-	∩		
	•	•	•	•	-	∩	∩	•	•	-	∩	∩	-			тупая
Двенадцатисложный	1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5	6				простая
	•	•	•	•	-	∩	•	•								
	•	•	•			∩	•	•								
Одиннадцатисложный	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	6					простая
	•	•	•	-	∩	•	•	•	•	-	∩				
	1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5					тупая
Эндекасиллаб-катуллианский	•	•	•	•	-	∩	∩	•	-	∩	∩	-			
	1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5					простая
Десятисложный двух равных сечений	•	•	-	∩	∩	•	•	•	-	∩						простая
	•	•	•	-	∩	•	•	•	-	∩	...					
	•	•	•	•	-	•	•	•	-	∩						

...

Глава V О ВОЛЬНОСТЯХ в МЕРЕ СТИХОВ

Для чего вольности нужны?

§ 66. Кто не отведал еще стихи сочинять, почает, что нетрудное дело несколько слогов вместить в одну строку. и правда, кто чаёт, что стих в том одном состоит, –легко, на одной стоя ноге, много их намарать может, но не то же, когда дело идет составлять порядочные, по правилам, и уху и уму приятные стихи. Трудность тогда немалая встречается так в соглашении здравого смысла с рифмою, как и в учреждении слогов; для того стихотворцы принуждены иногда от правил удаляться, но таким образом, чтоб то отдаление было неважное и маловременное, а не конечное с ними разлучение, и то называется *вольностию*.

- § 67. Выше сего уже я представил те вольности, которые можно употреблять в выборе рифм; теперь слово будет о тех, которые в мере стиха простительны.
- § 68. Свойство языка нашего определило всем односложным речениям, каковы, например: *все, ты, друг, стол, лоб* и проч., ударение голоса. Следовательно (по § 21), все подобные речи суть долгие. Но в нужде изрядно могут почтены быть короткими, которую вольность самое ухо наше извиняет. Так, в сем стихе междоимение *мой* составляет слог короткий:
 ёсли мой глас тебе вняён.

Сокращение речи изрядная вольность

- § 69. Все сокращения речей, которые славенский язык узаконяет, можно по нужде смело принять в стихах русских, так, например, изрядно употребляется *век*, человек, *чист, сладок* вместо *веков, человеков, чистый, сладкий*. Всего же реже употреблять советую *мя, ты, ми, ти* вместо *меня, тебя, мне, тебе*.

Окончания славенские в прилагательных позволены

- § 70. Не с меньшею смелостию должно употреблять все окончания славенские в прилагательных вместо русских; так, изрядно стоит *сладкий* вместо *сладкой, изрядный* вместо *изрядной*. Но сия вольность больше рифмы, чем меры касается.

Некаких особливых наречий и союзов сокращение

- § 71. Вместо *буде, больше, ежели, или, коли*, между, *позади, хотя* и подобных можно писать *будь, большь, ежель* или *ежли, иль, коль, нежель* или *нежли, однак, меж, позадь, хоть*.

...

Отменение второго лица в глаголах на *шь*

вместо *ши* и неопредельных на *ть*

вместо *ти*

- § 78. Можно в глаголах второе лицо единственного числа кончить на *ши* вместо на *шь* и неопредельные на *ти* вместо на *ть*; например, *пишеши* вместо *пишешь, читати* вместо *читать*. Но я гораздо того бы убежать хотел, когда тою речью стих кончается, понеже такие рифмы весьма уху противны.

Отменение наречий на *ей* вместо *ее*

- § 79. Наречия, кончащиеся на *ее*, можно кончить *ей* и писать, например, *умней*, *честней* вместо *умнее*; *честнее* и проч.
- § 80. Не сомневаюсь, что сыщутся еще и иные вольности, которые столько ж могут быть простительны, но мне под руки те не попались. Найдут их и обыкновенными учинят со временем искусные наши творцы; и нужны те находки, понеже, правду сказать, мне стихов наших сочинение кажется весьма трудное, и в тесных пределах заключено.
- § 81. Впрочем, много себе творец пособить может, присвояя стихотворные образы речений греческих и латинских, которыми обогатив язык свой, в состоянии найдется одно дело многими различными образами изображать и потом избирать образ речения, который в меру стиха приходит.
- § 82. Остается о том одном напомнить, что когда имеем сочинять какую песню по данному голосу, то уже совсем от вышепредписанных правил, сколько меры касается, увольняться можем, ежели состоянию напева не согласуются, понеже в песнях нужно, чтоб ударение в речах соответствовало долготе или краткости голоса и число слогов стиха соглашалось числу нот, а сечения — падежам песни.
- § 83. Итак, уже мне мнится, государь мой, что я некаким образом исполнил приказ ваш содержанием письма своего, которое заключаю, чистосердечно подписуясь

Ваш, государя моего, покорный слуга Х. М.

<http://rvb.ru/18vek/kantemir/01text/04annex/94.htm>

Василий Кириллович Тредиаковский

(1703–1769)

В. К. Тредиаковский был хорошо ознакомлен с европейской литературой. Некоторые произведения он сам перевел на русский язык. Назовите хоть одно произведение, которое появилось в XVIII веке в переводе Тредиаковского на русском языке.

В творчестве В. К. Тредиаковского переплетаются темы «серьезные» с темами более личными. Как и многие другие писатели, он уделял значительное внимание личности Петра I. Что именно писатель оценивает в деятельности Петра I?

XVIII век представляет собой эпоху довольно интенсивного столкновения веры и разума. «Феоптия» является свидетельством именно такого текста. Как решает Тредиаковский конфликт веры и для классицизма характерной рационалистической тенденции?

В стихах В. К. Тредиаковского мы можем найти и более сокровенные темы; в которых ниже приводимых стихотворениях они получают выражение?

«Новый и краткий способ к сложению российских стихов...» является одним из наиболее ярких примеров поисков подходящей теории стихосложения, соответствующей русскому языку. Вы сумеете определить, в чем отличаются взгляды Тредиаковского от Ф. Прокоповича и А. Д. Кантемира?

ЭЛЕГИЯ О СМЕРТИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Что за печаль повсюду слышится ужасно?
Ах! знать Россия плачет в многолюдстве гласно!
Где ж повседневных торжеств, радостей громады?
Слышь, не токмо едина; плачут уж и чады!
Се она то мещется, потом недвижима,
Вопиет, слезит, стенет, в печали всем зрима.
„Что то за причина?“ — лишь рекла то Вселенна.
Летит, ах горесть! Слава весьма огорченна,
Вопиет тако всюду, но вопиет право,
Ах! позабыла ль она сказывать не здраво?
О когда хоть бы в сем была та неверна!
Но вопиет, вопиет в печали безмерна:
„Петр, ах! Алексиевич, вящий человека,
Петр, глаголю, российский отбыл с сего века“.
Не внушила Вселенна сие необычно,
Ибо вещала Слава уж сипко, не зычно.
Паки Слава: „Российский император славный,
Всяку граду в мудрости и в храбрости явный.
Того правда, того милость тако украсила,
Чтоб всю тебя Вселенну весьма удивила.
Кто когда во искусстве? кто лучший в науке?
Любовь ко отечеству дала ль место скуке?
Что же бодрость? Что промысл? Православна вера?
Ах! не имам горести ныне я примера!“
Паче грома и молнии се Мир устрашило,
И почитай вне себя той весь преложило.
Но по удивлению в незапной причине,
Со стенанием в слезах Вселенная ныне:
„Увы, мой Петре! Петре, верх царския славы!
Увы, преддрагоценный! О судеб державы!
Увы, вселенная ты едина доброта!
Увы, моя надежда! тяжка мне сухота!
Увы, цвете и свете! увы, мой единый!
Почто весьма сиру мя оставил, любимый?

Кто мя, Вселенну, тако иный царь прославит?
Кто толики походы во весь свет оставит?
Всюду тебе не могла сама надивиться,
Но уже Петр во мне днесь, Петр живый, не зрится!
Ах, увяде, ах, уже и сей помрачися!
Праведно, Россия, днесь тако огорчися“.
Се бегут Паллада, Марс, Нептун, Политика,
Убоявшеся громка Вселенныя крика.
„Что тако, — глаголют, — мати, ты затела?“
Но Паллада прежде всех тут оцепенела,
Уразумевши, яко Петра уж не стало;
Петра, но российска: „Ах! — рече, — все пропало“.
Падает, обмирает, власы себе комит,
Все на себе терзает, руки себе ломит,
Зияет, въздыхает, мутится очима,
Бездыханна, как мертва не слышит ушима,
Всех чувств лишенна, мало zde в себе приходит,
Тихо, непостоянно, так гласом заводит:
„Мое солнце и слава! моя ты Паллада!
Куды ныне убегла? до коего града?
Я прочих мудрости всех мною наставляла;
А тебя я сама в той слышати желала.
О премудрый Петре! ты ль не живещи ныне?
Кая без тебя мудрость оставится в чине?
Плачь, винословна, плачи, плачь, Философия,
Плачьте со мною ныне, науки драгие.
Стени, Механика, [и] вся Математика,
Возопий прежалостно и ты, Политика.
По тебе плакать будет в своем свое время,
Оставь мя ныне мое оплакать зол бремя.
Плачь со мною, искусство, но плачи чрезмерно:
Оставил нас Петр, что я узнала, ей, верно.
Ах! покинул всех нас Петр, мудростей хранитель,
Своего государства новый сотворитель“.
Марс: „Не о российском ли, мати, Петре слово,
Нарицаемом Марсе во всем свете ново,
Ему же в храбрости я не могу сравниться,

Разве только сень его могу похвалиться?“
 Сказала Вселенна — Марс завопил жестоко,
 Пал было, но встал зараз, на небо взвел око:
 „О небесни! небесни! и вы зависть взяли,
 Что толика прехрабра у земных отняли;
 Большу же мне нанесли ныне вы обиду,
 Попротивился бы вам без почтенна виду.
 Но отдайте мне Петра, Петра в мощных славна,
 В храбрости, в бодрости и в поли исправна“.
 В большу пришед Марс ярость, кинув шлем и саблю;
 „Дела, — рече, — храбра я один не исправлю.
 О Петре! Петре! Петре! воине сильный!
 При градех, и во градех, и в поли весь дивный.
 Возвратись, моя радость, Марсова защита:
 Марс не Марс без тебя есмь, ах! но волокита.
 Увы, мой Петре! како возмогу стерпети
 Тебе не сущу, в слезах чтобы не кипети?
 Вем, что не должно храбру, но быти не можно,
 Егда вем, яко уснул ныне ты не ложно.
 Уснул сном, но по веках возбнуться имущим;
 Уснул сном, но нам многи печали несущим.
 Впрочем, пойду скитаться, лишившись клеветета,
 Оплачу Петра, всегда землю одета“.
 Починает по том здесь Политика стужна
 Рыдати не инако как жена безмужна:
 „Дайте, — глаголет, — плачу моему место, други,
 Не могу бо забыти Петра мне услуги.
 Кто ин тако первее скрасил Политику!
 Кто меня в конец достигл толь весьма велику?
 Рассмотрил, ввел, пременил, укрепил он нравы,
 Много о том глаголют изданные правы.
 Но, о! и его правивш, Боже ты державный!
 Почто мне Петра отнял? тем подал плач главный.
 Я толику на него надежду имела,
 Чтоб воистину в первом месте уж сидела
 Предо всеми; но твоя то божия сила,

Хотя сия причина весьма мне не мила“.
Се под Нептуном моря страшно закипели,
Се купно с ветры волны громко заревели!
Стонет Океан, что уж другого не стало
Любителя. Балтийско — что близко то стало
Несчастье при берегах. Каспийско же ныне
Больше всех, что однажды плавал по нем сильне.
Всюду плач, всюду туга презельна бывает,
Но у Бога велика радость процветает:
Яко Петр пребывает весел ныне в небе,
Ибо по заслугам там ему быти тебе.

http://az.lib.ru/t/trediakowskij_w_k/text_0100.shtml

СТИХИ ПОХВАЛЬНЫЕ РОССИИ

Начну на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны:
Ибо все днесь мне ее доброты
Мыслить умом есть много охоты.

Россия-мати! Свет мой безмерный!
Позволь то, чадо прошу твой верный,
Ах, как сидишь ты на троне красно!
Небо Российску ты Солнце ясно!

Красят иных все златые скиптры,
и драгоценна порфира, митры;
Ты собой скипетр твой украсила,
и лицом светлым венец почтила.

О благородстве твоём высококом
Кто бы не ведал в свете широком?
Прямое сама вся благородство:
Божие ты, ей! светло изводство.

В тебе вся вера благочестивым,
К тебе примесу нет нечестивым;
В тебе не будет веры двойня,
К тебе не смеют приступить злые.

Твои все люди суть православны
и храбростию повсюду славны;
Чада достойны таковой матери,
Везде готовы за тебя стати.

Чем ты, Россия, не изобильна?
Где ты, Россия, не была сильна?
Сокровище всех добр ты едина,
Всегда богата, славе причина.

Коль в тебе звезды все здоровьем блещут!
и Россияне коль громко плещут:
Виват Россия! виват драгая!
Виват надежда! виват благая.

Скончу на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны:
Сто мне языков надобно б было
Прославить все то, что в тебе мило!

http://az.lib.ru/t/trediakowskij_w_k/text_0010.shtml

ФЕОПТИЯ

Невидимая бо его от создания мира
 твореньми помышляема, видима суть,
 и присносущная сила его и божество, во еже быти
 им безответным.
 К римлянам. Глава 1, ст. 20

ЭПИСТОЛА I

Сею эпистолюю предполагается, первое, что есть мир, которого о бытности основательно сомневаться никто не может и что сей мир благолепно устроен. Второе, что в совершенствах его зрятся пределы как превесьма в сложном и, следовательно, не необходимым, не вечном, и всеконечно таком, который мог не быть. Третье, что слепый случай, или припадок, как не имеющий разума и избрания, не мог произвести состав толь благоучрежденный. Все сие доказывает, что сей мир произведен таким существом, которое имеет бесконечную премудрость, благость и всемогущество: а сие существо и есть то, что именуется бог. Сверх того, разум наш, понимая бога и творца превечного и всесовершенного, не зрит никакия прекословныя невозможности в том понятии, но, напротив того, и сам он собою показывает такого и толикого бога и целость с порядком всего мира, и в животных пол различный, и, напоследок, общее согласие всех веков и всех повсюду народов, коль ни разных и друг другу, коль ни сопротивных во всем прочем, признает преверьховного бога; да и самая безопасность, в рассуждении будущего века, повелевает лучше верить <в> бога, нежели не верить.

Прокляни, Евсевий, нечестивых слепоту:
 Сии, видя мира благодстройну лепоту,
 Не хотят усмотревать ту ему подавша
 и всемощию своим велий свет создавша.
 Мрака их храниться не бывай слаб никогда;
 Толь безверных мнений пагубна есть тьма всегда.
 Виждь и проповедуй зря первое начало:
 Следом действия его в бытность всё восстало.

Неисчетны миры по всемудрию бог знал,
Но состав сей точно благостию предызбрал.
Всё хранит, всем правит сам: будем же покорны
Изволениям святым, а не богоборны.

Вся тварь возвещает самобытного творца,
Безначальна прежде, суща после без конца;
и в себе того ж всегда, и преудобренна,
Всем владыку, ни чией длани покоренна;
Всяческим подавша естество и бытие,
А собой имуща по вседолгу обое.
Показует нам его сама вещь малейша:
Ясность истины сея солнца есть светлейша.
Всё являет бога, в веществе что купно есть,
Зримо и незримо, коему число сам весть.
Верно кажет общий круг мыслей сверх обширный,
Что зиждитель есть ему и что сей премирный.
Всё его ж являет развиваясь, что цветет
И, приятну зелень различая толь, растет.
Все, что, с чувствием дыша, ходит иль летает,
Ползает, или себя, плавая, питает.
Самый из животных, двусоставный человек,
Провождая в мире, миру как бы царь, свой век
и составом дивным всем собственного тела,
Зная сам, что вещь сия не его есть дела,
и союзом оным, дивнейшим еще, ума,
Кой, с тем сопряженный, сведом о себе весьма,
Человек, я говорю, весь являя бога,
Проявляет, что Его и Премудрость многа;
Так что бесконечно совершен есть бог един,
и причина перва к действию вторых всех вин.

Разум, здраво мысль свою внутрь производящий,
и в познании таком достождно бдящий,

и не ослепленный грубых заблуждений тьмой,
 Весь в природном свете пребывающий с собой,
 Гнусными ниже страстями сердца восхищенный,
 Ни пороками, ни злом скотства развращенный.
 Не возможет тотчас бога жива не познать,
 А безбожных мыслей из среды той не изгнать;
 Он понятие в себе божества имеет,
 Кое и довольным толь называть он смеет,
 Что им познавает совершенств всех существо
 и что в нем вседолжно бытность купно естество
 Заключает потому, что бог есть превечный;
 Что как безначальный сей, так и бесконечный,
 Что различен с миром, и не то что вещный свет:
 Бог простой, мир сложный купно мог и быть и нет.

О! вы, кои, буйно мчась в дерзости проклятой,
 Страхом совести, ниже правдою за пятой,
 От святых святого внутренния силы взгляд
 Отвращая смело, изрыгаете ваш яд;
 Говорите, что сей мир, с чином, с красотою,
 Вечен состоит и есть искони собою;
 Тьма ль вас прегустая, беззаконий ли всех сласть,
 Гордость ли безумна, затвердела ль коя страсть
 К утверждению сему побуждает ложну,
 и не токмо полну лжи, но и невозможну.
 Рассмотрите, можно ли от доводов устоять
 и еще упорно лжею адскою зиять;
 Можно ль, коль бы вам во мрак слепо ни стремиться,
 Чтоб от истинных зарей в том не просветиться:
 Разве вы нарочно восхотите затворить
 Очи внутрь душевны, света б правды вам не зрить.
 Инако преодолеть нельзя всем предлога,
 Кой доказывает вам присносущна бога,
 Разного от мира, миру здателя сему,
 Всяких благ начало и виновника всему.

Действом ныне вещи суть есть и пребывают,
Но что действом суть теперь, то предполагают
Нечто бывше прежде от превечности всея,
Для действительный бытности так своя:
Инак иль от Ничего, иль собой предстали.
Может что ж безместней быть, если б вы сказали,
Что Ничто пустое вещи все произвело,
В коем сил и средств никаких быть не могло?
Как им быть и от себя, всем вельми пресложным
и к небытию притом всячески возможным?
Посему превечно сотворило существо,
В коем не собою не могло быть естество;
и сие ж то обще мы называем богом,
В почитании творца всяческих премногом.

Человечь ум сведом, что он есть и состоит,
Совершенств от смысла многих добрых не таит,
Кои сам в себе тогда ж внутрь не обретает,
Об изрядстве их хотя достоверно знает.
От сего ль не ясно, что не от себя ум есть,
и другой, что должен в бытность онога извездь?
Если существо возмог сам себе дать делом,
Без сомнения б уж он, в том господстве смелом,
Понимаемые совершенства дал себе:
С ним никто об оных не был бы отнюдь в борьбе;
Сам же, с большее возмогшь, дать себе ту бытность,
Меньшого б не положил для себя в забытность,
Произвел бы оны совершенства в красоту
и чрез те б умножил собственную высоту.
и когда б ум стал собой, то б не союзился
С телом человечесим он: в тело б не вдрузился,
В коем терпит много беспокойств и невыг_о_д;
С час терпеть бы сии не всхотел, не с век, не с год.
Положите ж: волей сам тот союз имеет,

Как же волею раздрать он уж не умеет?
Человечь ум сделан, следовательно, другим.
Но другой сей здатель, сотворен наш ум каким,
Мог себе дать бытие всячески собою
и свою быть всегда собственно судьбою.
Кто сам быть вседолжно с вечности всея возмог,
Нами тот преславно нарицаемый есть бог.

...

http://az.lib.ru/t/trediakowskij_w_k/text_0160.shtml

ПЕСЕНКА ЛЮБОВНА

Красот умильна!
Паче всех сильна!
Уже склонивши,
Уж победивши,
Изволь сотворить
Милость, мя любить:
Люблю, драгая,
Тя, сам весь тая.

Ну ж умилися,
Сердцем склонися;
Не будь жестока
Мне паче рока:
Сличью обидно
То твоему стыдно.
Люблю, драгая,
Тя, сам весь тая.

Так в очах ясных!
Так в словах красных!
В устах сахарных,
Так в краснозарных!
Милости нету,
Ниже привету?
Люблю, драгая,
Тя, сам весь тая.

Ах! я не знаю,
Так умираю,
Что за причина
Тебе едина
Любовь уносит?
А сердце просит:
Люби, драгая,
Мя поминая.

ПЛАЧ ОДНОГО ЛЮБОВНИКА, РАЗЛУЧИВШЕГОСЯ С СВОЕЙ МИЛОЙ, КОТОРУЮ ОН ВИДЕЛ ВО СНЕ

Ах! невозможно сердцу пробыть без печали,
Хоть уж и глаза мои плакать перестали:
Ибо сердечна друга не могу забыть,
Без которого всегда принужден я быть.

Но, принужден судьбою или непременною,
и от всея вечности тако положенной,
Или насильно волей во всем нерассудной,
и в порыве склониться на иное трудной.

Ну! что ж мне ныне делать? коли так уж стало?
Расстался я с сердечным другом не на мало.
Увы! с ним разделили страны мя далеки,
Моря, леса дремучи, горы, быстры реки.

Ах, всякая вещь из глаз мне его уносит,
и кажется, что всяка за него поносит
Меня, сим разлученьем страшно обвиняя,
и надежду, чтоб видеть, сладку отнимая.

Однак вижу, что с ними один сон глубоки,
Не согласился; мнить ли, что то ему роки
Представлять мила друга велели пред очи
и то в темноту саму половины ночи!

Свет любимое лице! чья и стень приятна!
и речь хотя мнимая в самом сне есть внятна!
Уже поне мне чаще по ночам кажися
и к спящему без чувства ходить не стыдися.

http://az.lib.ru/t/trediakowskij_w_k/text_0080.shtml

СТИХИ, НАУЧАЮЩИЕ ДОБРОНРАВИЮ ЧЕЛОВЕКА

Отдавай то все творцу, долг что отдавати;
Без рассудка ж ничего ти б не начинати.
Токмо с добрыми людьми в жизни сей дружися;
А таланты чрез твои никогда не льстися.
С мнением других всегда будь согласен прямо;
Никогда в твоём стоять не изволь упрямо.
Внятно слушай, что тебе люди предлагают;
Больше умным не кажись, нежели ты знают.
С тем о том не говори, смыслит кто что мало,
Проста сердца быть тебя речь и все б казало.
Слово данное держи, было б как ни трудно;
Ничего ж не обещаи вдруг и нерассудно.
Будь услужен, будь и тих, ласков в разговоре;
Всех приятно принимай, был никто б в презоре.
Дерзостно не будь знаком, обходися ж смело;
Не размыслив, не вступай ни в какое дело.
Без корысти всех люби, а прощай без мести;
Низок будь большим, себя ж подлым не бесчести.
Дружен всем старайся быть, дружно поступая,
Тяжбы никогда ни с кем сам не зачиная.
Не проведывай никак, что чинят другие;
Просто крой дела твои, чтоб не знали злые.
Рассмотря, давай займы, только ж добровольно;
Если надо наградить, награждай довольно.
И каким бы ни хотел образом ты быть,
Быть без лишка, и себя б в том не позабыти.
Страждет кто твой друг напасть? — Сожалей безмерно;
В друге всяк порок сноси, всё будь другом верно.
Побеждай печаль, как дух оной поддается,
Не вини в той никого, та как и минется.
Учинить старайся мир, ссоры где злодейство;
Инак и не отмщевай, как чрез благодейство.

Жарко не жури людей и хвали не льстивно,
Мерно смейся над людьми, смех терпи взаимно.
Каждя в ремесле своем чти ты без упрямства;
Также ничего не хуль одного для чванства.
Благодетельством твоим худо попрекати;
Лучше оное всегда вовсе забывати.
Нуждну другу помогай, тот хоть и не просит;
Кто дарит не так, как мот, щедра имя носит.
Пылка гнева угашай жар и ненасытность;
Говори добро всегда в чью-либо небытность.
Благодарность бы была в сердце ти природно;
Для забавы хоть играй, только ж благородно.
Мысля, мало говори, обмануть не тщися;
Что б ти ни было дано, тем всегда хвалися.
Должника не мучь, как он к плате неисправен;
Для себя и для него всё будь добронравен.
Ближних счастья твоих не завидуй цвету;
Вверенное так храни, чтоб не вынести свету.
Крой, не чваняся ничем, тайну ти искусно,
Презирай по сем, как лгут про тебя что гнусно.

http://az.lib.ru/t/trediakowskij_w_k/text_0090.shtml

ПАСТУШОК ДОВОЛЬНЫЙ

Мал пастух и не богат,
Только ж знает то в нем душка
Сколько счастлив он и рад,
Тем, что есть своя пастушка.

Он трудится день и ночь,
Все труды ему игрушки,
Всяка тягость мнится в мочь
Для любимыя пастушки.

С поля идучи домой,
Он спешит к своей избушке,
Что-нибудь несет домой,
То, вошед, дарит пастушке.

О здоровье преж всего
Спрашивают дружка дружку,
И не больше та его,
Сколько он свою пастушку.

Стол их всяк вточь оценит
С небольшим одной полушкой,
Как же он обильный мнит?
Вкупе ест за ним с пастушкой.

Все его богатство есть,
Весь покой, как на подушке,
Вся приятность, радость, честь
Только в вернейшей пастушке.

http://az.lib.ru/t/trediakowskij_w_k/text_0090.shtml

НОВЫЙ И КРАТКИЙ СПОСОБ К СЛОЖЕНИЮ РОССИЙСКИХ СТИХОВ С ОПРЕДЕЛЕНИЯМИ ДО СЕГО НАДЛЕЖАЩИХ ЗВАНИЙ

ВСЕМ ВЫСОКОПОЧТЕННЕЙШИМ ОСОБАМ,
ТИТУЛАМИ СВОИМИ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНЕЙШИМ,
В РОССИЙСКОМ СТИХОТВОРСТВЕ ИСКУСНЕЙШИМ
И В ТОМ ОХОТНО УПРАЖНЯЮЩИМСЯ,
МОИМ МИЛОСТИВЕЙШИМ ГОСПОДАМ

Высокопочтеннейшие господа!

Не без основательной причины новый сей и краткий мой способ к сложению российских стихов вам покорнейше приписываю. Правил, которые в нем я положил и по силе которых не прямыми называю стихами старые паши стихи, кому лучше, как вам, искуснейшим, рассмотреть надлежит правость? А охотно в том упражняющиеся несколько стихов здесь, доныне в России невиданных, в пример себе найти могут и оные употребить, буде за благо рассудят им следовать, к своей пользе.

Вас, искуснейших, ежели правила мои не правы или к стихотворству нашему не довольны, нижайше прошу и купно исправить, и купно оные дополнить; но в том упражняющиеся чрез них же повод возымеют тщательнее рассуждать, и стихи наши, чрез свое рассуждение, от часу в большем совершенстве в российский свет издавать: одним же и другим вам не не полезен правилами моими быть уповаю, что одних вас и других новостию возбужду либо старые наши стихи освидетельствовать и, по правде ли те носили имя стихов доныне, разыскав, уведомить.

Сие есть мое намерение, в сем новом и кратком способе к сложению российских стихов, который, как достойнейшим вам, в честь вашу посвящаю; как благоразумнейшим в исправление отдаю; но как во всем, так либо и в сем, правду любящим, в покров и защиту вручаю; не больше, поистине, малую и весьма недействительную искру моего ума показать хотевший, коль вам и услужить, и вас глубочайше тем почтить желающий, высокопочтеннейшие господа, ваш покорнейший и нижайший слуга.

В. Тредиаковский.

Est deus in nobis, agitanle calescimur illo,
Impetus hic sacrae semina mentis habet.

Ovidius Lib. 6. Fastorum.

То есть:

Стихотворчеству нас бог токмо научает,
И святыи охоту в нас пламенну рождает.

Овидий в кн. 6 о Фастах

В поэзии вообще две вещи надлежит примечать. Первое: материя, или дело, каковое пиита предприимлет писать. Второе: версификацию, то есть способ сложения стихов. Материя всем языкам в свете общая есть вещь, так что никоторый оную за собственную токмо одному себе почитать не может, ибо правила поэмы эпической не больше служат греческому языку в Гомеровою «Илиаде» и латинскому в Виргилиевой «Энеиде», как французскому в Вольтеровою «Генриаде», итальянскому в «Избавленном Иерусалиме» у Тасса, и аглинскому в Мильтоновою поэме о потереянии рая. Но способ сложения стихов весьма есть различен по различию языков. и так автор славенской грамматики, которая обще называется большая и Максимовская, желая наше сложение стихов подобным учинить греческому и латинскому. так свою просодию количественную смешно написал, что, сколько раз за оную ни примешься, никогда не можешь удержаться, чтоб не быть, смотря на оную, смеющимся Демокритом непрестанно. Ежели б он тогда рассудил, что свойство нашего языка того не терпит, никогда б таковой просодии не положил в своей грамматике.

Другие в сложении наших стихов донныне правильнее поступали, некоторое известное число слогов в стихе полагая, пресекая оный на две части и приводя согласие конечных между собою слогов. Но и таковыи стихи толь недостаточны быть видятся, что приличнее их называть прозою, определенным числом идущею, а меры и падения, чем стих поется и разнится от прозы, то есть от того, что не стих, весьма не имеющею. Того ради за благорассудилось, много прежде положив труда к изобретению прямых наших стихов, сей новый и краткий способ к сложению российских стихов издать, которые и число слогов свойственное языку нашему иметь будут, и меру стоп с падением, приятным слуху, от чего стих стихом называется, содержать в себе имеют. Буде ж каковой недостаток и в сем найдется, то покорно просятся благоразумныи и искусныи люди, чтоб объявить то Российскому собранию, которое всячески потщится или сомнения

их в рассуждении стихов разрешить, или недостатки, находящиеся в сих новых, исправить, с возможным за таковое их приятство благодарением.

А понеже в сложении российских стихов также две вещи должно знать, то есть свойственное звание, при стихе употребляемое, и способ, как слагать, или сочинять, стих; того ради свойственные при стихе звания определениями объявятся, а на способ к сложению стиха кратчайшие и ясные правила положатся.

И тако:

О п р е д е л е н и е I

Чрез *стих* разумеется всякая особливо стиховная строка, что у латин называется *versus*, а у французов: *vers*.

О п р е д е л е н и е II

Чрез *слог*: двух или многих согласных письмен, с каковым-нибудь гласным или двугласным сложенных; или одного гласного или двугласного одним и тем же временем, без всякого разделения, уст с языком движение. у латин *слог* называется *syllaba*, а у французов: *syllabe*. Полагается, что письмена и оных разделение всякому ведомы из грамматики; однако *письмя* по-латински именуется *littera*, а по-французски: *lettre*.

О п р е д е л е н и е III

Чрез *стопу*: мера, или часть стиха, состоящая из двух у нас слогов; что у латин называется *pes*, а у французов: *ped*.

О п р е д е л е н и е IV

Чрез *полстишие*: половина только стиха, в героическом из семи слогов состоящая, и то первая; а вторая из шести. Сие у латин с греческого называется *hemistichium*, а у французов: *hémistiche*.

О п р е д е л е н и е V

Чрез *пресечение*: разделение стиха на две части, первое полстишие всегда, чтоб хорошим быть стиху, долгим слогом кончащее. Но чрез долгий слог в российском стихотворстве разумеется тот, на который просодия, или, как говорят, сила ударяет. и тако в речении сем: *слагáю га* есть долгий слог, а *сла* и *ю* короткие. Пресечение латины называют *cesura*, а французы: *césure*, или: *repos*.

КОРОЛЛАРИЙ 1

Отсюда следует, что все речения односложные не могут быть, как токмо долгие. Долгота и краткость слогов у латин называется *quantitas*, а у французов: *quantité*, или *longueur et brièveté des syllabes*.

КОРОЛЛАРИЙ 2

Того ради чрез сие всяк ясно выразуметь может, что долгота и краткость слогов, в новом сем российском стихосложении, не такая разумеется, какова у греков и у латин в сложении стихов употребляется; но токмо *тѳническая*, то есть в едином ударении голоса состоящая, так что, сколь греческое и латинское количество слогов с великим трудом познавается, столь сие наше всякому из великороссиан легко, способно, без всякой трудности и, наконец, от единого только общего употребления знать можно; в чем вся сила нового сего стихосложения содержится.

КОРОЛЛАРИЙ 3

Итак, стопы, имеющие составлять новый наш стих, как то в правилах объявится (из которых приемлется мною на то, называемая обыкновенно спондей, который состоит из двух долгих слогов и которого есть знак сей: — —; так же и пиррихий, который состоит из двух коротких слогов и которого есть знак сей: ˘ ˘; хорей или трохей, который состоит из одного долгого и другого короткого слога и которого есть знак сей: — ˘; напоследок иамб, который состоит из одного короткого, а другого долгого слога и которого есть знак сей: ˘ —), должно разуметь по силе и разумению, положенном во втором королларии.

О п р е д е л е н и е VI

Чрез *рифму*: не число, но согласное окончание двух стихов между собою, состоящее из тех же самых письмен, или из разных, токмо подобного звона, чувствуемое всегда лучше в предкончаемом, или иногда в кончаемом слоге стиха. Сие у латин никакого имени не имеет, понеже их стихи согласно между собою не кончатся; но во французской поэзии, которая вся та ж, что и наша, кроме некоторых не малых околичностей, называется то: *rimé*.

О п р е д е л е н и е VII

Чрез *перенос*: не окончившийся разум в одном целом стихе и перенесенный в часть токмо следующего стиха, а недо самого его конца продолжающийся. Латины часто так переносят: понеже их стихи рифм не имеют, того ради им нет нужды, чтоб последние слоги другого стиха полною меры равностию, в рассуждении первого стиха, и тем же бы звоном чувствуемы были. Но французы сей порок стихов называют: enjambement, то есть: перескок.

О п р е д е л е н и е VIII

Чрез *падение*: гладкое и приятное слуху чрез весь стих стопами прехождение до самого конца. Что чинится тем, когда первый слог всякой стопы долгий есть, а по крайней мере нескольких в стихе стоп, или когда одно письмо часто не повторяется, или когда стопа за стопу вяжется, что самое не делает стих прозаичным. Падение латины, в рассуждении их поэзии, называют *cadentia*; а французы в рассуждении своей: *cadence*.

О п р е д е л е н и е IX

Чрез *слитие*: когда речение кончится на *и* краткое тако: *й*, а другое начинается чрез то ж письма, тогда краткое *и* не выговаривается и как бы съедается, и с другим тем в одно место сливается. Например:

Каждый имеет счинять кто стихов любитель.

Произносится тако:

Кажды имеет счинять, и проч.

Латины сие называют *elision*, а французы: *elision*.

П р и б а в л е н и е

Российские стихи должны иметь или рифму непрерывную, или рифму смешенную. Рифма непрерывная называется тогда, когда окончанию первого стиха второй имеет подобное. Рифма смешенная бывает тогда, когда согласное окончание первому стиху кладется чрез стих или два, а в случай и чрез три, буде строфа нечетку стихов содержит. Рифму непрерывную французы называют: *rime suivie*, а смешенную: *rime mêlée*.

Изъявив званий знаменования, приступаю к объявлению того, каков героический российский стих быть долженствует, и всё что до красоты сего стиха касается, также и чем оный порочен бывает.

П р а в и л о I

Стих героический российский состоит в тринадцати слогах, а в шести стопах, в первой стопе приемлющий *спондея* — —, *пиррихия* — —, *хорея*, или инако *трохея* — —, *иамба* — —; во второй, третьей (после которой слогу пресечения долготу надлежит быть), четвертой, пятой и шестой также. Однако тот стих всеми числами совершен и лучше, который состоит токмо из хореев или из большей части оных; а тот весьма худ, который весь иамбы составляют или большая часть оных. Состоящий из спондеев, пиррихий или из большей части оных есть средней доброты стих. Но что в тринадцати состоит слогах, тому причина: употребление от всех наших старых стихотворцев принятое. в пример тому будь стих первый из первой сатиры князя Антиоха Дмитриевича Кантемира, без сомнения главнейшего и искуснейшего пииты российского.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
ум	толь	сла	бый	плод	тру	дов	крат	ки	я	на	у	ки.

КОРОЛЛАРИЙ

Следовательно, новый наш стих составляется токмо из стоп двусложных, для того что оный имеет в себе определенное некоторое еще число слогов; а трисложных дактилического рода (как то бывает в греческом и латинском стихе, потому что греческий и латинский стих, имея только определенное число стоп, не имеет определенных в себе слогов, так что иной их стих больше, а иной меньше слогов, в рассуждении одного стиха с другим, содержит) принять никак не может

П р а в и л о II

Стих героический долженствует разделен быть на два полстишия, из которых бы первое состояло из семи слогов, а другое из шести. Причина тому понеже стих имеет тринадцать слогов, то которому-нибудь полстишию надлежит иметь семь слогов. Но самый разум сказывает, что первому из семи состоять пристойнее, для того что в начале у читающего дух бывает крепчайший и больший, а к концу слабейший. в пример беру вышеобъявленный же стих

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
ум	толь	сла	бый	плод	тру	дов	крат	ки	я	на	у	ки.

П р а в и л о III

Стих героический должен иметь пресечение на седмом слоге так, чтоб тот седмой слог кончил речение и он же бы был долгий. Причина тому: понеже мера духа человеческого требует того, для того что ежели бы одним духом читать, то бы не громок звон был рифмы при конце, и так же, все бы одним звоном гóлоса надлежало весь стих читать; а сие бы неприятным весь стих учинило, что искусством всякому легко можно познать. Но когда в два приема стих читается, то весьма он приятен кажется, и духом всякий слог ясно выражается. Чего ж бы ради оный седмой слог кончил речение и для чего бы ему долгому надлежало быть, то причина есть сия: ибо что на седмом слоге несколько надлежит отдохнуть, то явно, что на неоконченном худо бы было; но долгий долженствует для того быть, потому что на нем голос несколько возвышается, а следующее полстишие нижайшим голосом начинается. Французы в прочитании стихов весьма искусны; но сказывают, что не уступят им в том персиане, арапы и турки. О дабы между нами сие в обычай вошло! Тогда-то бы прямую мы узнали стихов сладость. в показание правильного пресечения всё тот же стих предлагаю.

Ум толь слабый плод трудов / краткия науки.

И понеже отдохнуть надлежит на пресечении, того ради речение, в котором находится пресечение, не долженствует соединено быть разумом сочинения грамматического с речением, которое начинает второе полстишие. Таковых недостаточных пресечений, которые соединяются с речением следующего полстишия, предлагаю я здесь примеры, каковым весьма не надобно следовать.

Предлог пред своим падежом:

Не зовем пииту чрез / рифму доброгласну.

Именительный пред личным глаголом:

Стихотворчеству нас бог / научает токмо.

Но хороший бы сей стих был тако:

Стихотворчеству нас бог / токмо научает.

Глагол личный пред именительным:

Стихотворчеством нашли / многи славу в людях.

Но изряден бы стих был тако:

Стихотворчеством нашли / в людях славу многи.

Глагол пред своим правым падежом:

Ныне уж я не люблю / стихотворства стара.

Но хороший стих будет тако:

Стара уж я не люблю / ныне стихотворства.

Сие ж разумеется о наклонении неопределенном:

Невозможно и любить / стихотворства стара.

Стих будет совершен тако:

Стихотворства и любить / невозможно стара.

Прилагательное пред существительным:

Пресечением худый / стих быть может худший.

Но следующим бы образом был изряден:

Пресечением худый / быть стих может худший.

Существительное пред прилагательным:

О приятен много стих / гладкий слуху нежду.

Но изряден бы стих был тако:

Слуху нежду много стих / о приятен гладкий.

Здесь надлежит примечать, что в сем последнем случае существительное может разделено быть от своего прилагательного чрез пресечение, буде за тем прилагательным следует другое или третье, кончащее стих; так же и прилагательное изрядно разделится от своего существительного, когда другое или третье идет за тем существительным, оканчивающее же стих. Обоему сему пример полагаю.

Существительное от прилагательного:

Больше стóбит слов пример / ясный и способный.

Прилагательное от существительного:

Выше мудрость, неж драгий / алмаз и злато.

Сверх сего, разум, продолжающийся после пресечения, не долженствует кончиться пред концом стиха, понеже бы сие учинило видимо два пресечения

и, следовательно, три полстишия, что стих героический весьма обезображает и мерзким чудовищем делает. Например:

Добрый человек во всём / добрым есть всё; а злой
тщится пребывать в зле / всегда; бес есть такой.

П р и б а в л е н и е

Частица *что* ни в своем знаменовании, ни за возносительные *который*, *которая*, *которое* слогом пресечения быть не может. Например:

В своем знаменовании:

Можно ль уповать нам, что / ты всем будешь верен.

П р и б а в л е н и е

Стих будет хороший тако:

Можно ль уповать, что ты / всем нам будешь верен.

З а в о з н о с и т е л ь н ы е :

Я двором владею, что / всех у нас был общий.

Но изрядный стих будет тако:

Двор, что всем нам общий был, / тем один владею.

П р а в и л о I V

Стих героический не долженствует недоконченный свой разум переносить в часть токмо следующего стиха, понеже тогда рифма, которая наибольшую красоту наших стихов делает, не столь ясно чувствуется, и стихи не равно падают. Например:

Суетная чести стень! для тебя бывает
Многое здесь; но увы! всё смерть отнимает.

Однако ежели б разум продолжился до конца следующего стиха и с ним бы окончился, то перенос не будет порочен. Например:

Суетная чести стень! для тебя бывает
Многое, что на земли смерть нам отнимает.

П р а в и л о V

Стих героический для нужды больше двух слитий иметь не должен, ибо сие стих жестоким и неприятным чинит. Например:

Преподобный и святой / избранный и верный.

П р а в и л о VI

Стих героический часто одно письма и один слог неприятным и не сладким звоном повторяет. Того ради весьма сего опасаться надлежит. Например:

Мне всегда тогда туда / идти мзда беда худа.

П р а в и л о VII

Стих героический слогом пресечения соглашается дурно и некстати с слогом рифмы, ибо то чинит не один, но два стиха. Например:

Тварей бог есть всех отец: / тот бо всех есть творец.

П р а в и л о VIII

Стих героический весьма непристойно непосредственными слогами пред рифмою одним и тем же гóлоса звоном с нею падает. Например:

Мудрым человеку быть / хоть не скоро, спору.

П р а в и л о IX

Стих героический не красен и весьма прозаичен будет, ежели сладкого, приятного и легкого падения не возымеет. Сие падение в том состоит, когда всякая стопа, или, по крайней мере, большая часть стоп, первый свой слог долгий содержит, и когда одно письма и один слог часто не повторяется, наконец когда всякая стопа или большая часть стоп между собою связываются, чем стих от прозаичности, как я в определении осьмом упомянул, избавляется. в пример представляю многажды повторенный от меня стих князя Антиоха Дмитриевича Кантемира, ибо сей стих весьма приятно всеми падает стопами:

Ѹ̄м̄ тѡ̄ь сл̄а̄ б̄ѣ̄ плѡ̄д̄ трѹ̄ дѡ̄в / кр̄аткѣ̄ ѣ̄н̄а̄ ѹ̄ж̄ѣ̄.

Для сего-то надлежит мерять стих героический стопами, а не слогами, как донныне наши многие стихотворцы неправильно поступают, а особливо веселые

бандуристы и нестройный полк песнолисцев: понеже меряя слогами весьма стих прозаичным, и не по охоте, учинится, разве по слепому случаю, как оный хорошим будет. А мерять стопами надлежит тако:

1		2		3		4		5		6		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Ум	толь	сла	бый	плод	тру	дóв /	крат	ки	я	на	у	ки
1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	4	5	6
1		2		3		4		5		6		

Или как в образце следующего моего двустишия:

1		2		3		4		5		6		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Вы	ше	зла	то	се	реб	ра́ /	зла	та ж	доб	ро	де	тель,
Доб	ро	де	те	ли,	нич	то́: /	выс	ша	сам	со	де	тель.
1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	4	5	6
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1		2		3		4		5		6		

Чрез сию схему выразуметь да и видеть можно, что наш героический стих есть эксаметр, то есть шестимерный, не считая слог пресечения долгий, для которого он гиперкатаlecticким, то есть лишний слог вне числа стоп имеющим, назваться может.

Что говорено о героическом нашем стихе, то ж всё разуметь надобно и о том нашем стихе, который одиннадцать имеет слогов, кроме того, что сей второй пресекает пятый слог и, следовательно, второе полстишие из шести ж слогов состоящее имеет. Но для того, что он пятью стопами мерится, то пентаметр, или пятимерный, назваться может. А что пресечения слог долгий же и вне числа стоп включает, то гиперкатаlecticким также назваться должен.

...

Напоследок, тем я за потребно рассудил окончить сей мой «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», что господин Боало Детро, лучший

стихотворец и славный сатирик французский, написал, сердясь на слагателей стихов своего народа, которые не знали в том ни складу ни ладу и которые думали (буде в конце одной строки напишут, например, *лавку*, а в конце другой приведут счастливо *булавку*), что стихи слагали, в одной речи, которую он стихами сочинил к государю своему Людовику XIV, королю французскому:

Mais je ne puis souffrir, qu'un esprit de travers,
qui pour rimer des mots, pense faire des vers.

То есть:

Не могу сего терпеть, кто, еще не кстати,
в рифму строки приводя, мнит стихи слагати.

http://az.lib.ru/t/trediakowskij_w_k/text_0060-1.shtml

О ДРЕВНЕМ, СРЕДНЕМ И НОВОМ СТИХОТВОРЕНИИ РОССИЙСКОМ

Поэзия, как подражание естеству и как истине подобие, есть одна и та ж, по свойству своему, во всех веках и во всех местах у человеческого рода; но способ речи, или стих, коим обыкновенно изображается поэзия, находится многоразличен в различных народах. Есть сложение стихов, которое долготою и краткостию времени меряет слоги речений; есть, кое в ударении просодиею на слоги поставляет долготу оную, но уже возвышающую токмо слоги без протяжения, а неударяемые, или понижаемые пред первыми, называет краткими складами; есть иное, где нет ни первого, продолжением и сокращением меряющегося, слогов количества, ни последнего, называемого тóническим, да токмо есть в нем одно число складов, определенное каждому стиху порознь. Все вообще на разных языках стихи, иные не соглашают подобным звоном окончаний предыдущего стиха с последующим непосредственно; а иные таким равногласным звоном в согласие их приводят, что ныне называется рифмою. Но и сия самая рифма также в стихах различна: иногда она односложная, называемая мужескою; иногда двусложная женская; иногда и трисложная обоюдная, то есть ни женская, ни мужеская, или мужеская и женская совокупно. Из рифм, инде в стихах употребляется одна женская, инде одна ж мужеская; но инде женская и мужеская, или мужеская и женская по пременам, а сия точно премена и проиеновалась ныне сочетанием. Присовокупляется некогда к сочетанию сему в наших стихах и обоюдная оная рифма: ибо прозаические наши периоды сею тройственною разностию оканчиваются, хотя впрочем и чаще, и для нашего слуха мернее, двусложною стопою хорей.

О самом первом начале поэзии и стиха вообще предложили мы уже наше мнение в первом томике книжек, названных «Сочинениями и переводами», изданных в 1752 годе; и кажется, что не без вероятности некоторые. Здесь намерен я сообщить читателям историческое описание, касающееся особливо до российского нашего стихосложения, древнего, среднего и нового: так что к показанию и определению первобытного нашего сложения стихов послужит мне, за неимением надлежащих и достопамятных, оставшихся от древности нашея, образцов, одна только вероятность; но среднее и новое потщусь изъяснить, при всей возможной твердости, самую точную достоверностию.

Бесспорно, во всех человеческих обществах, от самых первоначальных древности, богослужители были первенствующими стихотворцами и владели стихами всюду, как законным и природным своим наследием. Стихами не только прославляли они божество, но и достоинство свое отменяли тем родом речи от общего и простого слова. Посему и наши языческие жрецы, без сомнения, такое же равно преимущество имели и были главные и лучшие в наших обществах слагатели стихов. Итак, способ, бывший у них обыкновенным в составлении стиха, долженствует быть самое древнее стихотворение наше. Но что за род был стиховного их того состава, ныне нам видеть достоверно не по чему. Не осталось нигде для нас, по крайней мере не известно нам всем поныне ни о самом малом образчике, оставшемся от языческого нашего стихотворения: истребило его наставшее благополучно христианство. Однако, можно весьма вероятно, и почитай достоверно, представить его здесь, воскресив в потомстве побочном пред наше зрение.

И вкратце, количество его слогов было тоническое, или, что то же, в одном ударении силами слогов состоящее. Стопы не всякого рода употребляемы были; но особливо господствовали в нем хорей или трохей, иямб и пиррихий, дактиль и анапест. Односложные слова почитались общими, то есть и долгими и короткими. Стихи были у них и большие и малые. Наконец, предыдущий стих не соглашался подобным звоном с последующим стихом: каждый один о себе стихом состоял от стоп. Словом, рифм они не имели.

Но чем я, спросится, толь прямо сие утверждаю? Неподозрительными, отвечаю, и живыми свидетелями. Простонародные наши и те самые древние песни сие точно свойство в стихосложении своем имеют. Я сему дал неопровергаемый показ, в примечании под чертою, помянутого мнения моего о начале поэзии и стиха. Народный состав стихов есть подлинный список с богослужительского:¹ доказывает сие греческий и римский народ; а могут доказать и все прочие, у коих стихи в употреблении. Воззрим же теперь на начало нашего христианства; видим мысленно сущую нужду его только то истребить у нас, что

¹ Сие и собственным нашим примером утверждается: ибо с двести лет, без мала, назад певали у нас в церкви на всенощных бдениях псалом 103 так, что по окончании речи, когда напев требовал гагакания до начатия другой речи, вместо гагакания оного употребляемы были незначащие слова, а именно сии: ай, нененай, ани, ну, унани. Равно и простой народ в некоторых своих песнях, и в подобном случае, такие же употреблял незначащие ничего слова: здунинай, найнай, здуни. Подлого народа употребление сие и ныне еще слышать всякому можно; но церковное оное старинное обыкновение видимо только и доднесь в Псалтири, печатанной в Вильне 1576 года, а хранящейся в императорской Академической библиотеке.

непосредственно до богослужения ложного касалось: на народные, гражданские и дружеские употребления не с толиким сначала ревнованием оно взирало. Так точно сие было в самой первенствующей церкви, от язычников еллинов обратившейся; так равно надлежало быть сему и в нашем первоначальном христианстве: обстоятельства проповедников и церковных дел того требовали.

Итак, многодельное тогда первое наше христианство, хотя искоренило все многобожные служения и песенные прославления мнимым богам и богиням, однако с пренебрежения, или за упражнениями, не коснулось к простонародным обыкновениям: оставило ему забаву общих увеселительных песен и с ними способ (совершенно во всем подобный богослужительскому, как то сие ниже подтверждено будет) сложения стихов. Сие точно и есть первородное и природное наше, с самых отдаленных древности, стихосложение, пребывающее и доднесь в простонародных, молодецких и других содержаниях песнях живо и цело.

Начавшееся у нас христианство, истребившее все идольские богослужения и уничтожившее вконец сплетенные песни стихами в похвалу идолам, лишило нас без мала на шестьсот лет богочтительного стихотворения. Пребывало двоюродное родство его токмо, чтоб так сказать, как в залоге, у самого оною простого народа, в подлых его песнях; и переходило от века в век не без престарения. и хотя ж христианство награждало нас духовными песнями по временам, благороднейшими языческими и по содержанию, и по сладости, и по душевной пользе, однако всех таких священных гимнов, стихир и двустиший² перевод нам предан прозою. От сего, сверх природной способности, вкоренилась между нами проза за единственный способ речи; а заключенное мерами и числами слово, то есть стихотворение оное важнейшее, совсем позабыто: ибо простонародное стихосложение, за подлость стихотворцев и материй, от честных и саном знаменитых людей презираемо было всеконечно; так что и поныне, но уже незнающие и суетно строптивные люди зазирают неосновательно, ежели кто народную старинную песню приведет токмо в свидетельство на письме, хотя и с извинением в необходимости, о первоначальном нашем стихотворении.

² Гимнов и стихир, прозою переведенных, исполнен есть наш весь церковный круг; но из премножества двустиший, переведенных прозою ж, первое да будет здесь в пример, надписанное над синаксарем Сырной недели.

Мир с родоначальники горько да восплачет,

Снедию сладкою падший с падшими.

А другое над синаксарем же, читаемым в субботу Ваий, или Лазареву:

Рыдаеши Иисусе, сие смертного существа;

Оживляеши друга твоего, сие божественныя крѣпости.

Пребывала таким образом наша церковь с X века³ по XVI включительно без стихов, собственно так называемых по составу, имея впрочем стихи, только ж в прозе. Наконец, 1581-го уже года, явились стихи впервые при Библии Острожской на нашем языке. Однако состав тех стихов есть во всем неисправный: недостаточна в них мера, недостаточно число, рифма недостаточна: все первоначальное, рукотворимое ль оно или производимое разумом, таково обыкновенно, по большей части, бывает.

И как в сих стихах находится рифма, то причина есть помышлять, с какого образца она в те стихи введена. Сие может быть, во-первых, сделано для разности с простонародными оными стихами, в коих не находилось и не находится у нас рифм. Так точно было в греческой и римской церквях с первоначальных христианских веков. Греки-христиане и римляне стихами своими хотели всеконечно разниться, одни например от Гомера язычника, а другие от Вергилия. Доказывают сие следующие святого Григория Назианзина стихи и многие многих других стихотворцев христианских в Греции, также и премногих латинских церковных. Я образцы их здесь представлю, чтоб всяк мог сии примерцы читать и, читая, слышать в стихах звон рифм.

θεοῦ δίδοντας, οὐδέν ἰσχύει φόνος;
Και μη δίδοντας, ὀνδέν ἰσχύει πόνος.⁴

А из римских христианских стихов в пример же:

Tu in caelo régnas, Deus,
Nunc factus es Natus meus;
Li li, Li li, Li li,
O! dilecte fili.⁵

Или второе, с образца общегосподствовавшего тогда. С готических времен, не знаю какой рассеялся повсюду, на западе и на востоке, толь сильный дух любления и склонности к рифмам, что не токмо так называемых живых языков

3 Одни пишут, что благоверный и равноапостольный, святой великий князь Владимир просветил Российскую землю крещением в 988 лето; а другие, что сие он в 996 лето по Христе совершил.

4 Когда бог подает, то никак не преодолевает зависть;

А когда не подает, то никакой труд есть не успешен.

5 Ты в небе царствуешь, бог,
Ныне ставший сыном моим;
Лю лю, Лю-лю, Лю-лю,
О! милое дитячко.

в стихах за нежную сладость и великолепное украшение почлись рифмы, но и степенные языки, греческий⁶ по превосходству и римский, не хотели быть, как то уже я объявил, без оных. Сие удивительнее еще, приятность рифм на концах стихов толь усладительна тогда стала казаться, что не довольно было двух рифм в двух стихах, соглашам был один и тот же стих двумя уже рифмами, одною в середине, а другою на конце. Доказывают сие стихи медическая салернитанская школы,⁷ заведшиеся в XI веке в Кассинском италийском монастыре (после, как некто Константин именем принес туда латинские медические книги, переведенные с арапских), а потом перенесенные оттуда в ближний город Салерн; доказывают и так называемые леонинские,⁸ каковы и в нынешнее недавнее время сподобились мы читать печатанные нашим языком не у нас в России, не без смеха впрочем внутреннего составу сему. Но что последнее, то уже толь странно, что и невероятно б всякому показалось, ежели б не мог я доказать предлагаемого примерами, взятыми из письменных русских поэмы о Страшном суде, не знаю кем сочиненная: так рифма почтена необходимою в стихах, что хотя б слово рифмы и ничего не значило и было б всеконечно поврежденное или нарочно вымышленное, а соглашалось бы только изрядно с рифмою предыдущего стиха, такое чудовищное слово не токмо не пренебрегаемо было, но еще и предпочитаемо в стихе для рифмы.

6 Греки прозвали такие стихи *политическими*, то есть простонародными: ибо у Исократы в «Эвагоре» чрез политические имена разумеются имена простонародные. Также и Гален написал (Περὶ τῶν πολιτικῶν ὀνομάτων) о политических именах у Аристофана, Эвполида и Кратина; а чрез политические имена разумел он простонародные ж имена.

7 Каковы суть:

Caseus et panis sunt optima fercula sanis.

Сыр да хлеб, из даров, кушай всегда кто здоров.

Или:

Post coenam stabis, vel passus mille meabis.

Должно по кушанье стать, тысячью иль прошагать.

Или:

Permutant homines mores, cum dantur honores.

Нрава в премене есть, кто произойдет лишь в честь.

Или:

Corde stat infiato pauper, honore dato.

Подлый всяк напыщен, к чести когда приобщен.

8 Скалигер не знает, с чего и от кого названы такие стихи леонинскими. Некоторые причитают их пииту Льву, пятого века, о котором упоминает Фабриций в Греческой библиотеке, кн. 4, гл. 30. Другие приписывают их Льву IV папе римскому, коего житие описано от Палатины, а жил сей Лев в IX веке: он часть некоторую Рима хотел назвать Леонинскою от своего имени и сочинил несколько негодных гексаметров, надписанных над воротами той части Рима. Напоследок, иные полагают им начало во XII веке, а изобретателя Льва описывают монахом, бывшего в бенедиктинском чине.

ПРИМЕР I

1. Составы, кости трепещут,
и власы глав их клекещут.
2. Все и звезды наипаче
Чисти, светлзрачни в зраче.
3. Тако ж минует и протчих;
Огнь воссияет в горничих.
4. Но мирская красота,
Сила, слава, любота.
5. Оный ему есть светильник,
Троими враты входильник.
6. Все веселие духовно,
Всюду глас радости зовно.
7. Князь, княгиня, княжаны,
Воеводы, потентаны,
Военачальники мёрски,
Сухопутн, велик, малёрски.
8. Всем дадутся венцы драги,
Одежды златосветовлаги.
9. Благословенни получат,
Сирским язѣком возречат.
10. Потребно знать, из каких книг,
и кем сей собрася рифмиг.

Но как то ни есть, только ж в стихах, при Острожской оной Библии, употреблена рифма трисложная, двусложная и односложная по изволению: а сей состав стиха, когда исправился как в числе определенном слогов стиху, так в сечении на полстишиа большіѣ стихов и в приложении одной двусложной всюду рифмы перешел от белорусцев и поляков в Малую Россию, а из Малыя к нам; да и пребывал у нас с 1663 до 1735 ровно 72 года, и есть точно оный, который я называю *средним*.

Тридцать восемь лет спустя после стихов при Острожской Библии, а именно в 1619 году, Мелетий Смотрицкий, монах Виленского братства, муж искусный в греческом и латинском языке, издал, при Грамматике своей славенской, совершенно различный состав стихосложения с тем, какой показала, как в опыток, Острожская Библия. Неизвестно, способ ли ему рифмический не понравился, или так он был влюблен в греческий древний и латинский способ стихосложения, что составил свой, для наших стихов, совсем греческий, и потому ж латинский. Впрочем удостоверяет, что сделал он сие, подражая Овидию римскому стихотворцу, который, по объявлению летописца Матфея Стриковского в 4 книге, навѣ, в ссылке своей у сарматских народов, славенскому языку⁹ и писал стихи сим языком, да еще и охотно, как говорят; а писал он не иначе, как токмо по римскому составу стихов.¹⁰

Сему примеру Смотрицкий последуя, сделал наши гласные и двугласные литеры иные с природы долгими, иные краткими, а иные общими; притом, ввел и так называемое положение гласных, пред двумя согласными литерами, долгое, а иногда общее, буде из согласных обобщающая, по его, литера положится наперед пред гласною, а таемая следовать имеет, как то сие делается у греков и у латин в стихах. Ввел он и стопы все греческие, а именно, спондея, пиррихия, трохея, или хорея, иамба; анапеста, амфибрахия, амфимакра, бакхия, палимбахия, трибрахия и тримакра. Предложил, наконец, и роды стихов больших и малых, гексаметров, или героических, пентаметров, или элегиаческих, гексаметров с пентаметрами,

9 Подлинно, Овидий сам о себе утверждает, в книге III от Понта, в элег. 2, что он «научился говорить в ссылке по-гетически и по-сарматски»: *Nam didici Getice Sarmaticeque loqui*. Но гетический и сарматский тогдашний язык был ли нынешний славенский?

10 О сем сам же Овидий свидетельствует в III книге от Понта, в 13 элегии, говоря: «Написал я гетическим языком книжку или свиточек, и сочинил нашим составом варварские слова... да и начал иметь имя пиита между бесчеловечными гетами.

... Scripsi Getico sermone libellum,
Structaque sunt nostris barbara verba modis
..... coepique Poetae
Inter inhumanos nomen habere Getas.

или героэлегических, иамбических, сафических, фалевтических, гликонических, хориамбических и асклеиадических. Представляю здесь в пример только гексаметр его и героэлегический стих; от сих всяк способен уразумеет состав и всех прочих, кто ведаёт греческое или латинское стихотворение.

ПРИМЕР ГЕКСАМЕТРОВ

Сарматски новорастныя мусы стопу первую,
Тщащуся Парнас во обитель вечну зяяти,
Христе царю, прими; и благоволив тебе с отцем
И духом святым пети, учи российский
Род наш чистыми меры славенски имны.

Четвёртый и пятый стих в пятом месте имеют спондея, вместо обыкновенного дактиля; а спондей кладется, у греков и у латин, в пятое место тогда, когда стихом тем или какая великая важность, или какое превосходство, или превеликая скорбь и печаль объявляется.

...

<http://rvb.ru/18vek/trediakovsky/01text/02theory/142.htm>

Александр Петрович Сумароков

(1717–1777)

Русские цари всегда были отчасти и покровителями искусств. Неудивительно поэтому, что писатели обращались к ним и к их деятельности. и идея «просвещенного монарха», от которого ожидалась сдвиги в общественной жизни, новые импульсы для развития общества – все это сказывалось и в произведениях лучших писателей XVIII века. Прочитайте хвалебные оды Сумарокова; они – свидетельство отношения к царю, но и яркий пример патриотизма.

В стихах отражались и философские темы, размышления над смыслом жизни человека. Произведения Сумарокова, приводимые ниже, являются примером именно такого жанра. Сумароков считал необходимым, чтобы дворянин представлял собой пример для своих крепостных, о которых он должен заботиться и создавать таким способом предпосылки для их благосостояния.

Трагедии Сумарокова – основа репертуара подлинно русских театров того времени. Для его трагедий характерен упор на изображение свойств правителя, на противоречия в его душе, для автора не так уж важно динамическое действие. Противоборство разума и чувства отражается и в трагедии «Хорев», отрывки из которой приводятся в хрестоматии. Вы сможете определить, которые из принципов классицизма отражаются в подходе Сумарокова к теме трагедии?

ОДА ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ ПЕРЬВОЙ НА ДЕНЬ ЕЯ РОЖДЕНИЯ 1755 ГОДА ДЕКАБРЯ 18 ДНЯ

Благословенны наши лета.
Ликуй, блаженная страна!
В сей день тебе Елисавета
Всевышним и Петром дана.
Источник празднуня судьбине,
Возрадуйтесь, народы, ныне,
Где сей царицы щедра власть.
О день, исполненный утехи!
Великого Петра успехи
Тобою славят нашу часть.

Не ищешь ты войны кровавой
И подданных своих щадишь,
Довольствуясь своею славой,
Спокойства смертных не вредишь.
Покойтесь, Русских стран соседы;
На что прославленной победы
И грады превращати в прах?
Седящая на сем престоле
Нельзя хвалы умножить боле,
Ни света усугубить страх.

Императрица возвещает,
Уставы истины храня:
„Кто в сердце дерзость ощущает
Восстать когда против меня,
Смирю рушителей покою,
Сломлю рог гордый сей рукою,
Покрою войском горизонт;
Увидит чувствуя вскоре
Петровой дщери силу море:
Покрою бурный флотом понт“.

Над ними будешь ты царица,
Наложись на противных дань.
Воздвигни меч, императрица,
Когда потребна будет брань!
Пред войском твой штандарт увидев,
Мы, тихий век возненавидев,
Забудем роскошь, род и дом:
Последуя монаршей воле,
Наступим на Полтавско поле.
Бросай ты молнию и гром.

Тогда сей год возобновится,
В который в чреве ты была,
И паки пламень тот явится
Против на нас восставша зла.
Ужасна ты была во чреве,
Ужасней будешь ты во гневе:
Ты будешь верность нашу зреть.
Восстаньте, разных стран народы,
Бунтуйте, воздух, огонь и воды!
Пойдем пленить или умереть.

Пожжем леса, рассыплем грады,
 Пучину бурну возмутим.
 Иныя от тебя награды
 За ревность мы не восхотим,
 Чтоб ты лишь перстом указала
 И войску своему сказала:
 „Достойны россами вы слыть“.
 О дочь великому Герою!
 Готовы мы идти под Трою
 И грозный океан преплыть.

Внимаю звуки я тогдашни:
 Се бомбы в облака летят,
 Подкопы воздымают башни,
 На воздух преисподню мчат.
 Куда ни хочет удалиться,
 Не может враг переселиться,
 На суше смерть и на водах.
 Врагов я вижу усмиренных.
 Уже россиян разъяренных
 На градских вижу я стенах.

Но днесь, народа храбра племя,
 Ты в мысли пребывай иной:
 Забудь могущее быть время
 И наслаждайся тишиной.
 Вспевайте, птички, песни складно,
 Дышите, ветры, вы прохладно,
 Целуй любезную, зефир;
 Она листочки преклоняет,
 Тебя подобно обоняет,
 Изображая сладкий мир.

На нивах весело порхает
И в жирных пеллепел травах,
И земледелец отдыхает,
На мягких лежа муравах;
Не слышны громы здесь Беллоны,
Не делают тревоги стоны,
Нет плача вдов и бед сирот.
Драгой довольствуюся частью,
Живя под милосердой властью,
О, коль ты счастлив, россов род!

С разверстаем свирепа зева
Бежит из рощей алчный зверь,
За ним стремится храбра дева,
Диана, иль Петрова дочь;
Девушка красотою блещет
И мужественно стрелы мечет.
Но кое здание зрю там!
И что, мои пленя взоры,
Мне тамо представляют горы?
Диана, твой Эфесский храм.

Покойся, града удаленна,
В прекрасных ты чертогах сих
И, в тишине увеселенна,
Покойся по трудах своих,
Полночны ветры, отлетайте,
Луга, вседневно процветайте,
А ты тверди наш, эхо, глас:
„Мы счастливые человеки;
Златые возвращенны веки
Елисаветой ради нас“.

Оттоль, монархиня, взираешь
На град Петров, на свой престол,
И как ты взоры простираешь,
Твои слова сей слышит дол:
„В сем месте было прежде благо,
Теперь сияет тамо злато
На башнях счастья творца;
Нева средь пышна града льется,
Отколе эхо раздается
О славе моего отца“.

ОДА ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ ВТОРОЙ НА ВЗЯТИЕ ХОТИНА И ПОКОРЕНИЕ МОЛДАВИИ

В далеки в высоте пределы
Я дерзостно мой дух вознес;
Куда влететь не могут стрелы,
Я зрю себя в краях небес.
Я слышу ангелов просящих
И тако к вышнему гласящих:
„Правитель естества! Внемли,
Исторгни скипетр оттомана!
Достойна такового сана
Екатерина на земли“.

Екатерина! Пред тобою
Пошлет архистратига бог.
Твоею счастливой судьбою
Воздымется Палеолог.
Тогда Византия възграет,
Что грек оковы попирает
И изгнана Агарь из врат.
Романия, скорбя, не дремлет,
Главу восточный Рим подъямет.
Европа видит новых чад.

Преклонят пред тобой колена
Страны, где сад небесный был,
И, игом утесненный плена,
Восплещет радостию Нил.
А весть быстрее аквилона
До стен досяжет Вавилона,
Подвигнет волны Инда страх.
Мы именем Семирамиды
Рассыплем пышны пирамиды.
Каир развеем, яко прах.

Разверзлось огненное море,
 Дрожит земля, и стонет твердь,
 В полках срацинских страх и горе,
 Кипяща ярость, казнь и смерть.
 Минерва росска громы мещет,
 Стамбул во ужасе трепещет,
 Трясутся нивы и луга.
 От горизонта раздраженна,
 От неба жарко разозжженна,
 Вал сохнет, тлеют берега.

Не сферу ль буря разрывает,
 Иль огненный спустился понт?
 В дыму Днестр очи закрывает,
 Горящий видя горизонт?
 Не ад ли в оной скорби стонет,
 Не род ли смертных паки тонет,
 Не разрушается ли свет?
 В густой и освещенной ночи
 Возводит Днестр на небо очи
 И тако к солнцу вопиет:

„Пошли, о солнце, мне отраду,
 Не дай мне зреть последних дней!
 Или ты паки горду чаду
 Вручило пламенных коней?“
 — „Молчи! — ему вещает слава.
 Не гордая разит держава.
 А то участие не твое;
 Не злоба естеством играет,
 Но злобу истина карает,
 Восставшу нагло на нее“.

Хотин опустошает дома,
И в степи жители бегут.
Зря молнии и слыша громы,
Живот единый берегут,
Но слава им с кровава бою
Гласит российскою трубою:
„Ты тщетно кроешься, народ!
Екатерина гнев подвигнет,
Ея рука тебя достигнет
И в бездне Ахеронских вод“.

Россия наглу презирает
Твою державу, оттоман,
И тако Порту попирает,
Как Пико гордый океан.
Гора от молнии спасенна
И выше облак вознесенна,
Спокойно видя под собой
Воюющего с ней Эола
И внемля шумы грозна дола,
Пренебрегает ветров бой.

Великого земель округа,
Которым пышен весь Восток,
Брега с Египтом жарка Юга
И струй Евфратовых поток
Мечем российским сокрушатся,
Селенья их опустошатся.
Мой слава повторяет глас:
„Где зрятя днесь высоки башни,
Там будет лес, луга и пашни,
Плен, смерть оттоль исторгнут вас!“
Хотя ты в ярости злей ада
Стремишься против нас, Стамбул,

Хотя бы из обширна града
На россов ты геенной дул,
Попрем ток вод, дубравы, камень,
Пройдем сквозь пыль, сквозь дым и пламень.
Услышится твой вопль и стон,
Тогда раскаешься, но поздно;
Уже настало время грозно,
Трясется оттоманов трон.

И се Молдавские долины,
Лес, горы и потоки вод
Под областью Екатерины.
Славенский к ней бежит народ,
К Неве Европа взоры мещет,
На троне Мустафа скрежещет,
И Порта гордая дрожит;
Низвержется султан со трона,
Увидим нова фараона:
Он морем в Азию бежит.

ПРОТИВУ ЗЛОДЕЕВ

На морских берегах я сию,
Не в пространное море гляжу,
Но на небо глаза возвожу.
На врагов, кои мучат нахально,
Стон пуская в селение дально,
Сердце жалобы вносит печально.
Милосердие мне сотвори,
Правосудное небо, воззри
И все действия мои разбери!
Во всей жизни минуту я каждую
Утесняюсь, гонимый, и стражду,
Многократно я алчу и жажду.
Иль на свет я рожден для того,
Чтоб гоним был, не зная для чего,
И не трогал мой стон никого?
Мной тоска день и ночь обладает;
Как змея, мое сердце съедает,
Томно сердце всечасно рыдает.
Иль не будет напастям конца?
Вопию ко престолу творца:
Умягчи, боже, злые сердца!

МОЛИТВА

Не терпи, о боже, власти
Беззаконных ты людей,
Кои делают напасти
Только силою своей!
Сколько злоба возвышенна,
Столько правда устрашенна.
Не на то даны дни века,
Чтоб друг друга нам губить;
Человеку человека,
Творче, ты велел любить.
Кто как титлами ни славен,
Пред тобой с последним равен.
Титла громкого содетель
Часто развращенный свет.
Лишь едина добродетель
Преимущества дает,
И она всего дороже;
Защищай ее ты, боже!

НА СУЕТУ ЧЕЛОВЕКА

Суетен будешь
Ты, человек,
Если забудешь
Краткий свой век.
Время проходит,
Время летит,
Время проводит
Всё, что ни льстит.
Счастье, забава,
Светлость корон,
Пышность и слава —
Всё только сон.
Как ударяет
Колокол час,
Он повторяет
Звоном сей глас:
„Смертный, будь ниже
В жизни ты сей;
Стал ты поближе
К смерти своей!“

ЧАС СМЕРТИ

О мысли люты!
Кончается мое
На свете бытие,
Преходит житие,
Пришли последние минуты,
Пришел ко мне тот час,
Который преселяет нас
Во мрачну бесконечность.
Отверста моему смятенну духу вечность:
Погаснут данные мне искры божества,
Потухнут мысли все и чувство вещества,
В ничто преобращусь навек из существа;
Престрашную судьбою
Расстанусь навсегда
Со светом и с собою,
Засну, и не проснуся никогда.
На то ль я, боже мой, произведен тобою,
Чтоб сей вкусил я страх
И претворился в прах?
Щедролюбивая и всемогуща сила
Нельзя, чтоб действие лютейшее сносила —
Восстану я опять.
Но, ах, возможно ли исчезнуть и восстать?
Когда есть бог, возможно,
А бог, конечно, есть, мы знаем то неложно.

ОДА О ДОБРОДЕТЕЛИ

Всё в пустом лишь только цвете,
Что ни видим, — суета.
Добродетель, ты на свете
Нам едина красота!
Кто страстям себя вверяет,
Только время он теряет
И ругательство влечет;
В той бесчестие забаве,
Кая непричастна славе;
Счастье с славою течет.

Чувствуют сердца то наши,
Что природа нам дала;
Строги стойки! Не ваши
Проповедую дела.
Я забав не отметаю,
Выше смертных не взлетаю,
Беззакония бегу
И, когда его где вижу,
Паче смерти ненавижу
И молчати не могу.

Смертным слабости природны,
Трудно сердцу повелеть,
И старания бесплодны
Всю природу одолеть,
А неправда с перва века
Никогда для человека
От судьбины не дана;
Если честность мы имеем,
Побеждать ее умеем,
Не вселится в нас она.

Не с пристрастием, но здраво
Рассуждайте обо всем;
Предпишите Оно право,
Утверждайтесь на нем:
Не желай другому доли
Никакой, противу воли,
Тако, будто бы себе.
Беспорочна добродетель,
Совести твоей свидетель,
Правда — судия тебе.

Не люби злодейства, лести,
Сребролюбие гони;
Жертвуй всем и жизнью — чести,
Посвящая все ей дни:
К вечности наш век дорога;
Помни ты себя и бога,
Гласу истины внимли:
Дух не будет вечно в теле;
Возвратимся все отселе
Скоро в недра мы земли.

ГИМН О ПРЕМУДРОСТИ БОЖИЕЙ В СОЛНЦЕ

Светило гордое, всего питатель мира,
Блистающее к нам с небесной высоты!
О, если бы взыграть могла моя мне лира
Твои достойно красоты!

Но трудно на лицо твое воззрети оку;
Трудные нам еще постигнута тебя;
Погружено творцом ты в бездну преглубоку,
Во мраке зря густом себя.

Вострепетала тьма, лишь только луч пустился,
Лишь только в вышине подвигнулся с небес,
Горящую стрелой дом смертных осветился,
И мрак перед тобой исчез.

О солнце, ты — живот и красота природы,
Источник вечности и образ божества!
Тобой жива земля, жив воздух, живы воды,
Душа времен и вещества!

Чистейший бурный огонь, лампада перед вечным,
Пылающе пред ним из темноты густой,
Волнующаяся стремленьем быстротечным,
Висяща в широте пустой!

Тобою всякое дыханье ликовствует,
Встречает радостно лицо твое вся тварь,
Пришествие твое вседневно торжествует;
Небесных тел ты — вождь и царь!

Объемля взором всю пространную державу,
Вовеки бодро бдя, не дремля николи,
Великолепствуя, вещаешь божью славу,
Хваля творца по всей земли.

ОДА НА СУЕТУ МИРА

Среди игры, среди забавы,
Среди благополучных дней,
Среди богатства, чести, славы
И в полной радости своей,
Что всё сие, как дым, преходит,
Природа к смерти нас приводит,
Вспоминай, о человек!
Умрешь, хоть смерти ненавидишь,
И всё, что ты теперь ни видишь,
Исчезнет от тебя навек.

Покинешь матерню утробу —
Твой первый глас есть горький стон,
И, исходя отсель ко гробу,
Исходишь ты, стенья, и вон;
Предписано то смертных части,
Чтоб ты прошел беды, напасти
И разны мира суеты,
Вкусил бы горесть ты и сладость,
Печаль, утеху, грусть и радость
И всё бы то окончил ты.

Во всем на свете сем премена,
И всё непостоянно в нем,
И всё составлено из тлена:
Не зрим мы твердости ни в чем;
Пременной естество играет,
Оно дарует, отбирает;
Свет — только образ колеса.
Не грянет гром, и ветер не дохнет,
Земля падет, вода иссохнет,
И разрушатся небеса.

Зри, как животных гибнут роды,
На собственный свой род воззри,
Воззри на красоты природы
И коловратность разбери:
Зимой луга покрыты снегом,
Река спрягается со берегом,
Творя из струй крепчайший мост;
Прекрасны, благовонны розы
Едины оставляют лозы
И обнаженный только грозд.

Почтем мы жизнь и свет мечтою;
Что мы ни делаем, то сон,
Живем, родимся с суетою,
Из света с ней выходим вон,
Достигнем роскоши, забавы,
Великолепия и славы,
Пройдем печаль, досаду, страх,
Достигнем крайнего богатства,
Преодолеем все препятства
И после превратимся в прах.

Умерим мы страстей пыланье;
О чем излишне нам тужить?
Оставим лишнее желанье;
Не вечно нам на свете жить.
От смерти убежать не можно,
Умрети смертным неотложно
И свет покинуть навсегда.
На свете жизни нет милае.
И нет на свете смерти зляе, —
Но смерть — последняя беда.

ПОСЛЕДНИЙ ЖИЗНИ ЧАС

Я тленный мой состав расстроенный днесь рушу.
Земля, устроив плоть, отъемлет плоть мою,
А, от небес прияв во тленно тело душу,
Я душу небесам обратно отдаю.

http://az.lib.ru/s/sumarokow_a_p/text_0340.shtml

ХОРЕВ

ТРАГЕДИЯ

Представлена в первый раз в начале 1750 года
на Императорском театре в Санктпетербурге.

Действующие лица

Кий, князь Российский.

Хорев, брат и наследник его.

Завлох, бывший князь Киева-града.

Оснельда, дочь Завлохова.

Сталверх, первый боярин Киев.

Велькар, наперсник Хоревов.

Астрада, мамка Оснельдина.

Два стража.

Три воина.

Пленник.

Действие в Киеве, в княжеском доме.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Оснельда и Астрада.

Астрада

Княжна! Сей день тебе свободу обещает,
Впоследние тебя здесь солнце освещает.
Завлох родитель твой, пришел ко граду днесь,
и воужаются ко обороне здесь.
Уж носится молва по здешнему народу,
Что Кий, страшася бедств, дает тебе свободу.

Оснельда

О день, когда то так, день радости и слез!
Щедрота поздняя разгневаных небес,
Смешенна с казнию и лютою напастью!
Чрез пушью беду отверзя путь ко счастью!
Астрада! Мне уже свободы не видать,
Я здесь осуждена под стражею страдать.
Хотя я некую часть вольности имею
и от привычки злой претерпевать умею,
А там... уввы!..

Астрада

А там остаточный предел,
Где множество еще во власти вашей сел,
Наследие твое, и ты воздвигнешь племя
Бесчадному отцу. Уже приходит время
Тебе достойного супруга получить
и падший род опять от низких отличить.
Ты будешь мать...

Оснельда

Молчи, не представляй мне браков,
Несчастной мне к тому ни малых нет признаков.
Довольно! Я хочу из сих противных мест.
О жалостна страна! О горестный отъезд!
Толкуй мои слова, толкуй мои напасти
и сожалея о мне в такой суровой части.

Астрада

Поняти не могу сей тайны твоея.

Оснельда

Теперь откроется тебе душа моя,
Но, ах! Объемлет стыд, все мысли днесь мятутся,
и речи во устах безгласны остаются.

Астрада

Никак постигла я? Любовь...

Оснельда

Прилично ль мне
Ея заразы знать в печальной сей стране?
О том ли помышлять Оснельде надлежало?
Но, ах! Вошло во грудь сие змеино жало.
Ты сказывала мне отцево житие
и многожды притом плачевно бытие,
Как смерть голодная народы пожирала
и слава многих лет в одну минуту пала.
Благополучный Кий победу одержал,
Родитель мой тогда в пустыни убежал,
В отчаяньи своем тревожась, унывая,
Озера на коне и реки преплывая,
С оставшим воинством лес, горы преходя,
Разбит и побежден из степи в степь блудя.
Моя стенаща мать, сынов своих лишася,
Впоследок и с своим супругом разлучася,
Услыша злую весть, что Кий, как ветер прах,

Народы разметав, во градских уж вратах,
 Лице горчайшими слезами омывала
 и кровь свою своей рукою проливала
 И, лобызаючи в последние меня,
 Скончала бедну жизнь, в сон вечный пременя.
 А я, в пленение сие низвергшись году,
 Не помню ни отца, ни матери, ни роду;
 Однако кровь во мне во все шестнадцать лет,
 Как помнить я могу, отмщенье вопиет.
 Я сказанное мне плачевно время вижу
 и рода моего убийцу ненавижу;
 Но, ах! Хорев в те дни хотя младенец был,
 Он Кию брат, увы!.. а мне, Астрада, мил.

Астрада

Искореняй сей яд, отец тебя желает.

Оснельда

Мне памятен мой долг; пускай сей огонь пылает;
 Какие б надобно суровости иметь,
 Когда б отца могла и не хотела зреть?
 Оснельда только сим единым ныне льстится;
 Но дух, мой слабый дух и рвется и мутится.

Астрада

Давно ль, с которых дней ты знаешь эту страсть,
 и непорочный дух познал любви власть?

Оснельда

Шесть месяцев уже, Астрада, унываю
и слез в одре моем потоки проливаю.
Достоинства его и искрения любовь
Против желания зажгли незапно кровь.
Я стала на него охотнее смотрети,
Не смысля, что иду в неисходимы сети.
Искала, чтобы мне с ним чаще купно быть
и время горести скоряе проводить.
и стало без него везде впоследствии скучно,
Желала, чтоб была с Хоревом неразлучно.
и в то-то время я узнала страсть мою,
Которую еще поныне я таю.
Я злилась на себя за сей преступок грозно
и каялась, но что! Уже то было поздно.

Астрада

А если Кий отдаст отцу тебя назад
и будешь ты должна покинута сей град,
Возрадуешься ли, родителя увидя?

Оснельда

Возрадуюсь, но жизнь мою возненавидя!
и только весел сей единый будет час,
Он веселу меня один увидит раз.
Но как то уж ни есть, мне льстит сия минута.
Поди и известись, ужель судьбина люта
Назначила сей день Завлоха облегчить,
и верь, хотя она стремится приключить
Жестоку мне тоску и жалкую разлуку,
Я бодро шествую на эту злую муку.

ЯВЛЕНИЕ II

Оснельда

(одна)

К чему ведет меня моя судьбина зла?!
 К таким ли дням, любовь, во мне ты кровь зажгла!
 Несчастливым времен жестоки все премены.
 О дом отцев моих! О вы, противны стены,
 Которыми пришлец сей город оградил!
 Земля, в которой Кий кровавы токи лил!
 Места, толь много раз слезами орошенны,
 Возлюбленным моим Хоревом украшенны,
 Печалей и утех собрание и смесь,
 Чем слабая душа обремененна днесь!
 Отверзи мне врата любезныя темницы
 и выпусти меня за Киевы границы!
 О честь! О долг! Любовь! Мой князь! Родитель мой!
 Делите сердце днесь и рушьте мой покой!
 А ты, о естество! терпи случаев ярость
 и бременем своим несчастливую старость
 Потщися ободрить, как бедной небеса
 Дадут на жительство дремучие леса!

ЯВЛЕНИЕ III

Оснельда и Хорев.

Хорев

Готовься к радостям, княжна, в сей день желанный,
Уж час приближился, тобой толь часто званный,
Уже открылся путь тебе из здешних стен,
Ступай и покидай места сии и плен,
Родитель твой в сей день тебя к себе желает,
А Кий, мой брат, на то уже соизволяет.
Внимай из уст моих желаемый отъезд,
Но, отлучался из сих противных мест,
Которые тебя в неволе содержали,
Когда дни счастливы Завлоха пробежали,
Хотя единою утробой я рожден
Со князем, коим твой родитель побежден,
Не ставь меня врагом. Мной, сколько можно было,
Несчастье тебя под стражею щадило;
Я тщился оное вседневно облегчать...
Ты плачешь, но к чему так сердце отягчать?
Или вспомнила ты Киеву досаду?
Но я противного не подавал и взгляду.

Оснельда

Я плачу, что тебе бессильна отслужить;
Но верь мне, верь, мой князь, где я ни буду жить,
Я милостей твоих вовеки не забуду
и с ними вспоминать тебя по гроб мой буду.
О солнце, кое здесь в последний раз я зрю!
О солнце! Ты то зришь, от сердца ль говорю!
В том ты свидетель будь, что имя милосердо,
Доколе я жива, пребудет очень твердо.

Хорев

Впоследние уже любезный слыша глас
и видя пред собой тебя в последний раз,
Прошу тебя, скажи, скажи, княжна драгая,
Мои усердия в уме располагая,
Возмог ли сердце я твое тогда тронуть?
и чувствовала ли твоя хоть мало грудь
Тобой в моей крови произведенный пламень?
Но можно ль воспалить огнем любовным камень?!
Я многажды тебе горячность открывал,
Которою меня твой сильно взор терзал.
Открытие сие мя паче тяготило,
Что слово на него ни разу не польстило.
Но кая красота мне язву подала
и во отчаянном уме моем жила?
Я чаял, я рожден к единой только брани,
Противников карать и налагати дани,
Но бог любви тобой ту ярость умягчил,
Твой взор меня вздыхать во славе научил.
Когда твои глаза надежду мне давали,
А беспристрастные слова мне сердце рвали,
Я слабости своей стыдился и стенал
и в горести моей, что делати, не знал,
Против тебя, против себя вооружался,
и пламень мой тобой вседневно умножался.
Я тщился много раз, дабы тебя забыть,
и мнился иногда уже свободен быть,
Но, вспомнив, я опять то чувствовал, что страстен.
Сей гордый дух тебе стал вечно быть подвластен.

Оснельда

Ах, князь, к чему уж то, что я тебе мила?
К чему тебе желать, чтоб я склонна была?
Не мучь меня, не мучь, не извлекай слез реки;
Уж больше не видать тебе меня вовеки.
Когда тебе судьба претит меня любить,
Старайся ты меня из мысли истребить.

Хорев

Коль любишь, так скажи, исполнь мое желанье;
Пускай останется хотя воспоминанье.

Оснельда

Люблю... Доволен ли? Поди из глаз моих,
Оставь меня в тоске, останься в мыслях сих,
Я все вздыхания свои напрасно трачу.
Мне время отъезжать, а я лишь только плачу.
Ищи другой любви. Довольно в свете дев,
Которым будет мил любезный мой Хорев.
Люби, которая иметь то счастье станет,
А та тебя по гроб без слез не вспомянет,
Которой эту часть хотело небо дать,
Чтоб ей тебя по смерть любить и не видать.

Хорев

Ты любишь, а меня смертельно поражаешь?
Ты плачешь, а сама отселе отъезжаешь?
О боги! О княжна! Имейте жалость днесь!
Пребудь над градом свет! Княжна, останься здесь!

Оснельда

Мой рок такой, чтоб я Хорева покидала
и чтоб его вовек отныне не видала.

Хорев

Вещаешь о любви ты только мне маня!

Оснельда

Как я тебя люблю, люби ты так меня,
Или не верь, имей неправедные мысли
и мне еще сию беду к бедам причисли.
Каких ты требуешь свидетелей глазам,
Когда не веришь ты ни стону, ни слезам?!

Хорев

Чего желается и что нам толь приятно,
То кажется всегда нам быть невероятно
и зрится, как во сне. Но, о престрашный сон!
Какое множество в сем счастьяи препон!
Приятные часы! Вы щедры мне и люты.
Какими я могу назвать сии минуты?
Несчастливыми почесть? Мне много счастья в них!
За счастливы приять? Что зляй минут мне сих?!
Оснельда, если брак любви не разрушает
и должность пламени в крови не угасает,

Почто творити нам друг другу вечный стон
и что препятствует взойти тебе на трон,
Который ждет меня?.. Ты мне не отвечаешь.
Иль скипетр и в моих руках противным чаешь?

Оснельда

Престань себе, мой князь, надеждою сей льстить,
И, ах! престань, престань мой разум сим мутить,
Судьба меня с тобой навеки разделила,
и тщетно нас любовь с тобой соединила.
Как буду я иметь в одре моем того,
Чей с трона брат отца низвергнул моего
и трупы братиев моих влачил бесстыдно,
Взирая на престол Завлохов зверовидно,
Граждан без жалости казнил и разорил,
и кровью нашею весь город обагрил,
Оснельду в пеленах невольницей оставил?
Перун! Почто меня от смерти ты избавил,
А, жизнь оставя, дал ты чувствовати честь?
Или чтоб было мне трудняе иго несть?
Мне б лучше умереть, как жити во неволе,
и зрети хищника на отческом престоле.

Хорев

Сея ли речи я из уст любезных ждал?
Завлоха я еще, еще не побеждал;
Но, может быть?.. Увы! Ты плач усугубляешь.

Оснельда

Какие ты слова со мной употребляешь?!
Довольствуйся моей ты слабостью и рви
Во мне печальный дух, жестокий, в сей любви!
Оставь невольницей Оснельду в жизни слезной,
Терзай меня, дерись с отцем своей любезной!
Оружье я сама против себя дала,
Но вспомни ты, того ль я, чтя тебя, ждала.
Твоя рука еще Оснельду не губила,
Так сделай, чтоб она Хорева не любила.
Разрушь враждой любовь, будь счастлив, побеждай,
Взносись моей бедой; лишь только рассуждай:
Против кого ты, князь, ко брани гнев сугубишь?
Идешь против тоя, которую ты любишь!

Хорев

А если твой отец позволит нам сие?..
Скончаешь ли, княжна, мучение мое?

Оснельда

Какую область ты имеешь надо мною!
Я злб не чувствую, мне сказанных тобою.

Хорев

Всесильны небеса! Подайте помощь нам,
Оставьте дух во мне и свет моим очам!
Завлохов будет род тобой опять восставлен,
и твой поносный плен моим венцем прославлен,
А Кий препятствовать не будет нам ни в чем,
и брань окончится любовью, не мечем.

Оснельда

Из наших подданных, стнящих здесь во граде,
Пошли с сей вестию к Завлоховой досаде,
Чтоб ведал он, хоть я преступницей даюсь,
Что я в моей любви врагов его таюсь.
и только лишь с тобой единым согласилась.
О небо! Что за мысль в мой слабый ум вселилась?!

Хорев

Поди, дражайшая, и грамоту готовь,
Пиши к родителю, что вложит в ум любовь.
Изобрази отцу, стоящу в ратном поле,
Что кровь его опять здесь будет на престоле
и пленники своих покинут тягость уз,
Когда совокупит желанный нас союз.
Посол тебе в сей час, любезная, предстанет.
Увы, когда моя надежда мя обманет!

...

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Кий
(один)

О бремя тяжкое порфиры и короны!
Законодавцу всех трудней его законы.
Во всей подсолнечной гремит монарша страсть,
и превращается в тиранство строга власть,
А милость винному, преступнику прощенье
Нередко и царю и всем в отягощенье.
Но меры правоты всегда ли лъзя найти,
По коей к общему блаженству мочь идти?
Потребно множество монарху проицанья,
Коль хочет он носить венец без порицанья,
И, если хочет он во славе быти тверд,
Быть должен праведен, и строг, и милосерд,
Уподоблятися правителям природы,
Как должны подражать ему его народы.
Но коей радости в победе ныне жду?
Почто в желанный гроб толь медленно иду?

ЯВЛЕНИЕ II

Кий, Велькар с Завлоховым мечом
и несколько воинов с ним.

Кий

Что вижу я?!

Велькар

Се меч Завлоха побежденна,
Отдаться пленником Хореву принужденна.

Кий

(единому из воинов)

Беги скорей к княжне, к владычице своей,
К невесте княжеской, скажи свободу ей
и чтоб Сталверх пришел.

Велькар

Скончавши дня ненастье,
Хорев сугубое в сей день имеет счастье!

Кий

Дай небо, чтоб его он подлинно имел!

Велькар

О если б, государь, дела его ты зрел!
 Еще полки на брань не двинулись из града,
 Завлох уж был у стен, и началась осада.
 Тронулось воинство, но уж у каждых врат
 Спиралися враги, бросая смерть во град.
 Что сила мужества собранием поздала,
 Победа, ждуща нас, нас страхом обуздала.
 и как уже Завлох во град войти хотел,
 Хорев, зря бедство то, против него летел,
 Встречается, разит со мужеством премногим;
 Так средь шумящих вод, волнам противясь строгим,
 Корабль, отвсюду ждущ погибелей своих,
 Дерзает на валы и попирает их.
 Их стрелы так, как град, противу нас неслися.
 Казалось, поля от ужасу тряслися.
 Воспоминанием прешедшия войны,
 Где гибли чада их, родители, жены,
 Они на грозну смерть с бесстрашием бежали,
 Летели помереть и смерть уничтожали.
 Князь малое число людей с собой имел,
 и против с ними он великой бури шел.
 Хорева действия бесстрашны показали,
 Увидели враги. „То он, то он!“ – сказали.
 Метались на него, но смерть на месте сем
 Ужасна им была с Хорововым мечем.
 Хотя они его отвсюду окружали,
 Но руки над головой его с мечми дрожали,
 Когда их дерзости сопротивлялся рок
 и лился от меча отстрейша кровный ток.
 Несется страшный глас по воинству во граде:
 „Хорев сражается и у врагов в осаде!“
 Сей глас, стнящий глас, как некий новый бог,
 Воинские сердца еще жарчае жег.
 Приходит новая во все их сила члены,

И, вместо врат, пути творят себе чрез стены.
Стремятся времена продлить дней драгих,
Текут во множестве, где гибнет счастье их,
На копья, на мечи свергаются с размаху,
Не чувствуя в сердцах ни гибели, ни страху.
На избавление к нему весь град предстал;
Смятенный им народ мечами заблистал,
Геройско мужество в отваге войско мчало.
Посем порядок тут приял свое начало.
На зверя яко зверь стремится, на тельца,
Так князь пошел против Оснельдина отца.
Сугубо мужество их воинству являет
и все свои полки далеко оставляет.
и как копье свое в щиты Хорев вонзал,
Два раза конь под ним от стрел вонзенных пал,
От третьей от стрелы упал, не мог встать боле
и всадника на смерть оставил пеша в поле.
Во опасении Хорев вторичном был,
Но, тьмой врагов объят, вокруг себя рубил.
Шелом с главы упал, а он на смерть остался,
Однако на врагов своих, как лев, метался.
Се воинство опять за ним на смерть спешит,
Воинска жара смерть нимало не туш_и_т.
Бегут рассеянно враждебные народы,
Бегут без памяти, падут с коньми с гор в воды.
Имея при себе все войско и меня,
Хорев вооружен восходит на коня.
Врагов, как ветер прах, он бурно возметает
И, яко молния, в полях с мечем блистает.
Сим новую в полках он силу возбудил
и храброго врага преславно победил.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и посланный к княжне.

Посланный

Скрепися, государь!

Кий

О злое рока жало!

Велькар

Что сделалось здесь?

Посланный

Оснельды, ах, не стало!

Велькар

Какой, увы, удар...

Кий

Почто я в свет рожден?!

К чему, несчастливый, я ныне приведен?!

Велькар

Какие лютости душа твоя имела,
Что в горести ее хранить не умела?!

Кий

Не ведаешь еще несчастий ты моих.

Велькар

Что может, государь, быть больше бед нам сих!
Оснельды нет, Хорев...

Кий

Хорев теперь в покое:
Ах, мнит ли он прийти на зрелище такое?!
Скажи, что видел ты?

Посланный

Я с вестию к ней шел...
О боги! Какову Оснельду я нашел!
Смутился весь мой дух, и сердце задрожало;
То тело на одре бесчувственно лежало,
Увяли красоты, любви заразов нет...

Кий

Сокройся от очей моих противный свет!

Посланный

Астрада во слезах, Астрада огорченна;
Тоской, отчаяньем и стоном отягчение,
Рыдает, мечется и рвется в сей беде:
„О боги! — вопиет, — иль нет суда нигде,
Когда так долго ждет сие злодейство казни?!
Или оставлен свет в неправде без боязни?!
Разите, небеса, бросайте огонь и гром!
Пади над телом сим несчастливый сей дом,
Где праотцы ея так долго обитали
и где родители Оснельду воспитали!“

Кий

Несносных лютостей исполнен сей мне день.
О жалующаяся во тьме на Кия тень!
Не представляйся мне стеньща предо мною,
Не мучь меня моей ты варварской виною!

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Хорев и Завлох.

Хорев

Се час желаемый Хоревом совершен;
Победы чаемой Завлох уже лишен.
А мы, прославився, еще себя прославим
И, покорив врагов, друзьями их оставим.
А ты, о храбрый князь, покорствуя судьбам,
Прими подобну мысль и будь союзник нам!

Завлох

В каком ты станешь мя, Оснельда, виде зрети?!
Почто претил тебе в любви я горети?!
И, может быть, я сим толико согрешил,
Ах, если я союз твой с князем разрешил?

Хорев

Мне дщерь твоя мила и ныне так, как прежде.

Завлох

Так буди, дочь моя, ты в сей опять надежде!

Кий

Какой я слышу гром!

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Кий, Хорев, Завлох, Велькар и воины.

Единый воин
(вошед)

Сталверх скончал живот,
Низвергшись в глубину Днепровых быстрых вод,
Отчаян, горестно терзаясь и стоная,
и свергся со берегов, Оснельду вспоминая.

Хорев

Оснельду при конце...

Кий

Любезный брат! Увы!
Мы ведали уж то, что с ней любились вы,
Но таинству сему давали толк мы ложно.
О боги! Вымолвить напасти невозможно!
Посольство, грамоты во вражески станы
Тобой к жестокому смятению даны.
Любезнейший Хорев!..

Хорев

Я вижу, все мятутся,
Часы моих побед часами бедства чтутся.
Ты сетуешь, молчишь, ослабевая весь...
Скажи, о государь, что сделалось здесь?
Скажи мне ты, Велькар, скажи, мой друг любезный!
Ты плачешь... ах, княжна!

Велькар

Минуты злы! Рок слезный!

Хорев

О небо!

Кий

Ты, Велькар, не ведаешь того,
Кто был причиною несчастья сего.
Карай меня, Хорев, свергай с высока трону,
Я — твой лютейший враг, снимай с главы корону!

Хорев

Я вижу, государь, что ты меня сразил.

Кий

Рази и ты!.. Я... ах!.. Оснельду умертвил.

Хорев

Что слышу я теперь?!

Завлох

О дочь! О плод несчастный!

Велькар

К чему такой удар тобою был ужасный?!

Завлох

О превышающая беда мои беды!

Се дружество, мой князь, из прежния вражды?!

Хорев

Не сон ли мя страшит нечаемой судьбою?!

Оснельда!.. в истину расстался я с тобою?!

Где я?! и что я стал?!.. День злобный! Лютый час!

О боги праведны! Хорев прогневал вас!

Но кая темна ночь вдруг небо покрывает?!

Какая фурия мне сердце разрывает?!

В какие пропасти, дражайшая, падешь?!

В какие мрачные пещеры ты идешь?!

Оснельда!.. Небеса! Иль вы на мя падите,

Или в сей крайности любезну соблюдайте!

Велькар! Лишаюся красот ея драгих;

Уже скрывается она от глаз моих.

Влеките из меня мою вы душу страстну!..

Бегите, бросьтеся спасти княжну несчастну!..

Прости, любезная!.. Но, ах, ея уж нет!

Прости!.. Увы!.. Совсем померк уже мой свет.

О нестерпима казнь! О рок ожесточенный!

Велькар

Сбери, о государь, свой разум расточенный!

Ты чувств лишаешься.

Хорев

Оснельда! Где ты? Где?..
Ея пресекаю век, а я в сей жив беде!
На что мне лавры, сан, наследственна держава?
Погибни все теперь, величество и слава.
На что мне уж и жить на свете сем, стена?
Уж нет того, уж нет, что льстило в нем меня.
Великодушествовать потребно неотложно,
Но мысли горькие преодолеть не можно:
Оснельда во слезах пред очи предстает,
Которые она о мне при смерти льет.
Воображаются мне все ея заразы,
Вспоминаются последние приказы,
и представляются мне все утехи те,
Искал которых я в любви и красоте!
К какой я радости с победой возвратился?!
Где делися вы, дни, которыми я льстился?!

Завлох

Ты сделала, о дщерь, хотя упал наш трон,
и победителям и побежденным стон.
И, если в аде глас Хоревов дух твой тронет,
Внемли, как сей тобой герой великий стонет!
Плененной не почтет тебя, нисшедшу, ад,
Заплачет по тебе с Хоревом весь сей град.

Хорев

Какая польза в том несчастному Хореву?!
Уже не возвратит сей плач несчастну деву.
Не временно лишен ея, но навсегда,
и уж не буду зреть Оснельды никогда.

Кий

Карай мя, я твое сокровище похитил.

Хорев

Пускай сей кровию тебя твой гнев насытил,
Который толь тебя на мя ожесточил,
Но если ты о мне когда-нибудь рачил,
Так сделай только то, о чем напоминаю!
Сие прошение исполнишь ты, я знаю:
Отдай Завлоху меч, свободу возврати,
и воинство все с ним из града испусти.
(Кий отдает Завлоху меч, а Хорев говорит Завлоху.)
А ты, несчастный князь, возьми с собой то тело,
С которым сердце быть мое навек хотело,
И, плачем омочив лишенное души,
Предай его земле, над гробом напиши:
„Девица, коей прах в сем месте почивает,
и в аде со своим Хоревом пребывает,
Которого она любила в жизни сей, —
Хорев, ея лишась, последовал за ней!“
(Заколотся.)

Конец трагедии

http://az.lib.ru/s/sumarokow_a_p/text_0030.shtml

РАЗГОВОР В ЦАРСТВЕ МЕРТВЫХ: КОРТЕЦ И МОТЕЦУМА: БЛАГОСТЬ И МИЛОСЕРДИЕ ПОТРЕБНЫ ГЕРОЯМ.

Мотецума.

Наконец и ты являешься здесь, Посол Восточной, тиран моего отечества! Где твоя гордость? Где твое златожаждущее войско? Коль бы нам полезно было, ежели бы Тласкальское общее правление намерениям храброго Ксикотенкала до конца послушно было.

Кортец.

Ты ли меня гордым и тираном называть отваживаешься? Собственная твоя гордость и тиранство очистили мне дорогу, завоевать твое царство. Ты подданных твоих раззорял, собирая с них себе третью часть их доходов, прочих же податей не считая; заставлял ты их себе поклоняться яко Богу, повеления же свои почитать яко божественныя онределения; дочерей и жен у них нагло отнимая для удовольствия скотской своей страсти, приносил на жертву оных потом Богам для мерзскаго своего обжирства. За то, что в Киабислане меня ласково приняли, не требовали ли зборщики твои для утоления гнева твоего дватцати невинных, коих бы потом Богам принести на жертву? и могло ли тебя поразить великодушие мое, когда я тому воспрепятствовавши не допустил жителей до погубления оных зборщиков, которых к тебе отпустил в целости? Не знал ты различия между подданным и невольником, почитал токмо твердость правления в их утеснении, и их страх угоден был тебе паче их терпения. До того, как ты им был страшен, бремя твоих мучительств сносили они с воздыханием: Но когда тот страх миновался, то не можно тебе забыть отчаяннаго их над тобою отмщениа, когда они на стене ополчения моего тебя стрелами своими ранили смертельно.

Мотецума.

Тем меня порицать тебе не можно. Когда взбунтовавшиеся мои подданные, не сожалея о утратах своих, некогда так жестоко на твое войско напали, что уже и крепость стен оное от них едва могла защищать. Тогда я опасаясь погибели твоей, наблюдая лицемерного твоего посольства в наших землях толь почтенное право странноприимства, надел на себя царския мои украшения, и в провожании благородных моих, взошел на стены, где я старался повелеть, или просил моих подданных, чтоб низположили оружие поборяющее войско твое без моей воли; хотя твое сокрушение даровало бы мне назад потерянную мою свободу, для приобретения которой к собственному стыду моему войско мое наконец так сурово на тебя вооружилось; будучи еще к должности своей побуждено жадным грабительством, и пролитием крови многого числа знатных из народа от твоего оставшаго в Мексике войска, в день случившагося у нас праздника. Тогда пред концем моим подданные мои, увидев меня, отдали особе моей довольные знаки почтения; но услышавши мое к ним увещавание, касающееся до спасения тебя с войском твоим, увидели, что уже не тот я победитель, которой не по праву наследства, и токмо чрез свою отменную храбрость получил себе царский престол. Но малодушный невольник окруженный стражею злохитростнейшаго неприятеля в чертогах от меня ему данных. Подвигнутые яростно общим их позором пустили в меня стрелы, коими ранили меня смертельно. Узревши меня падша встрепетали, что дерзнули руки нало жить на государя своего, разсеялись во все улицы, опасаясь казни от богов, и укрываясь зрения небес с ужасом грозным и смущенным, которым совершение лютаго греха дух обременяет. Когда же по конце жизни моей мертвое мое тело по приказу твоему вынесенное на рамах вельмож моих для отдания последней должности народ увидел, то сколь жестоко возстенал! Войско оставя стражи свои последовало за мною на гору Хапулпетек; чрез три дни обо мне плача не преставая бегали по улицам, как изумленные, и со слезами имя мое вспоминая, довольно тем оказали, что не ради собственного надо мною отмщения, но ради общего срама моего невольничества учинили они в отчаянии неумышленное убийство. До пришествия же твоего верные мои подданные повиновались моим повелениям, почитали строгое мое правосудие в защищении утесненных и в награждении разных степеней; чего ради хотя и правда, что собирал я в подати, кроме того что на чрезвычайности, треть доходов с каждого: но сие было как долг, отдаваемой при случаях того достойным, выключая отменность достойнейших, коих награждал притом

кавалериями Орла, Льва, Тигра и проч. Те же подати, что ты отягощением называешь, обращались в их же собственную пользу; сверх того что общей народ имеющей злыя склонности, от сего налога получал укрепление своего покоя, ибо лишась изобилия не имел способов к нарушению должного послушания. Я почитал богов: но что меня общенародие почитало им подобным, то сие чинено было по притчине знатного моего над ним преимущества. Хотя женской пол красотою цветущий, и собираемый из всех мест областей моих заключался у меня в чертогах: однако оной служил токмо для любви моей; и я приносил на жертву богам токмо тех, кои мне в неверности являлись. Обыкновенная жертва и следующее по ней пиршество стыда мне не наносят; сего у нас чрез множество веков вкоренившася обычая и самому тебе искоренить не возможно было, особливо неприятели государственные, осужденные уже на смерть по их винам, не славно ли умрут заклянные на жертвенниках безсмертных?

Кортец.

Не воспоминай мне о сей мерзостной жертве, которою само естество гнушается. Не малая уже добродетель твоя, что ты хотя подданных своих от сего отвратить в состоянии и не был, однако сам сию несносную жертвенную пищу от стола своего отверг по моему желанию. Чтож принадлежит до достоинств твоих, то многия из них на зло склонялись: ревность твоя к правосудию простиралась до крайности сопротивной, и часто была соединена с немилосердием простирающим наказание даже до отмщения; окружен будучи льстецами изторгнутое от бедных твоих подданных чрез их труды приобретенное имение расточал по большей части тем безрассудно. Ты был мужествен и храбр, расширил области твоего царства, учинил страшным имя Мексиканское всем твоим соседям, так что они и по смерти твоей против многократно мною побежденного твоего войска долго без помощи моей сражаться не могли отважиться. Но за сие надлежало ли тебе допустить, или паче повелеть, чтоб тебя почитали яко бога? Подданные твои, видя тебя дошедша уже до такой гордости, что пред богами своими колена преклонять стыдился, могли ли сносить такое продерзское принуждение, какому примера. До тебя от предков твоих не бывало? Особенно для наслаждения скотской твоей страсти похищал ты жен с лож их супругов, и дочерей из рук их родителей, не взирая на слезы самых благороднейших твоих. Ради причины сих твоих неистовств и немилосердиев возможно ли, чтоб твои подданные

в почтении к тебе искренность имели? Когда разнесся слух о победах моих над Табаском и Пилпатай, правитель области твоей, где я на берег выступил, особливо Тейгилей твой генерал, наконец в мое там присутствие все недовольствие свое мне оказали, то получа посольство из Цемпоала призывающее меня к жителям сей области твоей державы: первое было, когда я в их город вступил, то меня молили, дабы их избавил от мучительного твоего правления. Киабисланцы тож учинили, почитая оружия мои благословенными от небес, и имеющими непреоборимую власть над тиранами. Услыша добронравие мое и благодать мою к союзникам моим, которые под кровом моим избавляющим от жестокости подданства твоего жили в совершенной вольности, зверообычные горские тотонаки защищавшие вольность свою от основания народа их, с радостным желанием в мой союз вступили, для того что быть в подданстве у короля моего за честь себе почитали. Потом я повелевши сокрушить корабли свои войску моему, дабы у онаго отнять способ к желанию возвращения назад: пример мужества редкой между нами! Допустил до пределов тласкальских, Сенат сего общаго правления отложив мудрость свою, и не следуя разумным советам Магискациновым склонился на продерзость юнаго ксикотенкала, воспротивясь чрез область сию моему с войском мирному проходу, о позволении чего я учтиво у онаго требовал. Но что из того последовало? Горестное кровопролитие сих граждан и их благородных. При их на нас вооруженною рукою нападениях, храбрость и искусство ксикотенкаловы никакой почти утраты мне учинить не могли; и наконец оные не токмо со мною помирились, но призвавши меня и войско мое с сугубым молением в город свой, предали себя в совершенную мою волю. Сия их поверенность не довольно ли потом была награждена милосердием моим? Котораго чувствительное мне от них оскорбление, хотя я был и совершенной победитель, потушить в сердце моеме не могло. Отомийцы и Хонталы, Варвары между Варварами, и иные последовали им вступлением в союз с нами, и без того, чтоб они много к тому принуждены были.

Мотецума.

Не задолго перед тобою выступал на берег мой некто с войском, пришедшей в больших плавающих на море зданиях, имея с собою огнедышущия горлы, сокращенные дикие звери нам незнакомые им служили, в означенном сем быть

тебе подобен, от нас отменностию своею край, но он отличился: но получа от меня дары, которыми по обычаю приветствовали мы всех иностранных, и обменявши свои товары на золото наше, которое войску его весьма приятно казалось, возвратился. Когда же о блистательных и скорых победах войска твоего над Табаском с его союзником, и потом над храбрыми тласкальцами, которое сочинял сотую часть их многолюдства, до меня слух дошел, то с начала хотя по благоразудию моему не мог вас почитать богами, хотя вы превосходством вашим с первого виду им уподоблялись, ратоборствуя сопротивных, как нам думалось, перунами, и потапывая их ужасно дикими зверями вам подвластными: но по крайней мере божественной природы, и со всем от человеческого отменной, вы себя почитать заставляли. Однако потом довольно мы узнали, что вы не бессмертны, и можете також осилены быть, как и протчие люди. Известное твое изгнание из Мексики довольно пример оному.

Кортец.

То учинилось после смерти твоей. Оплавав несчастную твою кончину, как великую мне утрату, не потерял я бодрости моей, и оборонялся мужественно против войска вашего, наконец увидя, что несчетное онаго множество на многократно предложенной им мир не склоняется, и не имея спосоов получить ни откуду себе помощи, наипаче в недостатке сестных припасов хотя с утратою, но не побежден, из Мексики выступил, детей твоих в руках моих сущих с почтенным рачением охраняя, которые в смятения от мексиканцов, может быть, не умышленно убиты бы были; отложя конечное завоевание царства вашего, которое королю моему по праву общей учиненной вами при вступлении в подданство присяги, справедливо уже принадлежало, до способнаго случая, коего по том и не пропустил вскоре.

Мотецума.

В том тебе вспомоществовали ссюзники твои, и от владения натего отпадшие народы.

Кортец.

То правда. Победивши несколько раз в отступном моем походе и разбивши наконец все силы мексиканския, кои, оставивши нам свободной проход, собрались, и загородили путь в излоге Отумбе, пришел я в Тласкалу, где меня все граждане с радостью и удивлением о спасении моем приняли; как они, так и прочие союзники мои не щадили потом ни войск, ни протчаго для моей помощи. Но Мотецума, отчего сие воспоследовало? Гордостью твоею и тиранством с подданными отвратил ты от себя в конец сих храбрых народов; напротив того благодать моя с мирными, и милосердие с побежденными, столько преданными их ко мне учинили; и сие подлинно было главною причиною завоевания всей Мексики. Холульцы, лукавейший и предательнейший народ, особливо, как ты, отложив мужество, и облекшись в малодушие, разными презрительнейшими способами меня погубить старался, и лестно меня уже сам к своему двору с войском призывал, в нашем для того чрез их город походе из Тласкалы, по научению твоему нам толь злоковарственную хитрость устроили; но потом и они превознося милосердие мое, и чувствуя различие между оным и жестокостию подданства твоего были нам столько же верны, как протчие. Когда Нарваеца, начальника над гишпанским войском, присланным на меня, от Велазкеца, губернатора гишпанскаго острова Кубы, неприятеля моего, по злему научению завистников моих, я из Мексики выступивши побеждал, то оставшей там при тебе капитан мой Алваро, не имел ли притчины в день случившагося там некоего праздника, напасть и побить многих твоих благородных, хотя безоружных? Ибо тебе известно, что учинен был тайной заговор между ими, дабы в тот день взволновавши народ погубить его с оставшим с ним войском. По окончании сего возможно ли ему было противиться подлому грабительству в том смятении некоторых его повелением сребролюбивых салдат? и возможно ли меня винить, что он всей притчины того зла немедленно при собрании всех мексиканцев о том ни чего неведущих, подробно объявить не тщился, но неосторожностпо сею поощрил, как следственно, мексиканцев до крайняго остервенения на себя и на все наше войско, имевших уже негодование, что видели царя своего у нас в неволе, в которой мне было не возможно, чтоб тебя не содержать ради безопасности моей. Когда я с войском в Мексику вошел, ты меня принял ласково и с почтением, как посланника от наследника Квещалкоалова, бывшаго государя семи пещер Навтлакских и основателя вашего царства, прежде нежели он по вашим древним преданиям для новых завоеваний на восток не отдалился; но

тогда, как уже все злыя твои хитрости для нашей погибели храбростию моею побеждены были: и сие також ты учинил лицемерно, ибо не оказал ли ты сего потом скоро, когда твой генерал Кваполпока не взирая на увещание Ескаланта, коменданта нашей крепости Веракруца, Тошонаков союзников моих разорять не преставал; и понеже Ескаланта их защищаешь предприял, то оной отважился по приказу твоему тому противность оказать над слабым гварнизонам той крепости вооруженною рукою, на котором сражении Ескаланта победивши окончал жизнь с прочими, между коими Аргеллова присланная для жертвы в подарок тебе голова столь много тебя обрадовала. Ожидая того, что ты потом и на меня в своем городе вооружишься, принял я отважность, которая мало примеров имеет, и в собственных твоих чертогах, вошедши в них с немногими людьми, принудил тебя без наглости следовать за мною, в данной мне для ополчения нашего от тебя дворец, не давая виду, что ты действию твоего генерала был сопричастник, где особе твоей, хотя уже ты был и в моей власти, почтения моего ни когда не уменьшал, выключая то, что потом, когда Кваполпока, на котораго одного ты всю вину сложил, в Мексике для примеру повешен быть осужден был, и убегая казни наконец мне о твоем подлинном ему приказе, касающемся до совершенного погубления нашего в Веракруце войск, явно объявил; то для собственной же нашей безопасности, дабы ты устыдился сего предательства, не возхотел препятствовать достойному тому наказанию, и для собственного твоего за злодейство наказания, дерзко и нечаянно на тебя наложил оковы, которые по исполнении казни, стоя на коленях, немедленно я снял.

Мотецума.

Разныя толь часто повторяемыя и чудесныя доказательства храбрости и великодушия не победимаго твоего сердца, довольно напоследок принудили меня явить, сколько я чрез покорность мою их почитать умею.

Кортец.

Ты имел також многия почтенныя достоинства, коими подлинно превозвышал мексиканцов: но пороки твои были притчиною погибели твоей. Благость моя с союзниками моими и милосердие мое с побежденными;

гордость же твоя и тиранство твое над подданными твоими послужили мне главною помощию в завоевании царства мексиканскаго, и в покорении онаго гишпанской державе.

http://az.lib.ru/s/sumarokow_a_p/text_1787_razgovor_oldorfo-1.shtml

Михаил Васильевич Ломоносов

(1711–1765)

Трудно найти в истории русской литературы другую подобную личность – М. В. Ломоносов был не только писатель, литературовед, переводчик, философ, историк, но и ученый, занимающийся химией, физикой, математикой.

В его творчестве отражаются поиски новой поэтики, новой динамики стиха – его же оды послужили примером для многих последователей. Ода на взятие Хотина стала одним из первых выдающихся патриотических произведений русской литературы XVIII века. Уважение к Петру I Великому Ломоносов высказал в поэме, содержание которой свидетельствует и об интересе Ломоносова к истории России.

Интересны его преложения псалмов, которые также, как и философские оды («размышления») свидетельствуют о том, какими были взгляды писателя на мир в эпоху, когда начинали чувствовать, что трудно будет примирить всё более точные знания естественных наук и церковные догмы.

«Письмо о пользе стекла» представляет собой одно из наиболее интересных произведений М. В. Ломоносова. Прочитав его, определите характер аргументации писателя и свяжите его с положением науки в обществе того времени.

Ломоносова вместе с Тредиаковским можно считать теми теоретиками, которые обосновали переход русской поэзии к силлабо-тонической системе. Вы можете указать основные характеристики, свойственные именно этой системе по сравнению с силлабической?

Существенное влияние на русскую литературу оказала и ломоносовская теория трех «штилей», подытоживающая занятия Ломоносова древнерусскими литературными памятниками, риторикой и теорией литературы эпохи классицизма с целью определить выражения, подходящие для разных литературных жанров. Интерес к русскому языку отражается и в других теоретических работах, отрывки из которых вы найдете ниже. Попытайтесь связать высказанные в них мысли Ломоносова с теоретическими постулатами классицизма.

РАЗГОВОР С АНАКРЕОНОМ

Анакреон

Ода I

Мне петь было о Трое,
О Кадме мне бы петь,
Да гусли мне в покое
Любовь велят звенеть.
Я гусли со струнами
Вчера переменил
И славными делами
Алкида возносил;
Да гусли поневоле
Любовь мне петь велят,
О вас, герои, боле,
Прощайте, не хотят.

Ломоносов

Ответ

Мне петь было о нежной,
Анакреон, любви;
Я чувствовал жар прежней
В согревшейся крови,
Я бегать стал перстами
По тоненьким струнам
И сладкими словами
Последовать стопам.
Мне струны поневоле
Звучат геройский шум.
Не возмущайте боле,
Любовны мысли, ум;
Хоть нежности сердечной
В любви я не лишен,
Героев славой вечной
Я больше восхищен.

Анакреон

Ода XXIII

Когда бы нам возможно
Жизнь было продолжить,
То стал бы я не ложно
Сокровища копить,
Чтоб смерть в мою годину,
Взяв деньги, отошла
И, за откуп кончину
Отсрочив, жить дала;
Когда же я то знаю,
Что жить положен срок,
На что крушусь, вздыхаю,
Что мзды скопить не мог;
Не лучше ль без терзанья
С приятельми гулять
И нежны воздыханья
К любезной посылать.

Ломоносов

Ответ

Анакреон, ты верно
Великой философ,
Ты делом равномерно
Своих держался слов.
Ты жил по тем законам,
Которые писал,
Смеялся забобонам,
Ты петь любил, плясал;
Хоть в вечность ты глубоку
Не чаял больше быть,
Но славой после року
Ты мог до нас дожить;
Возьмите прочь Сенеку,
Он правила сложил
Не в силу человеку,
И кто по оным жил?

Анакреон

Ода XI

Мне девушки сказали:

„Ты дожил старых лет“,

И зеркало мне дали:

„Смотри, ты лыс и сед“.

Я не тужу ни мало,

Еще ль мой волос цел.

Иль темя гладко стало,

И весь я побелел;

Лишь в том могу божиться,

Что должен старичок

Тем больше веселиться,

Чем ближе видит рок.

Ломоносов

Ответ

От зеркала сюда взгляни, Анакреон,
И слушай, что ворчит, нахмурившись, Катон:
„Какую вижу я седую обезьяну?
Не злость ли адская, такой оставя шум,
От ревности на смех склонить мой хочет ум?
Однако я за Рим, за вольность твердо стану,
Мечтаниями я такими не смущусь
И сим от Кесаря кинжалом свобожусь“.
Анакреон, ты был роскошен, весел, сладок,
Катон старался ввесть в республику порядок;
Ты век в забавах жил и взял свое с собой,
Его угрюмством в Рим не возвращен покой;
Ты жизнь употреблял как временну утеху,
Он жизнь пренебрегал к республики успеху;
Зерном твой отнял дух приятной виноград,
Ножом он сам, себе был смертный супостат;
Беззлобно роскошь в том была тебе причина,
Упряма славная была ему судьбина;
Несходства чудны вдруг и сходства понял я,
Умнее кто из вас, другой будь в том судья.

Анакреон

Ода XXVIII

Мастер в живописстве первой,
 Первой в Родской стороне,
 Мастер, научен Минервой,
 Напиши любезну мне.
 Напиши ей кудри черны,
 Без искусных рук уборны,
 С благовонием духов,
 Буде способ есть таков.
 Дай из роз в лице ей крови
 И как снег представь белу,
 Проведи дугами брови
 По высокому челу,
 Не сведи одну с другою.
 Не расставь их меж собою,
 Сделай хитростью своей,
 Как у девушки моей;
 Цвет в очах ея небесной,
 Как Минервин, покажи
 И Венерин взор прелестной
 С тихим пламенем вложи,
 Чтоб уста без слов вещали
 И приятством привлекали
 И чтоб их безгласна речь
 Показалась медом течь;
 Всех приятностей затеи
 В подбородок умести
 И кругом прекрасной шеи
 Дай лилеям расцвести,
 В коих нежности дышают,
 В коих прелести играют
 И по множеству отрад
 Водят усумненной взгляд;

Надевай же платье ало
И не тщись всю грудь закрыть,
Чтоб, ее увидев мало,
И о прочем рассудить.
Коль изображенье мочно.
Вижу здесь тебя заочно,
Вижу здесь тебя, мой свет;
Молви ж, дорогой портрет.

Ломоносов

Ответ

Ты счастлив сею красотою
И мастером, Анакреон,
Но счастливей ты собою
Чрез приятной лиры звон;
Тебе я ныне подражаю
И живописца избираю.
Дабы потщился написать
Мою возлюбленную Мать.

О мастер в живописстве первой,
Ты первой в нашей стороне,
Достоин быть рожден Минервой,
Изобрази Россию мне,
Изобрази ей возраст зрелой
И вид в довольствии веселой,
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу;

Потщись представить члены здравы,
Как должны у богини быть,
По плечам волосы кудрявы
Признаком бодрости завить,
Огонь вложи в небесны очи
Горящих звезд в середине ночи,
И брови выведи дугой,
Что кажет после туч покой;

Возвысь сосцы, млеко обильны,
И чтоб созревша красота
Являла мышцы, руки сильны,
И полны живости уста
В беседе важность обещали

И так бы слух наш ободряли,
Как чистой голос лебедей,
Коль можно хитростью твоей;

Одень, одень ее в порфиру,
Дай скипетр, возложи венец,
Как должно ей законы миру
И распрям предписать конец;
О коль изображенье сходно,
Красно, любезно, благородно,
Великая промолви Мать,
И повели войнам престать.

http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_0010.shtml

Оды духовные

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 1

1

Блажен, кто к злым в совет не ходит,
Не хочет грешным вслед ступить
И с тем, кто в пагубу приводит,
В согласных мыслях заседать,

2

Но волю токмо подвергает
Закону Божию во всем
И сердцем оный наблюдает
Во всем течении своем.

3

Как древо, он распространится,
Что близ текущих вод растет,
Плодом своим обогатится,
И лист его не отпадет.

4

Он узрит следствия поспешны
В незлобивых своих делах;
Но пагубой смятутся грешны,
Как вихрем восхищенный прах.

5

И так злодеи не восстанут
Пред вышнего Творца на суд,
И праведны не вспомянут
В своем соборе их отнюд.

6

Господь на праведных взирает
И их в пути своем хранит;
От грешных взор свой отвращает
И злобный путь их погубит.

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 14

1

Господи, кто обитает
В светлом доме выше звезд?
Кто с тобою населяет
Верх священный горних мест?

2

Тот, кто ходит непорочно,
Правду всегда хранит
и нелестным сердцем точно,
Как устами, говорит;

3

Кто языком льстить не знает,
Ближним не наносит бед,
Хитрых сетей не сплетает,
Чтобы в них увяз сосед;

4

Презирает всех лукавых,
Хвалит вышнего рабов
и пред ним душою правых
Держится присяжных слов;

5

В лихву дать серебро стыдится,
Мзды с невинных не берет.
Кто так жить на свете тщится,
Тот вовеки не падет.

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 26

1

Господь — Спаситель мне и свет:
Кого я убоюсь?
Господь сам жизнь мою блюдет:
Кого я устрашуся?

2

Во злобе плоть мою пожрать
Противны устремились;
Но, злой совет хотя начать,
Упадши сокрушились.

3

Хоть полк против меня восстань,
Но я не ужасаюсь.
Пускай враги воздвигнут брань,
На Бога полагаюсь.

4

Я только от Творца прошу,
Чтоб в храм его вселиться,
И больше в свете не ищу,
Как в оном веселиться.

5

В селении своем покрыл
Меня он в день печали
И неподвижно укрепил,
Как злые окружали.

6

Возвысил он мою главу
Над всех врагов ужасных.
Я, жертву принося, зову
Ему в псалмах согласных.

7

Услыши, Господи, мой глас,
Когда к тебе взываю,
И сохрани на всякий час:
К тебе я прибегаю.

8

Ко свету Твоего лица
Вперяю взор душевный
И от всещедрого Творца
Приемлю луч вседневный.

9

От грешного меня раба,
Творец, не отвратися;
Да взыдет пред тебя мольба,
И в гневе укротися.

10

Меня оставил мой отец
И мать еще в младенстве,
Но восприял меня Творец
И дал жить в благоденстве.

11

Настави, Господи, на путь
Святым твоим законом,
Чтоб враг не мог поколебнуть
Крепящегося в оном.

12

Меня в сей жизни не отдай
Душам людей безбожных,
Твоей десницею покрывай
От клеветаний ложных.

13

Я чаю видеть на земли
Всевышнего щедроты
И не лишиться николи
Владычния доброты.

14

Ты, сердце, духом укрепись,
О Господе мужайся
И бедствием не колеблись;
На Бога полагайся.

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 34

1

Суди обидящих, Зиждитель,
И от борющихся со мной
Всегдашний буди Покровитель,
Заступник и Спаситель мой.

2

На глас мой ныне преклонися,
Прими оружие и щит
И мне на помощь ополчися,
Когда противник мне грозит.

3

Сдержи стремление гонящих,
Ударив пламенным мечем.
Уверь в напастях обстоящих,
Что я в покрытии твоём.

4

Гонители да постыдятся,
Что ищут зла души моей,
И с срамом вспять да возвратятся,
Смутившись в памяти своей.

5

Да сильный гнев твой злых восхитит,
Как бурным вихрем легкий прах.
И Ангел твой да не защитит
Бегущих, умножая страх.

6

Да помрачится путь их мглою,
Да будет ползок и разрыт,
И Ангел мстящею рукою
Их, вслед гоня, да устрашит.

7

Сие гонение ужасно
Да оскорбит за злобу их,
Что, зляся на меня напрасно,
Скрывали мрежу злоб своих.

8

Глубокий, мрачный ров злодею
В пути да будет сокровен;
Да будет сетию своею,
Что мне поставил, уловлен.

9

Душа моя возвеселится
О покровителе своем
И радостью ободрится
О заступлении твоём.

10

С тобою кто себя сравниет?
Все кости, Боже мой, гласят:
Твоя власть сильных сокрушает,
Что бедных растерзать хотят.

11

Уже свидетели восстали
Неправедные на меня
И, стыд оставив, вопрошали
О том, чего не знаю я.

12

Наносят мне вражду и злобу,
Чтоб тем мне за добро воздать,
И бедный дух мой и утробу
Досадой и тоской терзать.

13

Но как они ослабевали,
Тогда постом я и мольбой
Смирял себя, дабы восстали
Противники мои в покой.

14

Как брату своему, я тщился,
Как ближним, так им угождать
И, сетуя об них, крушился,
И слез своих не мог держать.

15

Они, однако, веселятся,
Как видят близ мою напасть,
И на меня согласно злятся,
Готовя ров, где мне упасть.

16

Смятенный дух во мне терзают,
Моим паденьем лстя себя;
Смеются, нагло укоряют,
Зобами на меня скрипя.

17

Доколе, Господи, без гневу
На злость их будешь ты взирать?
Не дай, не дай ты Львову чреву
Живот мой до конца пожрать!

18

Во храме возведу великом
Преславную хвалу твою,
Веселым гласом и языком
При тьмах народа воспою.

19

Не дай врагам возвеселиться
Неправедной враждой своей,
Не дай ирезорством возгордиться
И помизанием очей.

20

Хоть мирные слова вещали
И ласков вид казали вне,
Но в сердце злобу умышляли
И сети соплетали мне.

21

Мне пагубы, конечно, чая,
Все купно стали восклицать,
Смеяться, челюсть расширяя:
„Нам радостно на то взирать!“

22

Ты видел, Господи, их мерзость:
Отмсти и злобным не стерпи,
Отмсти бессовестную дерзость
И от меня не отступи.

23

Восстани, Господи Зиждитель,
Взойди на твой святой престол
И буди нашей при решитель,
Спаси от нестерпимых зол.

24

Подвигнись правдою святою,
Суди нас, Господи, суди,
Не дай им поругаться мною,
Суди и мне не снисходи.

25

Не дай им в злобе похвалиться
И мне в ругательство сказать:
„О как в нас сердце веселится,
Что мы могли его пожрать“.

26

Посрамлены да возмятутся,
Что ради злым моим бедам;
И сверьх главы да облекутся
Мои противны в студ и в срам.

27

Но тем дай вечную награду,
Что оправдать меня хотят,
Взирая на мою отраду,
„Велик Господь наш“, — говорят.

28

Язык мой правде поучится
И истине святой твоей.
Тобой мой дух возвеселится
Чрез всё число мне данных дней.
http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_0080.shtml

ОДА

**блаженные памяти
государыне императрице Анне Иоанновне
на победу над турками и татарами
и на взятие Хотина 1739 года**

1

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верьх горы высокой,
Где ветер в лесах шуметь забыл;
В долине тишина глубокой.
Внимая нечто, ключ молчит,
Который завсегда журчит
И с шумом вниз с холмов стремится.
Лавровы вьются там венцы,
Там слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится.

2

Не Пинд ли под ногами зрю?
Я слышу чистых сестр Музыку!
Пермесским жаром я горю,
Теку поспешно к оных лику.
Врачебной дали мне воды:
Испей и все забудь труды;
Умой росой Кастальской очи,
Чрез степь и горы взор прости
И дух свой к тем странам впери,
Где всходит день по темной ночи.

3

Корабль как ярых волн среди,
 Которые хотят покрыти,
 Бежит, срывая с них верьхи,
 Претит с пути себя склонити;
 Седая пена вкруг шумит,
 В пучине след его горит, —
 К Российской силе так стремятся,
 Кругом объехав, тьмы Татар;
 Скрывает небо конский пар!
 Что ж в том? стремглав без душ валятся.

4

Крепит отечества любовь
 Сынов Российских дух и руку;
 Желает всяк пролить всю кровь,
 От грозного бодрится звуку.
 Как сильный лев стада волков,
 Что кажут острых яд зубов,
 Очей горящих гонит страхом?
 От реву лес и берег дрожит,
 И хвост песок и пыль мутит,
 Разит извившись сильным махом.

5

Не медь ли в чреве Етны ржет
 И, с серою кипя, клокочет?
 Не ад ли тяжки узы рвет
 И челюсти разинуть хочет?
 То род отверженной рабы,
 В горах огнем наполнив рвы,
 Металл и пламень в дол бросает,
 Где в труд избранный наш народ
 Среди врагов, среди болот
 Через быстрый ток на огонь дерзает.

6

За холмы, где паляща хлябь
Дым, пепел, пламень, смерть рыгает,
За Тигр, Стамбул, своих заграбь,
Что камни с берегов сдирает;
Но чтоб орлов сдержать полет,
Таких препон на свете нет.
Им воды, лес, бугры, стремнины,
Глухие степи — равен путь.
Где только ветры могут дуть,
Доступят там полки орлины.

7

Пускай земля, как Понт, трясет,
Пускай везде громады стонут,
Премрачный дым покроет свет,
В крови Молдавски горы тонут;
Но вам не может то вредить,
О Россы, вас сам рок покрыть
Желает для счастливой Анны.
Уже ваш к Ней усердный жар
Быстро проходит сквозь Татар,
И путь отворен вам пространный.

8

Скрывает луч свой в волны день,
Оставив бой ночным пожарам;
Мурза упал на долгу тень;
Взят купно свет и дух Татарам.
Из лыв густых выходит волк
На бледный труп в Турецкий полк.
Иной, в последни видя зорю:
„Закрой, — кричит, — багряный вид
И купно с ним Магметов стыд,
Спустись поспешно с солнцем к морю“.

9

Что так теснит боязнь мой дух?
 Хладнеют жилы, сердце ноет!
 Что бьет за странный шум в мой слух?
 Пустыня, лес и воздух воет!
 В пещеру скрыл свирепство зверь;
 Небесная отверзлась дверь;
 Над войском облак вдруг развился;
 Блеснул горящим вдруг лицом,
 Умытым кровию мечем
 Гоня врагов, Герой открылся.

10

Не сей ли при Донских струях
 Рассыпал вредны Россам стены?
 И Персы в жаждущих степях
 Не сим ли пали пораженны?
 Он так к своим взирал врагам,
 Как к Готским приплывал брегам,
 Так сильну возносил десницу;
 Так быстрый конь Его скакал,
 Когда Он те поля топтал,
 Где зрим всходящу к нам денницу.

11

Кругом Его из облаков
 Гремящие перуны блещут,
 И, чувствуя приход Петров,
 Дубравы и поля трепещут.
 Кто с ним толь грозно зрит на юг,
 Одеян страшным громом вкруг?
 Никак, Смиритель стран Казанских?
 Каспийски воды, Сей при вас
 Селима гордого потряс,
 Наполнил степь голов поганских.

12

Герою молвил тут Герой:
„Не тщетно я с тобой трудился,
Не тщетен подвиг мой и твой,
Чтоб Россов целый свет страшился.
Чрез нас предел наш стал широк
На север, запад и восток.
На юге Анна торжествует,
Покрыв своих победой сей“.
Свилася мгла, Герои в ней;
Не зрит их око, слух не чует.

13

Крутит река Татарску кровь,
Что протекала между ними;
Не смея в бой пуститься вновь,
Местами враг бежит пустыми,
Забыв и меч, и стан, и стыд,
И представляет страшный вид
В крови другое своих лежащих.
Уже, тряхнувшись, легкий лист
Страшит его, как ярый свист
Быстро сквозь воздух ядр летящих.

14

Шумит с ручьями бор и дол:
„Победа, Росская победа!“
Но враг, что от меча ушел,
Бойтся собственного следа.
Тогда увидев бег своих,
Луна стыдилась сраму их
И в мрак лице зардевшись скрыла.
Летает слава в тьме ночной,
Звучит во всех землях трубой,
Коль Росская ужасна сила.

15

Вливаясь в Понт, Дунай ревет
 И Россов плеску отвечает;
 Ярясь волнами Турка льет,
 Что стыд свой за него скрывает.
 Он рыщет, как пронзенный зверь,
 И чаёт, что уже теперь
 В последний раз заносит ногу.
 И что земля его носить
 Не хочет, что не мог покрыть.
 Смущает мрак и страх дорогу.

16

Где ныне похвальба твоя?
 Где дерзость? где в бою упорство?
 Где злость на северны края?
 Стамбул, где наших войск презорство?
 Ты, лишь своим велел ступить,
 Нас тотчас чаял победить;
 Янычар твой свирепо злился,
 Как Тигр на Росский полк скакал.
 Но что? Внезапно мертв упал,
 В крови своей пронзен залился.

17

Целуйте ногу ту в слезах,
 Что вас, Агаряне, попрала,
 Целуйте руку, что вам страх
 Мечем кровавым показала.
 Великой. Анны грозный взор
 Отраду дать просящим скор;
 По страшной туче воссияет,
 К себе повинность вашу зря,
 К своим любовию горя,
 Вам казнь и милость обещает.

18

Златой уже денницы перст
Завесу света вскрыл с звездами;
От востока скачет по сту верст,
Пуская искры конь ноздрями.
Лицем сияет Феб на том.
Он пламенным потряс верхом,
Преславно дело зря, дивится:
„Я мало таковых видал
Побед, коль долго я блистал,
Коль долго круг веков катится“.

19

Как в клуб змия себя крутит,
Шипит, под камень жало кроет,
Орел когда шумя летит
И там парит, где ветер не воет;
Превыше молний, бурь, снегов
Зверей он видит, рыб, гадов;
Пред Росской так дрожит Орлицей,
Стесняет внутрь Хотин своих.
Но что? в стенах ли может сих
Пред сильной устоять Царицей?

20

Кто скоро толь тебя, Калчак,
Учит Российской вдаться власти,
Ключи вручить в подданства знак
И большей избежать напасти?
Правдивый Аннин гнев велит,
Что падших перед ней щадит.
Ее взошли и там оливы,
Где Вислы ток, где славный Рен,
Мечем противник где смирен,
Извергли дух сердца кичливы.

21

О как красуются места,
 Что иго лютое сбросили
 И что на Турках тягота,
 Которую от них носили;
 И варварские руки те,
 Что их держали в тесноте,
 В полон уже несут оковы;
 Что ноги узами звучат,
 Которы для отгнанья стад
 Чужи поля топтать готовы.

22

Не вся твоя тут, Порта, казнь,
 Не так тебя смирать достойно,
 Но большу нанести боязнь,
 Что жить нам не дала покойно.
 Еще высоких мыслей страсть
 Претит тебе пред Анной пасть?
 Где можешь ты от ней укрыться?
 Дамаск, Каир, Алепп сгорит,
 Обставят Росским флотом Крит;
 Евфрат в твоей крови смутится.

23

Чинит премену что во всем?
 Что очи блеском пронизает?
 Чистейшим с неба что лучем
 И дневну ясность превышает?
 Героев слышу весел клик!
 Одеян в славу Аннин лик
 Над звездны вечность взносит круги,
 И правда, взяв перо злато,
 В нетленной книге пишет то,
 Велики коль Ея заслуги.

24

Витийство, Пиндар, уст твоих
Тяжчае б Фивы обвинили,
Затем что о победах сих
Они б громчае возгласили,
Как прежде о красе Афин.
Россия как прекрасный крин
Цветет под Анниной державой.
В Китайских чтут Ее стенах,
И свет во всех своих концах
Исполнен храбрых Россов славой.

25

Россия, коль счастлива ты
Под сильным Анниным Покровом!
Какие видишь красоты
При сем торжествованьи новом!
Военных не страшися бед:
Бежит оттуда бранный вред,
Народ где Анну прославляет.
Пусть злобна зависть яд свой льет,
Пусть свой язык ярься грызет;
То наша радость презирает.

26

Козацких поль заднестрский тать
Разбит, прогнан, как прах развеян,
Не смеет больше уж топтать,
С пшеницей где покой насеян.
Безбедно едет в путь купец,
И видит край волнам пловец,
Нигде не знал, плывя, препятства.
Красуется велик и мал;
Жить хочет век, кто в гроб желал:
Влекут к тому торжеств изрядства.

27

Пастух стада гоняет в луг
И лесом без боязни ходит;
Пришед, овец пасет где друг,
С ним песню новую заводит.
Солдатску храбрость хвалит в ней,
И жизни часть блажит своей,
И вечно тишины желает
Местам, где толь спокойно спит;
И Ту, что от врагов хранит,
Простым усердьем прославляет.

28

Любовь России, страх врагов,
Страны полночной Героиня,
Седми пространных морь берегов
Надежда, радость и Богиня,
Велика Анна, Ты доброт
Сияешь светом и щедрот:
Прости, что раб твой к громкой славе,
Звучит что крепость сил Твоих,
Придать дерзнул некрасный стих
В подданства знак Твоей державе.

http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_0080.shtml

ОДА

**торжественная Ея Императорскому Величеству Всепресветлейшей
Державнейшей великой Государыне Императрице Екатерине Алексеевне,
самодержице всероссийской на преславное Ея восшествие на
Всероссийский Императорский престол июня 28 дня 1762 года.
В изъявление истинной радости и верноподданного усердия искреннего
поздравления приносится от всеподданнейшего раба Михаила
Ломоносова**

Внемлите все пределы света
И ведайте, что может Бог!
Воскресла нам Елисавета:
Ликует церковь и чертог.
Она! или Екатерина!
Она из обоих едина!
Ее и бодрость и восход
Златой наукам век восставит
И от презрения избавит
Возлюбленный Российский род.

Российский род, коль ты ужасен
В полях против своих врагов,
Толь дом твой в недрах безопасен:
Ты вне гроза, ты внутрь покров.
Полки сражая, вне воюешь;
Но внутрь без крови торжествуешь.
Ты буря там, здесь тишина.
Умеренность тебе в кровь бранну,
В главу, победами венчанну,
От трех в сей век Богинь дана.

Петра Великого Супруга,
 Взведенная самим на Трон,
 Краса и честь земного круга
 И слава скиптров и корон,
 Прехраброму сему Герою
 Среди пылающего строю
 Дает спасительный совет,
 Военно сердце умягчает;
 И, мир прияв, облобызает
 Разжженный яростью Магмет.

Елисавета царством мирным
 Российские смягчит сердца
 И как дыханием зефирным
 Взираньем кроткого лица
 Вливает благосклонность в нравы,
 В войнах не умаляя славы.
 Возложенный себе венец
 Победой, миром украшает,
 Трофеями превозвышает
 Державы своя конец.

В сии прискорбны дни природным
 Российским истинным сынам
 Ослабу духом благородным
 Дает Екатерина нам.
 Мы, кротости Богинь навькнув
 И в счастье, ими данно, вникнув,
 Судьбину тщимся отвратить.
 Уже для обществу покрову
 Согласно всех душа готова
 В Ней Дщерь Петрову возвратить.

Слышал ли кто из в свет рожденных,
Чтоб торжествующий народ
Предался в руки побежденных? —
О стыд, о странный оборот! —
Чтоб кровью купленны Трофеи
И победителей злодеи
Приобрели в напрасный дар
И данную залогом веру?
В тебе, Россия, нет примеру;
И ныне отвращен удар.

Любовь Твоя к Екатерине,
Екатеринына к Тебе
Победу даровала ныне;
И Небо верной сей Рабе
Без раздробляющего звуку
Крепит благословенну руку
На наших буйных сопостат.
О коль видение прекрасно!
О коль мечтание ужасно!
Что смотрит сей, что слышит град?

Не мрак ли в облаках развился?
Или открылся гроб Петров?
Он взором смутен пробудился
И произносит глас таков:
Я мертв терплю несносну рану!
На то ли вселюбезну Анну
В супружество Я поручил,
Дабы чрез то Моя Россия
Под игом области чужия
Лишилась власти, славы, сил?

На то ль, чтоб все, труды несчетны
 И приобретенны плоды
 Разрушились и были тщетны
 И новы возросли беды?
 На то ль воздвиг Я град священный,
 Дабы, врагами населенный,
 Россиянам ужасен был
 И вместо радостной столицы
 Тревожил дальние границы,
 Которы Я распространил?

О Тень великая, покойся:
 Мы помним тьмы Твоих заслуг;
 Безмолвна в вечности устройся:
 Твой труд меж нами жив вокруг.
 Не предадим Твоей любви,
 Не пощадим последней крови:
 Спешим Отечество покрыть
 Вослед премудрой Героине,
 Любезной всем Екатерине,
 Любезны Ей и верны быть.

Что чаяли вы, Невски Музы,
 В великий оный громкий час?
 Согласны мыслей всех союзы
 Веселый возвышали глас!
 Как звали ревностну присягу?
 Благословенную отвагу!
 Что зрели, как закрылся день?
 Нам здешние брега и волны
 Величества, приятства полны
 Сквозь тонкую казались тень!

Среди избраннейших Героев
Между блистающим ружьем,
Среди непобедимых строев
Сверкает Красота мечем
И нежность пола уважает,
И тою храбрость украшает,
Обеими сердца влечет.
Всяк видя, следуя за Нею,
Гласит устами и душою:
Так шла на Трон Елисавет!

Гряди, Российская отрада,
Гряди, желание сердец,
И буди от врагов ограда,
Поставь опасностям конец;
И оправдай Елисавету,
Всему доказывая свету,
Что полная Триумфов брань
Постыждена поносным миром,
И сопостат, почтен Кумиром,
От нас приемлет в жертву дань.

Уже нам дневное светило
Свое пресветлое лице
Всерадостным очам явило
Лучей прекрасных во венце.
Туманы, мраки разгоняя
И радость нашу предваряя,
Поля, леса, брега живит;
В росе, в струях себя являет.
Ему подобный к нам сияет
Избавившей Богини вид.

В удвоенном Петрополь блеске
 Торжественный подъемлет шум,
 При громком восхищаясь плеске
 Отрадой возвышает ум;
 Взирая на свою избаву,
 На мысль приводит прежню славу.
 В церьквах, по стогнам, по домам
 Несчетно множество народу
 Гремящу представляет воду,
 Что глас возносит к небесам.

Теперь злаумышленье в яме,
 За гордость свержено, лежит:
 Екатерина в Божьем храме
 С благоговением стоит,
 Хвалу на Небо воссылает
 И купно сердце всех пылает
 О целости Ея и нас;
 Что Вышний крепкою десницею,
 Богиню нам подав Царицей,
 От гибели невинных спас.

Услышьте, Судии земные
 И все державные главы:
 Законы нарушать святые
 От буйности блюдитесь вы
 И подданных не презирайте,
 Но их пороки исправляйте
 Ученьем, милостью, трудом.
 Вместите с правдою щедроту,
 Народну наблюдайте льготу,
 То Бог благословит ваш дом.

О коль велико, как прославят
Монарха верные раби!
О коль опасно, как оставят,
От тесноты своей, в скорби!
Внимайте нашему примеру,
Любите их, любите веру:
Она — свирепости узда,
Сердца народов сопрягает
И вам их верно покоряет,
Твердее всякого щита.

А вы, которым здесь Россия
Дает уже от древних лет
Довольство вольности златыя,
Какой в других державах нет,
Храня к своим соседям дружбу,
Позволила по вере службу
Беспреткновенно приносить;
На то ль склонились к вам Монархи
И согласились Иерархи,
Чтоб древний наш закон вредить,

И вместо, чтоб вам быть меж нами
В пределах должности своей,
Считать нас вашими рабами
В противность истины вещей?
Искусство нынешне доводом,
Что было над Российским родом
Умышлено от ваших глав
К поправнью нашего закона,
Российского к паденью Трона,
К рушению народных прав.

Обширность наших стран измерьте,
 Прочтите книги славных дел
 И чувствам собственным поверьте:
 Не вам подвергнуть наш предел.
 Исчислите тьму сильных боев,
 Исчислите у нас Героев
 От земледельца до Царя
 В суде, в полках, в морях и в селах,
 В своих и на чужих пределах
 И у святого олтаря.

О коль Монарх благополучен,
 Кто знает Россами владеть!
 Он будет в свете славой звучен
 И всех сердца в руке иметь.
 Тебя толь счастливу считаем,
 Богиня, в коей признаваем
 В единой все доброты вдруг:
 Щедроты, веру, справедливость,
 И с постоянством прозорливость,
 И истинный Геройский дух.

Осмнадцать лет Ты украшала
 Благословенный дом Петров,
 Елисавете подражала
 В Монарших высоте даров,
 Освобождая утесненных
 И ободряя оскорбленных,
 Склонила высоту небес
 От злой судьбы Тебя избавить,
 Над нами царствовать поставить
 И отереть нам токи слез.

Науки, ныне торжествуйте:
Взошла Минерва на Престол.
Пермесски воды, ликовствуйте,
Шумя крутитесь в злачный дол.
Вы в реки и в моря спешите
И нашу радость возвестите
Лугам, горам и островам;
Скажите, что для просвешенья
Повсюду утвердит ученья,

Создав прекрасны храмы вам.
А Ты, о Отрасль вождеденна,
Спасенная от сильных рук,
Будь жизнь Твоя благословенна,
Прекрасна посреде наук;
Дражайший Павел наш, мужайся,
В объятях Рождышей утешайся
И бывши скорби забывай.
Она все бури успокоит,
Щедротой, ревностью устроит
Тебе и нам прекрасный рай.

Герои храбры и усерды,
Которым промысл положил
Приять намерения тверды
Противу беззаконных сил
В защиту нашей Героине,
Красуйтесь, веселитесь ныне:
На вас лавровые венцы
В несчетны веки не увянут,
Доколе Россы не престанут
Греть в подсолнечной концы.
1762

ПИСЬМО О ПОЛЬЗЕ СТЕКЛА

к высокопревосходительному господину генералу-поручику, действительному ее императорского величества камергеру, Московского университета куратору и орденов Белого Орла, Святого Александра и Святыя Анны кавалеру Ивану Ивановичу Шувалову, писанное 1752 года

...

Взирая в древности народы изумленны,
Что греет, топит, льет и светит огонь возжженный,
Иные божеску ему давали честь;
Иные, знать хотя, кто с неба мог принести,
Представили в своем мечтанье Прометея,
Что, многи на земли художества умея,
Различные казал искусством чудеса:
За то Минервою был взят на небеса;
Похитил с солнца огонь и смертным отдал в руки.
Зевес воздвиг свой гнев, воздвиг ужасны звуки.
Продерзкого к горе великой приковал
И сильному орлу на растерзанье дал.
Он сердце завсегда коварное терзает,
На коем снова плоть на муку вырастает.
Там слышен страшный стон, там тяжка цепь звучит;
И кровь, чрез камни вниз текущая, шумит,
О коль несносна жизнь! позорище ужасно!
Но в просвещенны дни сей вымысл видим ясно.
Пииты украшать хотя свои стихи,
Описывали казнь за мнимые грехи.
Мы пламень солнечный Стеклом здесь получаем
И Прометея тем безбедно подражаем.
Ругаясь подлости нескладных оных врак,
Небесным без греха огнем курум табак;
И только лишь о том мы думаем, жалея.
Не свергла ль в пагубу наука Прометея?

Не злясь ли на него, невежд свирепых полк
 На знатны вымыслы сложил неправой толк?
 Не наблюдал ли звезд тогда сквозь Телескопы,
 Что ныне воскресил труд счастливой Европы?
 Не огонь ли он Стеклом умел сводить с небес
 И пагубу себе от варваров нанес.
 Что предали на казнь, обнесши чародеем?
 Коль много таковых примеров мы имеем,
 Что зависть, скрыв себя под святости покров,
 И груба ревность с ней, на правду строя ков,
 От самой древности воюют многократно,
 Чем много знания погибло невозвратно!
 Коль точно знали б мы небесные страны,
 Движение планет, течение луны,
 Когда бы Аристарх завистливым Клеантом
 Не назван был в суде неистовым Гигантом,
 Дерзнувшим землю всю от тверди потрясти,
 Круг центра своего, круг солнца обнести;
 Дерзнувшим научать, что все домашни боги
 Терпят великой труд всегдашний дороги;
 Вертится вкруг Нептун, Диана и Плутон
 И страждут ту же казнь, как дерзкой Иксион;
 И неподвижная земли богиня Веста
 К упокоению сыскать не может места.
 Под видом ложным сих почтения богов
 Закрит был звездный мир чрез множество веков.
 Боясь падения неправой оной веры,
 Вели всегдашню брань с наукой лицемеры,
 Дабы она, открыв величество небес
 И разность дивную неведомых чудес,
 Не показала всем, что непостижна сила
 Единого творца весь мир сей сотворила;
 Что Марс, Нептун, Зевес, всё сонмище богов
 Не стоят тучных жертв, ниже под жертву дров;
 Что агньцов и волов жрецы едят напрасно;
 Сие одно, сие казалось быть опасно.

Оттоле землю все считали посреде.
 Астроном весь свой век в бесплодном был труде,
 Запутан циклами, пока восстал Коперник,
 Презритель зависти и варварству соперник.
 В середине всех планет он солнце положил,
 Сугубое земли движение открыл.
 Одним круг центра путь вседневный совершает,
 Другим круг солнца год теченьем составляет,
 Он циклы истинной Системой растерзал
 И правду точностью явлений доказал.
 Потом Гугении, Кеплеры и Невтоны,
 Преломленных лучей в Стекле познав законы,
 Разумной подлинно уверили весь свет,
 Коперник что учил, сомнения в том нет.
 Клеантов не боясь, мы пишем все согласно,
 Что истине они противятся напрасно.
 В безмерном углубя пространстве разум свой,
 Из мысли ходим в мысль, из света в свет иной.
 Везде божественну премудрость почитаем,
 В благоговении весь дух свой погружаем.
 Чудимся быстрине, чудимся тишине,
 Что бог устроил нам в безмерной глубине.
 В ужасной скорости и купно быть в покое,
 Кто чудо сотворит кроме его такое?
 Нас больше таковы идеи веселят,
 Как, божий некогда описывая град,
 Вечерний Августин душою веселился.
 О коль великим он восторгом бы пленился,
 Когда б разумну тварь толь тесно не включал,
 Под нами б жителей как здесь не отрицал,
 Без Математики вселенной бы не мерил!
 Что есть Америка, напрасно он не верил:
 Доказывает то подземной католик,
 Кадя златой его в костелах новых лик.
 Уже Колумбу вслед, уже за Магелланом
 Круг света ходим мы великим Океаном

И видим множество божественных там дел,
Земель и островов, людей, градов и сел,
Незнаемых пред тем и странных нам животных,
Зверей, и птиц, и рыб, плодов и трав несчетных.
Возьмите сей пример, Клеанты, ясно вняв,
Коль много Августин в сем мнении неправ;
Он слово божие употреблял напрасно.
В Системе света вы то ж делаете власно.
Во зрительных трубах Стекло являет нам,
Колико дал творец пространство небесам.
Толь много солнцев в них пылающих сияет,
Недвижных сколько звезд нам ясна ночь являет.
Круг солнца нашего, среди других планет,
Земля с ходящею круг ней луной течет,
Которую хотя весьма пространну знаем,
Но к свету применив, как точку представляем.
Коль созданных вещей пространно естество!
О коль велико их создавше божество!
О коль велика к нам щедрот его пучина,
Что на землю послал возлюбленного сына!
Не погнушался он на малой шар сойти,
Чтобы погибшего страданием спасти.
Чем меньше мы его щедрот достойны зримся
Тем больше благости и милости чудимся
Стекло приводит нас чрез Оптику к сему
Прогнав глубокую неведения тьму!
Преломленных лучей пределы в нем неложны
Поставлены творцем; другие невозможны.
В благословенной наш и просвещенной век
Чего не мог дойти по оным человек?

...

УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ

Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли
И божия дела открыло:
Мой дух, с веселием внемли;
Чудяся ясным толь лучам,
Представь, каков зиждитель сам!

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было возлететь,
Чтоб к солнцу бренно наше око
Могло, приближившись, воззреть,
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно Океан.

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов;
Там вихри пламенны крутятся,
Борющиеся множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.

Сия ужасная громада
Как искра пред тобой одна.
О коль пресветлая лампада
Тобою, боже, возжжена
Для наших повседневных дел,
Что ты творить нам повелел!

От мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лес
И взору нашему открылись,
Исполнении твоих чудес.
Там всякая взывает плоть:
Велик зиждитель наш господь!

Светило дневное блистает
Лишь только на поверхность тел;
Но взор твой в бездну проникает.
Не зная никаких предел.
От светлости твоих очей
Льетса радость твари всей.

Творец! покрытому мне тьмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред тобою
Всегда творити научи,
И, на твою взирая тварь,
Хвалить тебя, бессмертный царь.

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ ПРИ СЛУЧАЕ ВЕЛИКОГО СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ

Лице свое скрывает день!
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен!

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов;
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества.

Но где ж, натура, твой закон?
С полных стран встает заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огонь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
00Вам путь известен всех планет, —
Скажите, что нас так мятет?

Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блестят,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верьхи горят;
Иль в море дуть престал зефир,
И гладки волны бьют в эфир.

Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик творец?

http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_0010.shtml

ПЕТР ВЕЛИКИЙ

Героическая поэма

**Его Высокопревосходительству милостивому государю
Ивану Ивановичу Шувалову, Генералу-Поручику,
Генералу-Адъютанту, действительному Камергеру,
Московского Университета куратору
и орденов Белого Орла, Святого Александра,
Святыя Анны Кавалеру**

Начало моего великого труда
Прими, Предстатель Муз, как принимал всегда
Сложения мои, любя Российско слово,
и тем стремление к стихам давал мне ново.
Тобою поощрен в сей путь пустился я:
Ты будешь онога споспешник и судья.
и многи и сия дана Тебе доброта,
К словесным знаниям прехвальная охота.
Природный видит Твой и просвещенный ум,
Где мысли важные и где пустых слов шум.
Мне нужен твоего рассудок тонкий слуха,
Чтоб слабость своего возмог признать я духа.
Когда под бременем поникну утомлен,
Вниманием Твоим восстану ободрен.
Хотя вослед иду Виргилию, Гомеру,
Не нахожу и в них довольного примеру.
Не вымышленных петь намерен я Богов,
Но истинны дела, великий труд Петров.
Достойную хвалу воздать сему Герою
Труднее, нежели как в десять лет взять Трюю.
О если б было то в возможности моей,
Беглец Виргилиев из отчества Еней
Едва б с Мазепю в стихах моих сравнился,

и басней бы своих Virgiliy устыдился.
Уликсовых Сирен и Ахиллесов гнев
Вовек бы заглушил поправленный ревом Лев.
За кем же я пойду? Вслед подвигам Петровым
и возвышением стихов Геройских новым
Уверю целые вселенный концы,
Что тем я заслужу Парнасские венцы,
Что первый пел дела такого Человека,
Каков во всех странах не слыхан был от века.

...

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

...

Петр Великий, уведав, что шведские корабли идут к городу Архангельскому, дабы там учинить разорение и отвратить Государев поход к Шлиссельбургу, отпустил войско приступать к оному. Сам с гвардиею предприимлет путь в Север и слухом своего приходу на Двинские устья обращает в бегство флот Шведский. Оттуда простирая поход к осаде помянутой крепости по Белому морю, претерпевает опасную бурю и от ней для отдохновения уклоняется в Унскую губу. Потом, пристав к Соловецкому острову для молитвы, при случае разговора о расколе, сказывает Государь настоятелю тамошня обитатели о стрелецких бунтах, из которых второй был раскольничий.

Пою премудрого Российского Героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
От самых нежных лет со злобой вел войну,
Сквозь страхи проходя, вознес свою страну,
Смирил злодеев внутрь и вне поправил противных,
Рукой и разумом сверг дерзостных и льстивных,
Среди военных бурь науки нам открыл
И мир делами весь и зависть удивил.

К тебе я вопию, Премудрость бесконечна:
 Пролей свой луч ко мне, где искренность сердечна
 Петра Великого гласить вселенной в слух
 И показать, как Он превыше человека
 Понес труды для нас, неслыханны от века,
 С каким усердием, Отечество любя,
 Ужасным подвергал опасностям себя,
 Да на Его пример и на дела велики
 Смотря весь смертных род, смотря земны Владыки
 Познают, что Монарх и что отец прямой,
 Строитель, плаватель, в полях, в морях Герой,
 Дабы Российский род вовеки помнил твердо,
 Коль, небо, ты ему явилось милосердо.
 Ты мысль мне просвети; делами Петр снабдит,
 Велика Дщерь Его щедротой оживит.

Богиня, коей власть владычеств всех превыше,
 Державство кроткое весны прекрасной тише
 И к подданным любовь всех высший есть закон,
 Ты внемлешь с кротостью мой слабый лирный звон.
 Склони, склони свой слух, когда я пред Тобою
 Дерзаю возгласить военную трубою
 Тебя родившее велико божество!
 О море! О земля! О тварей естество!
 Монархини моей вы нраву подражайте
 И гласу моему со кротостью внимайте.

Уже освобожден от варвар был Азов;
 До Меотиских Дон свободно тек валов,
 Нося ужасный флот в струях к пучине Черной,
 Что создан в скорости Петром невероятной.
 Уже великая покоилась Москва,
 Избыв от лютого злодеев суровства,
 Бунтующих стрельцов достойной после казни

Простерла вне свой меч без внутренней боязни.
 От дерзкой наглости разгневанным Петром
 Воздвигся в западе войны ужасный гром.
 От Нарвской обуяв сомнительной победы,
 Шатались мыслями и войск походом Шведы.
 Монарх наш от Москвы простер свой быстрый ход
 К любезным берегам полночных белых вод,
 Где прежде меж валов душа в нем веселилась
 И больше к плаванию в нем жажда воспалилась.
 О коль ты счастлива, великая Двина,
 Что славным шествием его освящена!
 Ты тем всех выше рек, что устьями своими
 Сливаясь в сонм един со безднами морскими,
 Открыла посреде играющих валов
 Других всех прежде струй пучине зрак Петров.
 О холмы красные и острова зелены,
 Как радовались вы, сим счастьем восхищенны!
 Что поздно я на вас, что поздно я рожден,
 И тем толикого веселия лишен?
 Не зрех, как он сиял Величеством над вами
 И шествовал по вам пред новыми полками,
 Как новы крепости и новы корабли,
 Ужасные врагам в волнах и на земли,
 Смотрел и утверждал противу их набегу,
 Грозящему бедой Архангельскому берегу,
 Дабы Российскую тем силу разделить,
 От Ингерских градов осады отвратить.
 Но вдруг пришествия Петрова в север слухом
 Смутьась, пустились вспять унылы, томны духом.

Уже белея понт перед Петром кипит,
 И влага уступить шумя ему спешит.
 Там вместо чайанных бореи флагов Шведских
 Российские в зыбях взвевали Соловецких.

Закрылись крайние пучиною леса;
 Лишь с морем видны вкруг слиянны небеса.
 Тут ветры сильные, имея флот во власти,
 Со всех сторон сложась к погибельной напасти,
 На Запад и на Юг, на Север и Восток
 Стремятся и вертят мглу, влагу и песок;
 Перуны мрак густой сверкая разделяют,
 И громы с шумом вод свой треск соединяют;
 Меж морем рушился и воздухом предел;
 Дождю навстречу дождь с кипящих волн летел;
 В сердцах великий страх сугубят скрыпом снасти.
 Герой наш посреде великия напасти
 И взором и речью смутившихся крепит,
 Сквозь грозный стон стихий к бледнеющим гласит:
 „Мужайтесь! Промысл нас небесный искушает;
 К трудам и к крепости напредки ободряет
 Всяк делу своему со тщанием внимай:
 Опасности сея Бог скоро пошлет край“.
 От гласа в грудь пловцам кровь теплая влиялась,
 И буря в ярости кротчае показалась.

Ямышлю, что тогда сокрыта в море мочь,
 Желая отвратить набег противных прочь,
 Толь страшну бурю им на пагубу воздвигла,
 Что в плаваньи Петра нечаянно постигла.

О вы, рачители и слушатели слов,
 В которых подвиг вам приятен есть Петров,
 Едина истина возлюбленна и сродна,
 От вымыслов краса Парнасских негодна;
 Позвольте между тем, чтоб слаба мысль моя
 И голос опочил, труды Его поя.
 В Кастальски роци я не с тем себя склоняю,
 Что оным там сыскать красу и силу чаю:

Ключи, источники, долины и цветы
Не могут дел Его умножить красоты;
Собой они красны, собой они велики.
Отважась в долгий путь, где трудности толики,
Ищу, чтоб иногда иметь себе покой.
В убежища сии склонитесь вы со мной,
Дабы яснее зреть с высоких мест и красных
Петра в волнах, во льдах, в огне, в бедах ужасных
И славы истинной в блистающих лучах.
Какое зрение мечтается в очах?
Я на земли стою, но страхом колебаюсь
И чаю, что в водах свирепых погружаюсь!
Мне всякая волна быть кажется гора,
Что с ревом падает, обрушась на Петра.

Но промысл в глубину десницу простирает;
Оковы тяжкие вдруг буря ощущает.
Как в равных разбежась свирепый конь полях,
Ржет, пышет, от копыт восходит вихрем прах,
Однако доскакав до высоты крутыя,
Вздыхнул, кончает бег, льет токи потовые, —
Так север, укротясь, впоследствии восстенал.
По усталым валам понт пену расстилал;
Исчезли облака; сквозь воздух в юге чистый,
Открылись два холма и береги лесисты.
Меж ними кораблям в залив отверзся вход,
Убежище пловцам от беспокойных вод,
Где, в мокрых берегах крутятся, печальна Уна
Медлительно течет в объятия Нептуна,
В числе Российских рек безвестна и мала,
Но Предков роком злым Петровых прослыла:
Когда коварного свирепством Годунова
Кипела пролита невинных кровь багрова,
Как Праотцев Его он в север заточил,

Во влажном месте сем, о злоба! уморил.
Сошел на берег Петр и ободрил стопами
Места, обмоченны Романовых слезами.
Подвиглись береги, зря в славе оных Род.
Меж тем способный ветер в свой путь сзывает флот?
Он легким к западу дыханьем поспешает
И мелких волн вокруг себя не ощущает.
Тогда плывущим Петр на полночь указал,
В спокойном плаванье сии слова вещал:
„Какая похвала Российскому народу
Судьбой дана — пройти покрыту льдами воду.
Хотя там кажется поставлен плыть предел,
Но бодрость подают примеры славных дел.
Полденный света край обшел отважный Гама
И солнцева достиг, что мнила древность, храма.
Герои на морях Колумб и Магеллан
Коль много обрели безвестных прежде стран,
Подвигнуты хвалой, исполненны надежды,
Которой лишены пугливые невежды,
Презрели робость их, роптанье и упор,
Что в них произвели болезни, голод, мор.
Иное небо там и новые светила,
Там полдень в севере, ина в магните сила;
Бездонный Океан травой как луг покрыт;
Погибель в ночь и в день со всех сторон грозит.
Опасен вихрей бег, но тишина страшнее,
Что портит в жилах кровь свирепых ядов злее.
Лишает долгий зной здоровья и ума,
А стужа в севере ничтожит вред сама.
Сам лед, что кажется толь грозен и ужасен,
От оных лютых бед даст ход нам безопасен.
Колумбы Росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша досягнет в Америку держава.

Но ныне настоит в войнах иная слава“.
 Надежды полный взгляд слова его скончал,
 И бодрый дух к трудам на всем лице сиял.

Достигло дневное до полночи светило,
 Но в глубине лица горящего не скрыло;
 Как пламенна гора казалось меж валов
 И простирало блеск багровый из-за льдов.
 Среди пречудныя при ясном солнце ночи
 Верхи златых зыбей пловцам сверкают в очи.
 От севера стада морских приходят чуд
 И воду вихрями крутят, и сверху бьют,
 Предшествуя Царю пространныя пучины,
 Что двинулся к Петру, ошибкою повинный,
 Из глубины своей, где царствует на дне.
 В недосыгаемой от смертных стороне,
 Между высокими камнистыми горами,
 Что мы по зрению обвыкли звать мелями,
 Покрытый золотым песком простерся дол.
 На том сего Царя палаты и престол.
 Столпы округ его — огромные кристаллы,
 По коим обвились прекрасные кораллы;
 Главы их сложены из раковин витых,
 Превосходящих цвет дуги меж туч густых,
 Что кажет укротясь нам громовая буря;
 Помост из аспида и чистого лазуря;
 Палаты из одной иссечены горы;
 Верхи под чешуей — великих рыб бугры;
 Уборы внутренни — покров черепокожных
 Бесчисленных зверей, во глубине возможных.
 Там трон — жемчугами усыпанный янтарь;
 На нем сидит волнам седым подобен Царь,
 В заливы, в океан десницу простирает,
 Сафирным скипетром водам повелевает.

Одежда Царская — Порфира и виссон,
 Что сильные моря несут ему пред трон.
 Ни мразы, ни Борей туда не достягают,
 Лишь солнечны лучи сквозь влагу проникают.
 От хлябей сих и бездн владетель вод возник;
 Воздвигли радостный морские птицы клик.
 Он вслед к плывущему Герою обратился
 И новости судов Петровых удивился:
 „Твои, — сказал, — моря, над ними царствуй век,
 Тебе течение пространных тесно рек:
 Построй великий флот; поставь в пучине стены“.
 Скончали пением сей глас его сирены.
 То было, либо так быть надобно б сему,
 Что должен Океан Монарху своему.

Уже на западе восточными лучами —
 Открылся освещен с высокими верьхами
 Пречудных стен округ из диких камней град,
 Где вольны пленники спасаяся сидят,
 От мира отделясь и морем и святыней
 (Пример отеческих от древних лет пустыней),
 Лишь только лишены приятнейших плодов
 От древ, что подают и пищу и покров:
 Не может произвесть короткое их лето,
 Снегами в протчи дни лице земли одето.
 Сквозь мрак и сквозь туман, сквозь буйных ветров шум
 Восходит к небесам поющих глас и ум.
 К сим строгим берегам великий Петр приходит,
 Внимательный свой взор на здания возводит.
 Из каменных бугров воздвигнута стена,
 Водами ото всех сторон окружена,
 Его и воинов с веселием приемлет;
 Стрельбе и пению пустыня купно внемлет.
 Навстречу с ликом Фирс усердствуя спешит
 И, Гостя осенив, в восторге говорит:

„Благословен Твой путь Всевышнего рукою:
Могущество Его предходит пред Тобою.
Он к сей с высот своих обители смотря,
О имени своем возвеселит Царя.
Живущие Его в сем месте благодати
Причастны новые Твои да будут рати“.
Монарх, от Промысла избранный человек,
Вменил, что перед ним стоит Мельхиседек,
Победы прежние Его благословляет
И к новым торжествам духовно ободряет.

...

http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_0190.shtml

* * *

Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный Аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.
Не вовсе я умру; но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом.
Где быстрыми шумит струями Авфид,
Где Давнус царствовал в простом народе,
Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззатной род препятством не был,
Чтоб вносить в Италию стихи эольски
И первому звенеть Алцейской лирой.
Взгордися праведной заслугой, муза,
И увенчай главу дельфийским лавром.

* * *

Лишь только дневной шум замолк,
Надел пастушье платье волк
И взял пастушей посох в лапу,
Привесил к поясу рожок,
На уши вздел широку шляпу
И крался тихо сквозь лесок
На ужин для добычи к стаду.
Увидев там, что Жучко спит,
Обняв пастушку, Фирс храпит,
И овцы все лежали сряду,
Он мог из них любую взять;
Но, не довольствуясь убором,
Хотел прикрасить разговором
И именем овец назвать.
Однако чуть лишь пасть разинул,
Раздался в роще волчей вой.
Пастух свой сладкой сон покинул,
И Жучко с ним бросился в бой;
Один дубиной гостя встретил,
Другой за горло ухватил;
Тут поздно бедной волк приметил,
Что чересчур перемудрил,
В полах и в рукавах связался
И волчьим голосом сказался.
Но Фирс недолго размышлял,
Убор с него и кожу снял.
Я притчу всю коротким толком
Могу вам, господа, сказать:
Кто в свете сем родился волком,
Тому лисицей не бывать.

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НА ДОРОГЕ В ПЕТЕРГОФ,

**когда я в 1761 году ехал просить
о подписании привилегии для академии,
быв много раз прежде за тем же**

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен,
Коль больше пред людьми ты счастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкою травою
И наслаждаешься медвяною росою.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истине ты перед нами царь;
Ты ангел во плоти, иль, лучше, ты бесплотен!
Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен,
Что видишь, всё твое; везде в своем дому,
Не просишь ни о чем, не должен никому.

http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_0160.shtml

ПРЕДИСЛОВИЕ О ПОЛЬЗЕ КНИГ ЦЕРКОВНЫХ В РОССИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В древние времена, когда славенский народ не знал употребления письменно изображать свои мысли, которые тогда были тесно ограничены для неведения многих вещей и действий, ученым народам известных, тогда и язык его не мог изобиловать таким множеством речений и выражений разума, как ныне читаем. Сие богатство больше всего приобретено купно с греческим христианским законом, когда церковные книги переведены с греческого языка на славенский для славословия божия. Отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова коль высоко почитается, о том довольно свидетельствуют словесных наук любители. На нем, кроме древних Гомеров, Пиндаров, Демосфенов и Других в эллинском языке героев, витийствовали великие христианския Церкви учителя и творцы, возвышая древнее красноречие высокими богословскими догматами и парением усердного пения к Богу. Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церковные на славенском языке, коль много мы от переводе Ветхого и Нового завета поучений отеческих, духовных песней Дамаскиновых и других творцов канонов видим в славенском языке греческого изобилия и оттуду умножаем довольство российского слова, которое и собственным своим достатком велико и к приятию греческих красот посредством славенского сродно. Правда, что многие места оных переводов недовольно вразумительны, однако польза наша весьма велика. При сем, хотя нельзя прекословить, что сначала переводившие с греческого языка книги на славенский не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять в перевод свойств греческих, славенскому языку странных, однако оные чрез долготу времени слуху славенскому перестали быть противны, но вошли в обычай. Итак, что предкам нашим казалось невразумительно, то нам ныне стало приятно и полезно.

Справедливость сего доказывается сравнением российского языка с другими, ему сродными. Поляки, преклонясь издавна в католицкую веру, отправляют службу по своему обряду на латинском языке, на котором их стихи и молитвы сочинены во времена варварские по большей части от худых авторов, и потому ни из Греции, ни от Рима не могли снискать подобных преимуществ, каковы в нашем языке от греческого приобретены. Немецкий язык по то время был убог, прост и бессилен, пока в служении употреблялся язык латинский. Но как

немецкий народ стал священные книги читать и службу слушать на своем языке, тогда богатство его умножилось, и произошли искусные писатели. Напротив того, в католических областях, где только одну латынь, и то варварскую, в служении употребляют, подобного успеха в чистоте немецкого языка не находим.

Как материи, которые словом человеческим изображаются, различествуют по мере разной своей важности, так и российский язык чрез употребление книг церковных по приличности имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий. Сие происходит от трех родов речений российского языка.

К первому причитаются, которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны, например: *бог, слава, рука, ныне, почитаю*.

Ко второму принадлежат, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, например: *отверзаю, господень, насажденный, взываю*. Неупотребительные и весьма обветшалые отсюда выключаются, как: *обаваю, рясны, овогда, свене* и сим подобные.

К третьему роду относятся, которых нет в остатках славенского языка, то есть в церковных книгах, например: *говорю, ручей, который, пока, лишь*. Выключаются отсюда презренные слова, которых ни в каком штиле употребить непристойно, как только в подлых комедиях.

От рассудительного употребления и разбору сих трех родов речений рождаются три штиля: высокий, посредственный и низкий.

Первый составляется из речений славенороссийских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обветшалых. Сим штилем составляться должны героические поэмы, оды, прозаические речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных.

Средний штиль состоять должен из речений, больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость. и словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле российского простонародного. Сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может и первого

рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить геройство и высокие мысли; в нежностях должно от того удаляться. Стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и эллегии сего штиля больше должны держаться. в прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных.

Низкий штиль принимает речения третьего рода, то есть которых нет в славенском диалекте, смешивая с средними, а от славенских обще не употребительных вовсе удаляться, по пристойности материй, каковы суть комедии, увеселительные эпиграммы, песни, в прозе дружеские письма, описание обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению. Но всего сего подробное показание надлежит до нарочного наставления о чистоте российского штиля.

Сколько в высокой поэзии служат одним речением славенским сокращенные мысли, как причастиями и деепричастиями, в обыкновенном российском языке неупотребительными, то всяк чувствовать может, кто в сочинении стихов испытал свои силы.

Сия польза наша, что мы приобрели от книг церковных богатство к сильному изображению идей важных и высоких, хотя велика, однако еще находим другие выгоды, каковых лишены многие языки, и сие, во-первых, по месту.

Народ российский, по великому пространству обитающий, невзирая на дальнейе расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например в Германии, баварский крестьянин мало понимает меклен-бургского или бранденбургский швабского, хотя все того ж немецкого народа.

Подтверждается вышеупомянутое наше преимущество живущими за Дунаем народами славенского поколения, которые греческого исповедания держатся, ибо хотя разделены от нас иноплеменными языками, однако для употребления славенских книг церковных говорят языком, россиянам довольно вразумительным, который весьма много с нашим наречием сходнее, нежели польский, невзирая на безразрывную нашу с Польшею пограничность.

По времени ж рассуждая, видим, что российский язык от владения Владимирова до нынешнего веку, больше семисот лет, не столько изменился, чтобы старого разуместь не можно было: не так, как многие народы, не учась, не разумеют языка, которым предки их за четыреста лет писали, ради великой его перемены, случившейся через то время.

Рассудив таковую пользу от книг церковных славенских в российском языке, всем любителям отечественного слова беспристрастно объявляю и дружелюбно

советую, уверясь собственным своим искусством, дабы с прилежанием читали все церковные книги, от чего к общей и к собственной пользе воспоследует:

- 1) По важности освященного места Церкви Божией и для древности чувствуем в себе к славенскому языку некоторое особливое почитание, чем великолепные сочинитель мысли сугубо возвысит.
- 2) Будет всяк уметь разбирать высокие слова от подлых и употреблять их в приличных местах по достоинству предлагаемой материи, наблюдая равность слога.
- 3) Таким старательными и осторожным употреблением среднего нам коренного славенского языка купно с российским отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков, заимствующих себе красоту из греческого, и то еще чрез латинский. Оные неприличности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене и к упадку преклоняют. Сие все показанным способом пресечется, и российский язык в полной силе, красоте и богатстве пременам и упадку не подвержен утвердится, коль долго Церковь Российская славословием Божиим на славенском языке украшаться будет.

Сие краткое напоминание довольно к движению ревности в тех, которые к прославлению отечества природным языком усердствуют, ведая, что с падением одного без искусных в нем писателей немало затмится слава всего народа. Где древний, язык испанский, галский, британский и другие с делами оных народов? Не упоминаю о тех, которые в прочих частях света у безграмотных жителей во многие веки чрез переселения и войны разрушились. Бывали и там герои, бывали отменные дела в обществах, бывали чудные в натуре явления, но все в глубоком неведении погрузились. Гораций говорит:

Герои были до Атрида,
 Но древность скрыла их от нас,
 Что дел их не оставил вида
 Бессмертный стихотворцев глас.

Счастливы греки и римляне перед всеми древними европейскими народами, ибо хотя их владения разрушились и языки из общенародного употребления вышли, однако из самых развалин, сквозь дым, сквозь звуки в отдаленных веках слышен громкий голос писателей, проповедующих дела своих героев, которых люблением и покровительством ободрены были превозносить их купно с отечеством. Последовавшие поздние потомки, великою древностью и расстоянием мест отдаленные, внимают им с таким же движением сердца, как бы их современные одноземцы. Кто о Гекторе и Ахиллесе читает у Гомера без рвения? Возможно ли без гнева слышать Цицеронов гром на Катилину? Возможно ли внимать Горациевой лире, не склоняя духом к Меценату, равно как бы он нынешним наукам был покровитель?

Подобное счастье оказалось нашему отечеству от просвещения Петрова и действительно настало и основалось щедротою его великия дочери. Ею ободренные в России словесные науки не дадут никогда прийти в упадок российскому слову. Станут читать самые отдаленные веки великие дела Петровы и Елисаветина веку и, равно как мы, чувствовать сердечные движения. Как не быть ныне Виргилиям и Горациям? Царствует Августа Елисавета; имеем знатных и Меценату подобных предстателей, чрез которых ходатайство ея отеческий град снабден новыми приращениями наук и художеств. Великая Москва, ободренная пением нового Парнаса, веселится своим сим украшением и показывает оное всем городам российским как вечный залог усердия к отечеству своего основателя, на которого бодрое попечение и усердное предстательство твердую надежду полагают российские музы о высочайшем покровительстве.

http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_0250.shtml

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО К РИТОРИКЕ НА ПОЛЬЗУ ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛАДКОРЕЧИЯ

**Е. и. в. пресветлейшему государю великому князю Петру Феодоровичу,
внуку государя императора Петра Великого и Российския империи
наследнику, милостивейшему государю.**

Пресветлейший великий князь,
милостивейший государь!

В пресветлейшей в. и. в. особе не токмо верные российские подданные твердую надежду будущего своего благополучия благоговейно почитают, но и вся Европа удивляется высоким вашим добродетелям, еще в юности процветающим, как истинной отрасли Петрова священнейшего семени. Взирают на них великим вашим дедом в России основанные науки как на восходящее солнце и от пресветлых его лучей нового щедрот сияния в несомненном уповании ожидают. Благополучны возрастающие в России знания, в которых сам ожидаемый их расширитель, в. и. в., охотно упражняться изволит, равно как великий оных основатель. Благополучны в научении положенные труды сынов российских, которых щедрая вашего высочества рука ободряет к вящему приращению наук в наследной вашей империи. Толь прехвальными и Петрова внука достойными добродетельми ободренный, полагаю к дражайшим стопам в. и. в. сочиненное мною в пользу отечества Краткое руководство к риторике и, припадая подданнейше, прошу на сей низжайший мой труд воззреть милостивейшим оком. Крепкая всевышнего десница да покроет и укрепит неоцененное вашего высочества здравие и к вящей радости и благополучию всего российского народа чрез многие лета да соблюдет невредимо, чего от искреннего усердия подданнейше желаю

в. и. в. подданнейший раб
Михайло Ломоносов.

...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
О ИЗОБРЕТЕНИИ ДОВОДОВ

§ 58

Доводы, равно как и распространения, спряжены бывают и из простых идей и одночленных рассуждений способом винословных союзов и наречий *итак, оттого, потому, затем, следовательно, понеже, того ради* и прочая.

§ 59

Ко изобретению оных служат из риторических мест происходящие следующие правила.

§ 60

Что говорится о всем роде, то можно сказать и о каждом виде, в том же роде включенном, и, напротив того, что говорится о каждом виде, то можно сказать и о всем роде. Пример первому: *кто все добродетели любит, тот любит и воздержание*. Пример второму: *мы видим, что цари, князи, священники, военные, гражданские и сельские люди умирают, и оттуду заключаем, что все люди смертны*.

§ 61

Что сказать можно о всех частях, то и о целом, н. п.: *уже российские грады от Марсова шума не смущаются, села в глубоком мире почивают, пристани и крепости неприятельских набегов не страшатся, и так во всей России мир процветает*.

§ 62

От свойств должны последовать приличные им действия, н. п.: *Тиций Семпрония ненавидит, следовательно, ему добра не желает*.

§ 63

Если какая вещь страждет, т. е. в себе перемену имеет, то должна быть действующая вещь, которая оную перемену производит, н. п.: *море волнуется, следовательно, бурный ветер веет*. А когда две вещи такое состояние между собою имеют, что одна в другой перемену учинить может, то должно действию воспоследовать, н. п.: *сильный ветер по морю веет, следовательно, во оном волны подымает*.

§ 64

От места, времени и обстоятельств нередко следуют их свойства к той вещи, к которой они принадлежат, н. п.: *на высоких горах стоящие здания большее насилие от ветров и бурь претерпевают.*

§ 65

Ежели последующее есть, то должно было и предыдущему быть, н. п.: *плоды на деревьях выросли, следовательно, деревья прежде расцвели.* От предыдущего не всегда можно заключить последующее, н. п. нельзя сказать: *деревья расцветают, следовательно, плоды будут.*

§ 66

Все, что есть или бывает, имеет свою производящую вещь, н. п.: *дождь идет, следовательно, небо облачно.*

§ 67

Где есть признаки, всегда с вещью бывающие, тут есть и сама она вещь, н. п.: *отсюда дым встает, там должно быть огню.*

§ 68

Ежели из двух противных вещей одна есть, то, следовательно, другой нет, н. п.: *кто милостив, тот не жестокосерд; где добродетели господствуют, тут нет места порокам.*

§ 69

Подобные вещи должны иметь подобные действия и страдания, н. п.: *жизнь человеческая подобна непостоянному морю, следовательно, она от нападения противных случаев колеблется, подобно как океан от нападения бурных ветров.*

§ 70

Кто малого не может, тому и большее невозможно. и напротив того, кому великое возможно, тот может и малое. Пример первому: *кто слова утаить не может, тот не удержит великия тайны.* Пример второму: *кто пространного моря не боится, тому малая река не ужасна.*

ГЛАВА ПЯТАЯ
О ИЗОБРЕТЕНИИ ВИТИЕВАТЫХ РЕЧЕЙ ИЛИ ЗАМЫСЛОВ

§ 71

Когда показанным правилам доказательств что-нибудь противное представлено будет, тогда рождаются витиеватые речи. К сему способствует уподобление, уравнение и противоположение идей, что из следующих правил видеть можно.

§ 72

Соединение противных себе видов и разделение подобных производит витиеватые речи, н. п.:

*В златые дни со львом бессильный агнец спал,
И голубь с ястребом безбедно в лес летал*

§ 73

От частей рождаются витиеватые речи:

- 1) Когда в животных вещах к каждой части приложено будет приличное жизненное свойство, н. п.: *лице светлое щедротою, уста сладкие утешением, грудь искренностию отверстая.*
- 2) Когда частям приличные действия присовокупятся, н. п.: *благочестивый монарх единою рукою бога, а другою подданных объемлет*
- 3) Когда частям противные свойства или действия прилагаются, н. п.: *лукавый языком любит, а сердцем убивает.*

§ 74

От свойств замыслы происходят:

- 1) Когда одному свойству даны будут противные действия в разных вещах или персонах, н. п.: *глупость в бедном смешна, а в сильном слез достойна.*
- 2) Когда одно свойство другому как воспящающее представляется, н. п.: *злой и глупый богач о днем путем ходят; оный хотя пользу учинить может, однако не хочет, а сей хотя и хочет, однако не умеет.*

- 3) Когда противным свойствам сходные действия последуют, н. п.: *великодушный человек счастье свое умеренно правит, несчастье терпеливо сносит.*
- 4) Когда одна страсть в другую переменяется, н. п.: *праведный твой гнев есть милосердие,*
- 5) Когда одно свойство другому уподоблено будет, н. п.: *прекрасное твое лице небесному твоему уму подобно.*

§ 75

Знаменование имени подает витиеватые речи, когда оно уподоблено будет делам самой той персоны, которая оным называется, н. п.:

*Цесарь, ты врагов сечеши удобно,
Имя в том делам твоим подобно.*

Сюда ж надлежит, что сказали донские скифы великому Александру, который богом назывался: *ежели ты бог, то должен ты смертных миловать, а не грабить.*

§ 76

От действия и страдания произведены быть могут замыслы:

- 1) Когда вещи вымышленное действие или страдание приложено будет, н. п.: *он жалостным своим стенаньем древа, валы и горы движет.*
- 2) Когда от вещи противное действие производится, н. п.:

*Чем ты дале прочь отходишь,
Грудь мою жжет больший зной.
Тем прохладу мне наводишь,
Если ближе пламень твой.*

- 3) Чрез переменение действия на страдание, а страдания на действие, н. п.: *не Аякс сего ружья, но само ружье Аякса требует.*

- 4) Когда действие вещи другим полезно, а самой вредно быть представляется. Так, говорит греческий король Улике у Овидия: *вас прошу, о греки, чтобы мой разум мне не был вреден, который вам столько раз был полезен*
- 5) Чрез предложение невозможных действий, н. п.: *прежде агнцы волков ловить, а зайцы львов терзать станут, нежели твое желание сбудется.*
- 6) Когда препятствия бессильными к воспящению действия представляются, н. п.: *жадным победительским рукам не мог возбранить пламень, чтобы горящей Трои не расхищали.*
- 7) Когда действие на самую действующую вещь обращается, н. п.: *Гомер, когда стихами своими других избавлял от забвения, тогда себя вечной памяти предал.*
- 8) Когда действие тщетным представляется, н. п.: *он пращи и стрелы за, гнилое дерево почитает.*

§ 77

От места витиеватые речи привести можно:

- 1) Чрез пренесение вещей на неприличное место, н. п.: *прежде рыбы в лесах, а овцы на дне морском пастись будут, нежели я твое благодеяние забуду.*
- 2) Когда к одному месту два разные свойства приписаны будут. Так, у Сенеки говорит Андромаха, сокрываяючи сына своего от греков во гробе отца его, Гектора: *ежели судьбина бедным помогает, то вот тебе здесь защита, а если судьбина жить запрещает, то вот тебе и гроб.*
- 3) Когда на разных местах разные свойства одной вещи придаются, н. п.: *он в доме отец, в полках Гектор, на море Тифис.*
- 4) Когда место представляется как препятствие сильное или недействительное, н. п.: *хоть ныне я в волнах плову, но волны не гасят любви.*

§ 78

Время подает витиеватые речи:

- 1) Когда оно на другое, себе противное, переменено будет, н. п.: *твое к нам пришествие среди зимы весну приводит.*
- 2) Когда вещь из одного времени в другое перенесется, н. п., Андромаха говорит женщинам троянским: *ваша Троя ныне, а моя уже тогда упала, когда бесчеловечный Ахиллес терзал мои члены (то есть Гектора)?*
- 3) Когда время против[ные] себе свойств[а] имеет, н. п.: *о весна, юность лета, прекрасная мати цветов, хотя ты возвращаешься, но кроме тоски ничего с собою не приводишь.*

§ 79

От причины рождаются замыслы:

- 1) Когда вместо прямой посторонняя и неприличная причина действию приложится, н. п., Александр говорит к своим солдатам: *мы погрешили, мои солдаты, ежели мы только для того Дария победили, чтобы рабу его отдать государство?*
- 2) Когда причина действия будет вымышлена, н. п.:

*Вливаясь в Понт, Дунай ревет,
Отзывкой плеску шум прибавил,
Сердит волнами турка льет,
Что смелость, кровь, шатры оставил.*

§ 80

От предыдущего и последующего производятся замысловатые речи:

- 1) Когда начало концу подобно представится, н. п.: *Медея с Язоном беззаконно совокупилась, беззаконно разлучилась, при браке брата, а при разлучении детей своих убила.*

2) Когда предыдущее время с последующим соединяется, н. п.:

*Мне полдень с утром вдруг вступает,
Весна цветы и плод являет
В дражайшей всех душе твоей.*

3) Когда из двух последующих последнее прежде первого предлагается, н. п.:
*в моем нечаянно оскорбленном сердце после теплой весны лютая зима
настает.*

§ 81

Обстоятельства рождают замыслы:

- 1) Когда оне за признаки какого-нибудь действия или вещи почтутся, н. п.:
*сгоревший храм Дианы Ефесския предвозвестил имущий возгоретися в Азии
военный пламень от великого Александра, которого в ту ночь Олимпиада
родила*
- 2) Когда обстоятельство самой вещи сравнено или уподоблено будет, н. п.,
о скупом:

*Ты тверже, нежели тот металл,
Который в стену ты заклал.*

...

http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_0260.shtml

Михаил Матвеевич Херасков

(1733–1807)

М. М. Херасков довольно тесно связан с литературной жизнью Москвы и с Московским университетом.

М. М. Херасков является автором довольно большого количества литературных произведений. Прежде чем вы начнёте читать приводимое здесь его произведение, найдите другие херасковские произведения и определите их жанр.

Интерес к русской истории связывает Хераскова с другими русскими писателями XVIII века – с кем из них конкретно? Как изображается в поэме идея просвещенного монарха?

РОССИАДА
поэма эпическая

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Российское государство в самые отдаленные времена, которые нам древние историки известными учинили, было сильно, соседям страшно, многими народами уважаемо; оно ни единой европейской державе славою, силою, изобилием и победами, по тогдашнему государств состоянию, не уступало; а пространством своим все прочие, как и ныне, превосходило. Но после великого князя Владимира¹¹ расторжение России на разные доли, удельные княжества, междоусобия, неурейства и властолюбие размножившихся князей время от времени силы ее истощать начинали; а наконец бедственному игу хищных орд поработили. С того времени угасла прежняя российская слава и в целом мире едва известною учинилась; она под своими развалинами в забвении близ трех веков лежала. Сие жалостное и позорное состояние, в которое Россию набеги татар и самовластие их погрузило, отторжение многих княжеств, прочими соседями у ней похищенных, беспокойство внутренних ее мятежников, вовсе изнуряющих свое отечество, — сие состояние к совершенному падению ее наклонило. Зло сие простерлось до времен царя Иоанна Васильевича первого¹², вдруг возбудившего Россию, уготовавшего оную к самодержавному правлению, смело и бодро свергшего иго царей ордынских и восставившего спокойство в недрах своего государства. Но царство Казанское при нем еще не было разрушено; новгородцы еще не вовсе укрощены были; соседственные державы должного уважения к России еще не ощутили. Сия великая перемена, в какую сие государство перешло из слабости в силу, из уничижения в славу, из порабощения в господство, сия важная и крутая перемена произошла при внуке царском Иоанне Васильевиче втором¹³, который есть герой сея поэмы.

Итак, не должно ли царствование Иоанна Васильевича второго поставлять среднею чертою, до которой Россия, бедственного состояния достигнув, паки начала оживотворяться, возрастать и возвращать прежнюю славу, близ трех веков ею утраченную? Когда вообразим в мыслях наших государство, совсем

¹¹ *Великий князь Владимир* — великий князь Киевский Владимир Всеволодович Мономах (1053–1125).

¹² *Царь Иоанн Васильевич первый*. Так Херасков называет великого князя московского Ивана III Васильевича (1440–1505).

¹³ *Иоанн Васильевич второй* — Иван IV Васильевич, прозванный Грозным.

расстроенное, от соседственных держав угнетенное, внутренними беспокойствами раздираемое, несогласием многоначальства волнуемое, иноверцам поработненное, собственными вельможами расхищаемое, когда все сие вообразим и представим себе молодого государя, самодержавную власть приемлющего, неустройства в отечестве искореняющего, сильных и страшных неприятелей державы своей поправшего, многоначальство обуздывающего, мятежников в недрах отечества усмирившего, отторженные соседями грады возвращающего и целые государства своему скипетру присовокупившего, несогласие и гордость бояр укротившего, благоразумные законы подающего, воинство в лучший порядок приводящего, — не почувствуем ли уважения толь великого духа к государю?.. Таков был царь Иоанн Васильевич!

Иностранные писатели, сложившие нелепые басни о его суровости, при всем том по многим знаменитым его делам великим мужем нарицают. Сам Петр Великий за честь поставлял в мудрых предприятиях сему государю последовать. История затмевает сияние его славы некоторыми ужасными повествованиями, до пылкого нрава его относящимися, — верить ли толь не свойственным великому духу повествованиям, оставляю историкам на размышление. Впрочем, безмерные царские строгости, по которым он Грозным проименован, ни до намерения моего, ни до времени, содержащем в себе целый круг моего сочинения, вовсе не касаются.

Воспевая разрушение Казанского царства со властью державцев ордынских, я имел в виду успокоение, славу и благосостояние всего Российского государства; знаменитые подвиги не только одного государя, но всего российского воинства; и возвращенное благоденствие не одной особе, но целому отечеству, почему сие творение и «Россиадою» названо. Представляю молодого монарха, лаврами увенчанного; сего монарха, о котором и г. Ломоносов в краткой Российской летописи утверждает, что сей царь уже по смерти первой своей супруги Грозным учинился и что неустройства бояр, наподобие крутой бури, нравы его возмутили; чему должно было приключиться гораздо после взятия Казани. Прославляю совокупно с царем верность и любовь к отечеству служивших ему князей, вельможей и всего российского воинства. Важно ли сие приключение в российской истории? Истинные сыны отечества, обозрев умом бедственное тогдашнее России состояние, сами почувствовать могут, достойно ли оно эпопеи... а моя поэма сие оправдать обязана.

Издавая в свет сей осьмилетний мой труд, ныне в третий раз исправленный и во многих местах дополненный, чувствую несовершенствы и недостатки оногo,

в сравнении с другими эпическими поэмами. Слабо сие сочинение, но оно есть первое на нашем языке; а сие самое и заслуживает некоторое извинение писателю.

Повествовательное сие творение расположил я на исторической истине, сколько мог сыскать печатных и письменных известий, к моему намерению принадлежащих; присовокупил к тому небольшие анекдоты, доставленные мне из Казани бывшим начальником университетских гимназий в 1770 году¹⁴. Но да памятуют мои читатели, что как в эпической поэме верности исторической, так в деписаниях поэмы искать не должно. Многое отметал я, переносил из одного времени в другое, изобретал, украшал, творил и созидал. Успел ли я в предприятии моем, о том не мне судить; но то неоспоримо, что эпические поэмы, имеющие в виду своем иногда особливые намерения, обыкновенно по таковым, как сия, правилам сочиняются.

ВЗГЛЯД НА ЭПИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

В «Илиаде» Гомер воспевае гнев Ахиллесов за похищение его невольницы Бризеиды царем Агамемноном, гнев, толико бедственный грекам и Пергаму;

14 *Анекдоты, доставленные мне из Казани бывшим начальником университетских гимназий в 1770 году.* Анекдот – здесь короткий рассказ об историческом случае. Директором казанской гимназии, подчинявшейся Московскому университету, с 1764 г. был Ю.И. Каниц (ум. 1781 г.). Ему принадлежит первый по времени разбор «Россиады», напечатанный сначала на немецком языке в «Рижском журнале», затем в переводе на русский опубликованный в журнале «Санкт-Петербургский вестник» (1779, август). в связи с этим И.И. Дмитриев писал: «Когда Херасков издал «Россиаду», общество Новикова, состоявшее большею частью из друзей – почитателей первенствующего тогда поэта, вознамерилось написать разбор его поэмы, разумеется, выставить ее лучшую сторону. и что же? Избранные им сочинители неоднократно собирались в дом Новикова. Писали, чертили, переправляли и наконец при всем своем усердии сознались в своем бессилии и предоставили этот труд совершить немцу, директору казанской гимназии» (И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь. – Сочинения под ред. А. Флоридова, т. 2. СПб., 1893, стр. 59). Современная Хераскову критика не решалась взяться за оценку его произведений. Так, после выхода в 1787 г. «Эпических творений» Хераскова Ф. И. Туманский писал: «Творения господина Хераскова признаны от всех знающих драгоценными произведениями... Рассуждение о его сочинениях было бы здесь не у места, и я считаю себя гораздо слабым, чтобы дерзнуть на суждение изящного. Итак, изъявляю токмо публике содержание оных...» («Зеркало света», 1787, № 82, стр. 495). Взгляд на эпические поэмы. в этом втором, как бы историко-литературном предисловии к «Россиаде», появившемся в третьем издании поэмы, Херасков устанавливает отношение «Россиады» к наиболее известным образцам жанра и ближайшим для себя признает «Генриаду» Вольтера. Однако Херасков недостаточно подчеркнул то значение, которое имела для его работы героическая поэма Ломоносова «Петр Великий» (1760–1761). Несмотря на то, что она была незакончена – написаны только первые две песни, – произведение Ломоносова открыло путь русской героической поэме и оказало свое полезное влияние на Хераскова (см. А. Н. Соколов. Очерки по истории русской поэмы XVIII – первой половины XIX века. Москва 1955, стр. 154 и сл.).

кровавые битвы, пагубу осаждающих и пагубу осажденных троян. Патрокл, друг Ахиллесов, убит Гектором, он мстит за своего друга — убивает храброго Гектора, и тем поэма оканчивается.

В «Одиссее» воспето десятилетнее странствование итакского царя Улисса; возвращение его в дом свой и страшное избиение любовников Пенелопиных, которое «Минстерофанией» наречено.

Вергилий в несравненной «Энеиде» воспел побег Энеев из разоренной греками Трои, прибытие его в Карфагену, любовь его с Дидоною, неверность его к сей несчастной царице. Другой побег его, в Италию, где, убив Турна, сопрягается он с Лавиниею, невестою сего почтенного князя.

В «Погубленном рае» важный Мильтон повествует падение первого человека, вкушение запрещенного плода, торжество дьявола, изгнание Адама и Евы из рая за их непослушание, и причину злополучия всего человеческого рода.

Волтер начинает свою «Генриаду» убиением Генриха III¹⁵, а оканчивает обращением Генриха IV¹⁶ из одной религии в другую, — но прекрасные стихи его всё делают обворожительным.

Армида в Тассовом «Иерусалиме»¹⁷, прекрасная волшебница Армида есть душа сей неоцененной поэмы; ее хитрости, коварства, ее остров, ее нежности, ее самая свирепость по отбытии Ренода восхитительны¹⁸, но не суть назидательны.

Пробежим «Лузиаду» Камознсову¹⁹ и «Фарзалию» Луканову²⁰. Первая есть странствование лузитанцев в Африку, обретение некоторых новых земель — сказания и чудесности. Вся сия поэма есть пиитическое повествование, в коем и сам поэт имел участие. Но повествование, живою кистью писанное, сладостное, привлекательное; это есть галерея преизящных картин, непорядочно расставленных, но каждая из них восхищает, трогает, удивляет и в память врезывается.

15 *Генрих III* (1551–1588) – герцог Анжуйский, затем король Франции, – последний из династии Валуа.

16 *Генрих IV* (1553–1610) – французский король, занявший престол после Генриха III, герой поэмы Вольтера «Генриада».

17 *Тассов «Иерусалим»* – поэма Торквато Тассо (1544–1595) «Освобожденный Иерусалим».

18 *Армида, Ренод* – главные действующие лица в поэме.

19 *«Лузиада» Камознсова* – поэма Луи де Камознса «Лузиады» (1525–1580), прославлявшая португальского мореплавателя Васко да Гама и его географические открытия.

20 *«Фарзалия» Луканова*. Марк Анней Лукан (38–65) – римский эпический поэт, автор незаконченной поэмы в десяти книгах «Фарзалия», темой которой является борьба за власть между Юлием Цезарем и Помпеем в I в. до н. э. Лукан очень подробно и хронологически верно излагает различные перипетии этой борьбы, и его поэма имеет значение исторического источника.

«Фарзалию» многие нарицают газетами²¹, пышным слогом воспетыми; но сии газеты преисполнены высокими мыслями, одушевленными картинами, поразительными описаниями и сильными выражениями; в ней воспета война Юлия с Помпеем; при всем том поэма недокончена певцом своим и не была исправлена.

Для тех сие пишу, которые думают, будто эпическая поэма похвальною песнию быть должна. Эпическая поэма заключает какое-нибудь важное, достопамятное, знаменитое приключение, в бытиях мира случившееся и которое имело следствием важную перемену, относящуюся до всего человеческого рода, — таков есть «Погубленный рай» Мильтонов; или воспевает случай, в каком-нибудь государстве произошедший и целому народу к славе, к успокоению или, наконец, ко преображению его послуживший, — такова должна быть поэма «Петр Великий», которую, по моему мнению, писать еще не время. Два великие духа принимались петь Петра Великого, г. Ломоносов и Томас²²; оба начали — оба не кончили.

К такому роду поэм причесть должно «Генриаду» Волтерову — и мою «Россиаду», не сравнивая, однако, слабое мое творение с превосходной эпопеей Волтеровой. Горе тому россиянину, который не почувствует, сколь важную пользу, сколь сладкую тишину и сколь великую славу приобрело наше отечество от разрушения Казанского царства! Надобно перейти мыслями в те страшные времена, когда Россия порабощена была татарскому игу, надо вообразить набеги и наглости ордынцев, внутрь нашего государства чинимые, представить себе князей российских, раболепствующих и зависящих от гордого или уничижительного самовластия царей казанских, видеть правителей татарских не только по городам, но и по всем селам учрежденных и даже кумиров своих в самую Москву присылающих для поклонения им князей обладающих, надобно прочесть внимательно всю историю страдания нашего отечества во время его порабощения ордынцам, — и вдруг вообразить Россию, над врагами своими торжествующую, иго мучителей своих свергшую, отечество наше, победоносными лаврами увенчанное, и младого государя, прежним своим законодателям кроткие законы предписующего.

Читатель! ежели, преходя все сии бедства нашего отечества, сердце твое

21 *Газеты* – здесь: определение хроникального характера поэмы Лукана, как бы передающей подневную запись фактов.

22 *Томас* – Антуан Тома (1732–1785), французский писатель, автор похвальных слов и поэм, в числе которых есть отрывки из «Петриады», написанной в честь Петра I.

кровию не обливается, дух твой не возмутится и наконец в сладостный восторг не придет, — не читай мою «Россиаду» — она не для тебя писана — писана она для людей, умеющих чувствовать, любить свою отчизну и дивиться знаменитым подвигам своих предков, безопасность и спокойство своему потомству доставивших.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Пою от варваров Россию свободенну²³,
 Попранну власть татар и гордость низложенну;
 Движенье древних сил, труды, кроваву брань,
 России торжество, разрушенну Казань.
 Из круга сих времен спокойных лет начало,
 Как светлая заря, в России воссияло.
 О ты, витающий превыше светлых звезд,
 Стихотворенья дух! приди от горних мест,
 На слабое мое и темное творенье
 Пролей твои лучи, искусство, озаренье!

Отверзи, вечность! мне селений тех врата,
 Где вся отвержена земная суета,
 Где души праведных награду обретают,
 Где славу, где венцы тщетою почитают;

Перед усыпанным звездами алтарем,
 Где рядом предстоит последний раб с царем;
 Где бедный нищету, несчастный скорбь забудет,
 Где каждый человек другому равен будет.
 Откройся, вечность, мне, да лирою моей
 Вниманье привлеку народов и царей.
 Завеса поднялась!.. Сияют пред очами
 Герои, светлыми увенчанны лучами.
 От них кровавая казанская луна
 Низвергнута во мрак и славы лишена.
 О вы, ликующи теперь в местах небесных,
 Во прежних видах мне явитесь телесных!

²³ *Пою от варваров Россию свободенну*. Согласно поэтическому кодексу классицизма, первые строки поэмы формулировали ее тему и назывались «предложением». Обязательным было также обращение поэта к музе с просьбой о вдохновении и помощи в трудах, что делает Херасков во втором абзаце, призывая к себе «стихотворенья дух».

Еще восточную России древней часть
 Заволжских наглых орд обременяла власть²⁴;
 На наших пленниках гремели там оковы,
 Кипели мятежи, росли злодейства новы;
 Простерся бледный страх по селам и градам,
 Летало зло за злом, беды вослед бедам;
 Курений алтари во храмах не имели,
 Умолкло пение, лишь бури там шумели;
 Без действия в поле плуг под тернами лежал,
 И пастырь в темный лес от стада убежал.
 Когда светило дня к полуночи взирало,
 Стенящу, страждущу Россию обретало.
 В ее объятиях рожденная Казань
 Из томных рук ее брала позорну дань;
 Сей град, российскими врагами соруженный,
 На полночь гордою горою возвышенный,
 Подняв главу свою, при двух реках стоит,
 Отколе на берега шумящей Волги зрит.
 Под тению лесов, меж пестрыми цветами
 Поставлен Батыем²⁵ ко северу вратами,
 Чрез кои в сердце он России выбегал,
 Селенья пустошил и грады пожигал.
 С вершины видя гор убийства и пожары,

24 *Еще восточную России древней часть Заволжских наглых орд обременяла власть.* Казанское царство татар, о борьбе с которым идет речь в поэме, занимало в XVI в. среднее течение Волги от пределов нынешней Горьковской области до границ Астраханской. Оно расположилось на территории государства булгар (болгар), народа тюркского происхождения, обитавшего на Волге и Каме, о чем достоверные известия начинаются с X в. Татары, пришедшие в эти края в XIII в., подчинили себе государство булгар, и оно стало частью Кипчакской орды. В самом конце XIV века один из ханов Золотой орды, Магмет, изгнанный оттуда своими противниками в борьбе за власть, обосновался в бывшей Булгарии, построил город Казань и положил основание Казанскому царству. Последующие правители Казанского царства вели более или менее самостоятельную политику по отношению к Золотой орде и являлись весьма беспокойным внешним соседом России. Ликвидация царства татар стала в XVI в. одной из насущных задач Русского государства, и после нескольких неудачных попыток Иван IV в 1552 г. успешно решил ее, взяв приступом Казань и захватив в плен царя Едигера и виднейших казанских вельмож.

25 *Батый* (ум. 1255) – татарский хан, сын Чингис-хана. В 1237–1240 гг., находясь во главе татарских войск, после кровопролитных боев завладел многими княжествами и основал в низовьях Волги татарское государство Золотую орду со столицей Сарай. Херасков ошибочно приписывает Батыю сооружение Казани.

Где жили древние российские болгары,
 Разженны верою к закону своему,
 Казань, поверженна в магометанску тьму,
 В слезах на синий дым, на заревы взирала
 И руки чрез поля в Россию простирала;
 Просила помощи и света от князей,

Когда злочестие простерло мраки в ней.
 Подвигнуты к странам природным сожаленьем,
 Народа своего бедами и томленьем,
 На части полночь всю расторгшие князья
 Смирляли наглых орд, во бранях кровь лия.

Но как российские Ираклы ни сражались,
 Главы у гидры злой всечасно вновь рождались,
 И, жалы отрастив в глухих местах свои,
 Вползали паки в грудь России те змеи.
 Драконова глава лежала сокрушенна,
 Но древня злоба в нем была не потушенна;
 Под пеплом крылся огонь и часто возгорал,
 Во смутны россос дни он силы собирал;
 Неукротимых орд воскресла власть попоранна
 Во время юности второго Иоанна.
 Сей деда храброго венчанный славой внук
 Едва не выпустил Казань из слабых рук;
 Смутился дух его несчастливым походом,
 Где он начальствовал в войне прошедшим годом,
 Где сам Борей воздвиг противу россос брань,
 Крилами мерзлыми от них закрыв Казань;
 Он мрачной тучею и бурями увился,
 Подобен грозному страшилищу явился,
 В глухой степи ревел, в лесу дремучем выл,
 Крутился между гор, он рвал, шумел, валил,
 И, волжские струи на тучны двигнув бреги,
 Подул из хладных уст морозы, вихрь и снеги;
 Их пламенная кровь не стала россос греть,

Дабы в наставший год жарчее воскипеть.

В то время юный царь в столицу уклонился,
 Где вместо гласа труб забавами пленился.
 О ты, на небесах живущий в тишине!
 Прости, великий царь, мою отважность мне,
 Что утро дней твоих во тьме дерзну представить,
 Пресветлый полдень твой громче буду славить;
 Велик, что бурю ты вокруг царства укротил,
 Но больше, что страстям душевным воспретил.

Увидев, что Москва, оставив меч, уснула,
 Трепещуща луна из облак проглянула;

Храняща ненависть недремлющи глаза
 От Волги поднялась как страшная гроза;
 Орда, нарушив мир, оковы разрывала
 И, злобой движима, мутилась, бунтовала,
 И стала воздымать главу и рамена,
 Россию утеснить, как в прежни времена.
 Сей страшный исполин в российский грады входит,
 Убийства, грабежи, насильства производит;
 Рукою меч несет, другой звучащу цепь,
 Валятся стены вокруг, томится лес и степь.
 Уже велением коварных Сумбеки²⁶
 В Казани полились российской крови реки;

²⁶ *Еще восточную России древней часть Заволжских наглых орд обременяла власть.* Казанское царство татар, о борьбе с которым идет речь в поэме, занимало в XVI в. среднее течение Волги от пределов нынешней Горьковской области до границ Астраханской. Оно расположилось на территории государства булгар (болгар), народа тюркского происхождения, обитавшего на Волге и Каме, о чем достоверные известия начинаются с X в. Татары, пришедшие в эти края в XIII в., подчинили себе государство булгар, и оно стало частью Кипчакской орды. в самом конце XIV века один из ханов Золотой орды, Магмет, изгнанный оттуда своими противниками в борьбе за власть, обосновался в бывшей Булгарии, построил город Казань и положил основание Казанскому царству. Последующие правители Казанского царства вели более или менее самостоятельную политику по отношению к Золотой орде и являлись весьма беспокойным внешним соседом России. Ликвидация царства татар стала в XVI в. одной из насущных задач Русского государства, и после нескольких неудачных попыток Иван IV в 1552 г. успешно решил ее, взяв приступом Казань и захватив в плен царя Едигера и виднейших казанских вельмож.

И, пламенник нося, неукротимо зло
 Посады в ярости московские пожгло;
 В жилища христиан с кинжалом казнь вступила,
 И кровь страдальческа на небо возопила;
 Там плач, уныние, сиротствующих стон;
 Но их отечество сей вопль вменяло в сон.

Алчба, прикованна корыстей к колеснице,
 В российской сеяла страдание столице.
 О благе собственном вельможи где рачат,
 Там чувства жалости надолго замолчат.
 Москва, разимая погибелию внешней,
 От скорбей внутренних явилась безутешной.

Сокрылась истина на время от царя;
 Лукавство, честь поправ, на собственность воззря,
 В лице усердия в чертогах появилось,
 Вошло, и день от дня сильные становилось.

Там лесь представилась в притворной красоте,
 Котора во своей природной наготе
 Мрачна как ночь, робка, покорна, тороплива,
 Пред сильными низка, пред низким горделива,
 Лежащая у ног владетелей земных,
 Дабы служить им ко преткновенью их.
 Сия, природну желчь преобратив во сладость,
 В забавы вовлекла неосторожну младость;
 Вельможи, выгоде ревнующи своей,
 Соединилися, к стыду державы, с ней;

И лесь надежные подпоры получила,
 От царского лица невинность отлучила.
 Гонима, истина, стрелами клеветы,
 Что делала тогда? в пещеры скрылась ты!

Во смутны времена еще вельможи были,
Которы искренно отечество любили;
Соблазны счастья они пренебрегли,
При явной гибели не плакать не могли;
Священным двигнуты и долгом, и законом,
Стенать и сетовать дерзали перед троном;
Пороков торжество, попоранну правду зря,
От лести ограждать осмелились царя.
Вельможи в седилах монарха окружают,
Их слезы общую напасть изображают;
Потупленны главы, их взоры, их сердца,
Казалось, туман простерли вкруг венца;
На смутных их челах сияет добродетель,
В которых свой позор прочесть бы мог владетель.
Дух бодрости в тебе, вещают, воздремал!
Но царь, то зная сам, их плачу не внимал.

Уныл престольный град, Москва главу склонила,
Печаль ее лицо, как ночь, приосенила;
Вселилась в сердце грусть и жалоба в уста,
Тоскуют вкруг нее прекрасные места;
Унынье, растрепав власы, по граду ходит,
Потупив очи вниз, в отчаянье приводит,
Биет себя во грудь, реками слезы льет;
На стогнах торжества, в домах отрады нет;
В дубравах стон и плач, печаль в долинах злачных;
Во граде скопища, не слышно песней брачных;
Всё в ризу облеклось тоски и сиротства,
Единый слышен вопль во храмах божества.
Грызоямая внутри болезнью всеминутной,
Казалась Москва воде подобна мутной,
Которая, лишась движенья и прохлад,
Тускнеет, портится и зарождает яд.
Народ отчаянный, гонимый, утомленный,
Как будто в Этне²⁷ огонь внезапно воспаленный,

27 Этна – огнедышащий вулкан в Сицилии.

Лесистые холмы, густые деревья
С поверхности горы бросает в небеса.

Народ возволновал!.. Тогда, при буйстве яром,
От искры наглый бунт великим стал пожаром;
По стогам разлился, на торжищах горит,
И заревы Москва плачевных следствий зрит.
Противу злых вельмож мятежники восстали²⁸,
Которы строгости царевы подгнетали,
Которы душу в нем старались возмущать,
Дабы при буре сей Россию расхищать.
Два князя Глинские смятенья жертвой были,
Едино из них мятежники убили,
Другой пронырствами от них спастись умел
И новой бурей от трона восшумел.
Простерся мщенья мрак над светлым царским домом,
Непримирима власть вооружилась громом,
Разила тех мужей, разила те места,
Где правда отверзать осмелилась уста;
Поборники забав награды получали,
А верные сыны, восплавав, замолчали.

Россия, прежнюю утратив красоту
И видя вкруг себя раздор и пустоту,
Везде уныние, болезнь в груди столицы,
Набегом дерзких орд отторженны границы,
Под сенью роскошей колеблющийся трон,
В чужом владении Двину, Днепр, Волгу, Дон
И приближение встречая вечной ночи, —
Возносит к небесам заплаканные очи,
Возносит рамена к небесному отцу,

28 *Противу злых вельмож мятежники восстали.* В годы юности Ивана IV за влияние на него и за власть в стране боролись боярские группировки. После сильнейшего пожара в Москве, в июне 1547 г. боярам Захарьину, Нагому, Ф. Скопину-Шуйскому и др. удалось обвинить в поджогах приближенных к царю бояр Глинских и организовать против них народное возмущение. Юрия Глинского убили, его брат Михаил пытался бежать в Литву, был пойман, некоторое время содержался под арестом, а затем получил прощение.

Колена преклонив, прибегла ко творцу;
Открыла грудь свою, грудь томну, изъязвленну,
Рукою показав Москву окровавленну,
Другою — вкруг нее слиянно море зла;
Взрыдала, и рещи ни слова не могла.

На радужных зарях превыше звезд сидящий,
Во бурях слышимый, в перунах бог гремящий,
Пред коим солнечный подобен тени свет,
В ком движутся миры, кем всё в мирах живет,
Который с небеси на всех равно взирает,
Прощает, милует, покоит и карает,
Царь пламени и вод, — познал России глас;

И, славы чад своих последний видя час,
Дни горести ее в единый миг исчислил;
Он руку помощи простерти к ней помыслил.
Светлее стали вдруг над нею небеса,
Живительная к ней пустилася роса,
Ее печальну грудь и взоры окропила,
Мгновенно томную Россию подкрепила;
Одела полночь вкруг румяная заря,
На землю ангели, в кристальну дверь смотря,
Составили из лир небесну гармонию
И пели благодать, венчающую Россию.

Тогда единому из праведных мужей,
Живущих в лепоте божественных лучей,
Господнему лицу во славе предстоящих
И в лике ангелов хвалу его гласящих,
Всевышний рек: «Гряди к потомку твоему,
Дай видеть свет во тьме, подай совет ему;
В лице отечества явися Иоанну,
Да узрит он в тебе Россию всю погранну!..»

Скорей, чем солнца луч, текущего в эфир,
 Летящий средь миров, как веющий зефир,
 Небесный муж в страну полночную нисходит,
 Блистательну черту по воздуху проводит;
 Закрытый облаком, вступает в царский дом,
 Где смутным Иоанн лежал объятый сном;
 С пришествием его чертоги озарились,
 Весь град затрепетал, пороки в мрак сокрылись.
 Является царю сия святая тень
 Во образе таком, в каком была в той день,
 В который, в мире сем оставив зрак телесный,
 Взлетела, восстенав, во светлый дом небесный;
 Потупленна глава, лежаща на плечах,
 Печальное лицо, померклый свет в очах,
 Мечом пронзенна грудь, с одежды кровь текуща, —
 Трепещущая тень, с молчанием грядуща,
 И спящего царя во ужас привела,
 Приблизилась к нему и так ему рекла:

«Ты спишь, беспечный царь, покоем услаженный,
 Весельем упоен, к победам в свет рожденный;

Венец, отечество, законы позабыл,
 Возненавидел труд, забавы возлюбил;
 На лоне праздности лежит твоя корона,
 Не видно верных слуг; ликует лесья у трона.
 Ты зришься тигром быть, лежащим на цветах;
 А мы, живущие в превыспренних местах,
 Мы в общей гибели участие приемлем,
 Рабов твоих слова в селеньях горних внемлем.
 «Ты властен всё творить», — тебе вещает лесья;
 «Ты раб отечества», — вещают долг и честь;
 Но гласа истины ты в гордости не внемлешь,
 Ты гонишь искренность, безбожну ложь объемлешь.
 Мы, князи сей страны и прадеды твои,
 Мы плачем, взор склонив в обители сии,

Для вечных радостей на небо восхищенны,
 Тобой и в райских мы селеньях возмущенны;
 О россах стонем мы, мы стонем о тебе;
 Опомнись! нашу скорбь представь, представь себе;
 О царстве, о себе, о славе ты помысли,
 И избивенных нас злодеями исчисли».

Отверзлось небо вдруг вздремавшего очам,
 И видит Иоанн печальных предков там,
 Которы кровию своею увенчались,
 Но в прежнем образе очам его являлись:
 Батыев меч во грудь Олегову вонзен;
 Георгий²⁹, брат его, лежит окровавлен;
 Несчастный Феогност³⁰ оковы тяжки носит,
 Отмщения ордам за смерть и раны просит;
 Склонив главы свои, стонают князи те,
 Которы мучимы в их были животе.
 Там видится закон, погранный, униженный,
 Лиющий токи слез и мраком окруженный;
 Погасшим кажется князей российских род;
 Вельможи плачущи, в унынии народ;
 Там лица бледные в крови изображенны,
 Которы в жизни их ордами пораженны;
 Он видит сродников и предков зрит своих,
 Их муки, их тоску, глубоки раны их.

И тень рекла ему: «Отшед в мученье многом,
 Роптая на тебя, сии стоят пред богом;

Последний убиен злодейскою рукой
 Твой предок Александр³¹, я, бывший князь Тверской,

²⁹ Олег, Георгий – русские князья, убитые Батыем.

³⁰ Феогност (ум. 1353) – митрополит Киевский, потерпевший истязания в Орде в 1342 г.

³¹ Твой предок Александр – князь Александр Тверской (1301–1339) был убит в Орде татарами, причем немалую долю ответственности за его смерть несет московский князь Иван Калита, стремившийся подчинить Москве Тверское княжество.

Пришел с верхов небес от сна тебя восставить,
 Твой разум просветить, отечество избавить;
 зри язвы ты мои, в очах тоску и мрак,
 Се точный при тебе страны российской зрак!
 зри члены ты мои, кровавы, сокрушенны,
 И селы вобрази и грады разрушенны;
 Днесь тот же самый меч, которым я ражен,
 И тою же рукой России в грудь вонзен,
 Лиется кровь ее!.. Омытый кровью сею,
 Забыл, что бога ты имеешь судиею;
 Вопль каждого раба, страдание и стон,
 Взлетев на небеса, текут пред божий трон;
 Ты подданным за зло ответственать не чаешь,
 Но господу за их печали отвечаешь.
 Вздремавшую в тебе премудрость воскреси,
 Отечество, народ, себя от зла спаси;
 Будь пастырь, будь герой, тебя твой бог возлюбит;
 Потомство позднее хвалы тебе вострубит.
 Не мешкай! возгреми! рази! так бог велел...»

Вещал, и далее вещати не хотел.
 Чертог небесными лучами озарился,
 Во славе Александр в дом божий водворился.
 Смущенный Иоанн не зрит его во мгле;
 Страх в сердце ощутил, печали на челе;
 Мечта сокрылася, виденье отлетело,
 Но в царску мысль свой лик глубоко впечатлело
 И сна приятного царю не отдает;
 С печального одра он смутен восстает,
 Кидает грозные ко предстоящим очи.
 Как странник во степи среди глубокой ночи,
 Послыша вокруг себя шипение змиев,
 К убежищу нигде надежды не имев,
 Не знает, где ступить и где искать спасенья,
 При каждом шаге он боится угрызенья, —
 Таков был Иоанн, напомнив страшный сон;

Казалось, мерзку лесь познал внезапно он,
 Страшитя он льстецов, им ввериться не смеет.
 Несчастен царь, когда он друга не имеет;

Но в действо тайное хотенье произвесть,
 Велел в чертог к себе Адашева привести³².

Сей муж, разумный муж, в его цветущи лета,
 Казался при дворе как некая планета,
 Вступающа в свой путь от незнакомых мест
 И редко зримая среди горящих звезд.
 Придворные его с досадой угнетали,
 Но внутренно его сердца почитали.
 Адашев счастья обманы презирал,
 Мирские пышности ногами попирал;
 Лукавству был врагом, ласкательством гнушался;
 Величеством души, не саном украшался;
 Превыше был страстей и честностию полн.
 Как камень посреде кипящих бурных волн,
 Борea не боясь, стоит неколебимо,
 И волны, о него биясь, идут мимо, —
 Адашев тако тверд среди развратов был,
 От мира удален, отечество любил;
 Спокойно в дом вступил, где грозный жил владетель.
 Страшитя ли чего прямая добродетель!
 Храняща лесь еще под стражей царский двор,
 Увидя правду в нем, потупила свой взор;
 Отчаянна, бледна и завистью грызوما,
 Испытывает всё, ждет солнца, туч и грома.
 Предстал почтенный муж, и честность купно с ним;
 Так в мраке иногда бывает ангел зрим!
 В объятиях своих Адашева имеа,

32 К себе Адашева привестъ. Адашев Алексей Федорович (ум. 1560) – приближенный Ивана IV, человек незнатного происхождения, получивший в 1547 г. придворную должность окольничьего. Ряд лет Адашев пользовался большим и благотворным влиянием на Ивана IV, и это влияние он делил с московским священником Сильвестром. Адашев вел активную дипломатическую деятельность.

Со подданным монарх беседует, краснея:
 «Тебе, — в слезах он рек, — я сердце отворю;
 Ты честен, можешь ли не быть друг царю?
 Каков в пустыне был, будь верен перед троном».

Тогда о страшном сне поведав с горьким стоном,
 «Мой бог меня смирил, — он с важным видом рек, —
 Я в нынешней ночи стал новый человек;
 Стыжусь, что я благих советов уклонился...»
 Восплакал Иоанн и праведным явился.
 Как мать верный сын отечество любя,
 Адашев чаял зреть на небесах себя;

На лесь взирающий, вкруг трона соплетенну,
 Оплакивал сей муж Россию угнетенну;
 В восторге рек царю: «Благословенный сон!
 Верь, верь мне, государь, что богом послан он;
 Внемли отечества, внемли невинных стону,
 На сердце ты носи, не на главе корону.
 Что пользы подданным, что есть у них цари,
 Коль страждет весь народ, попранны алтари,
 Злодейство бодрствует, а правда угнетенна;
 Не царь порфирию, порфира им почтенна!
 Довольно презирал ты сам себя и нас;
 Настал теперь твоей и нашей славы час!»

Глаголам истины внимающий владетель
 Увидел с небеси сходящу добродетель:
 Как ангел, явльшийся Израилю в ночи³³,
 Имела вкруг главы блистательны лучи;
 «Се верный друг тебе!» — монарху говорила,
 И лик Адашева сияньем озарила.
 Увидел царь ее в его челе черты

³³ Как ангел, явльшийся Израилю в ночи. По библейским легендам, еврейскому вождю Моисею перед исходом из Египта явился ангел в пылающем огне, вслед за тем бог возвестил, что, видя страдания еврейского народа, он выведет его в землю обетованную.

И так воззвал к нему: «Будь мой сотрудник ты;
Мне нужен разум твой, совет, твоя услуга.
Всех паче благ царю искати должно друга.
Вещай мне истину, ее нам грозен вид,
Но вид сей от корон и тронов гонит стыд;
Гони сей стыд, гони, и строгим мне советом
Яви стези идти премудрости за светом!»

Адашев, чувствуя, коль хитро может лесть
От истины отвлечь, царя в обман привести,
Вещал: «От наших душ соблазны да отгоним,
Себя от здешних стен и праздности уклоним;
Небесной мудрости приобрести руно³⁴
Уединение научит нас одно;
Премудрость гордости и лести убегает,
Мирскую суету она пренебрегает,
Среди развратностей гражданских не живет,
В пещерах и лесах ее находит свет;
Где нет тщеславия, ни лести, ни дум смущенных,
Пойдем ее искать в обителях священных,
Отколе чистый дух взлетает к небесам;

О царь мой! избери сию обитель сам;
Россия сил еще последних не лишена,
Любовь к отечеству не вовсе потушена;
Вели собрать совет, на истину воззри
И нечестивости советы разори:
Увидишь славу ты парящу пред собою;
Мы ради кровь пролить, теперь готовы к бою.
Господь, Россия вся и весь пространный свет
Ко славе, царь, тебя от праздности зовет!»

Есть место на земном лице сооруженно,
Сподвижником святых отшельцев освященно;
Угодники, оттоль восшед на небеса,

³⁴ Руно – здесь: христианский символ, обозначающий «божью благодать».

Оставили свои нетленны телеса,
 Которые, прияв усердное моление,
 Даруют мир, покой, скорбящим исцеленье.
 Угодник Сергей ту обитель основал³⁵,
 Он в малой хижине великий труд скрывал;
 Небесным житием сии места прославил
 И богу там алтарь триличному поставил³⁶;
 Увидя стены вкруг и храмов красоту,
 Возможно городом почесть пустыню ту;
 В обитель божию сокровища внесены
 Являют души к ней усердием возженны;
 Там холм потоком вод целебных напоен,
 Который Сергием из камня источен;
 Развесисты древа пригорок осеняют³⁷
 И храмов на главы вершины преклоняют.
 То зданье к святости затем приобщено,
 Что славы древних лет хранит залог оно:
 Герои кистью тут живой изображенны,
 Которыми враги России низложены;
 Там виден Святослав³⁸, сидящий на земли,
 Ядущий хлеб сухой и в поте, и в пыли;
 Он зрится будто бы простой меж ратных воин,
 Но древним предпочтен Атридам быть достоин.
 Владимир³⁹ меч и пальм носящ изображен,
 Стоит трофеями и светом окружен;
 У ног его лежит поверженна химера;

35 *Угодник Сергей ту обитель основал.* Речь идет о Троице-Сергиевой лавре, мужском монастыре, основанном около 1345г. преподобным Сергием Радонежским.

36 *И богу там алтарь триличному поставил.* Согласно догматам православной церкви, Бог триедин – Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой.

37 Примечания автора: «Ныне сие место большою Живоначальныя троицы церковию застроено».

38 *Святослав Игоревич (947–972)* — великий князь Киевский, известен как опытный военачальник и храбрый воин, отличавшийся крайне неприхотливым образом жизни.

39 *Владимир Святославич (ум. 1015)* — великий князь Киевский, в чье правление Русь приняла христианство (988).

Со славой съединясь, его венчает вера.
 Там лавры Ярослав⁴⁰ имеет на главе;
 Донской⁴¹ блистает здесь; там Невский⁴² на Неве;
 Там лик великого представлен Иоанна,
 Цесарской первого короною венчанна⁴³;
 Победы, торжества, блистания венца
 К делам великим огонь внушают во сердца;
 Для сих причин в сей храм, ко славе предизбранна,
 Адашев убедил склониться Иоанна.

Еще не скрылося в волнах светило дни,
 Достигли мирного убежища они.
 Сопутницей своей имея добродетель,
 Как будто видел рай в обители владетель:
 Во славе зрится бог, присутствующий там!
 С священным ужасом вступил в господний храм;
 Он ведал, что душа, на небо вознесенна,
 От тела своего врачевна и нетленна,
 Творила многие и ныне чудеса,
 И то сказать могла, что кроют небеса;
 Приходит к Сергию, мольбы ему приносит,
 Всевышней помощи против Казани просит,
 Вещая: «Муж святой! ты Дмитрию помог
 Татарския луны сломить кичливый рог,
 И мне ты помоги, дерзнув против Казани,
 Россию оправдать во предлежащей брани;
 Мое отечество, о Сергий! и твое...
 Возносит пред тебя моление сие!»

40 *Ярослав* Владимирович, по прозванию Мудрый (978–1054) – с 1019 г. великий князь Киевский, достигший больших успехов в упрочении международного авторитета Киевской Руси, в ее культуре, просвещении и пр.

41 *Донской* – князь Дмитрий Иванович по прозванию Донской (1350–1389), «великий князь всея Руси», одержавший в 1380 г. на Куликовом поле блестящую победу над войсками татарского хана Мамаю.

42 *Невский* – князь Александр Ярославич, по прозванию Невский (1220–1263), победитель шведов (1240) и немецких рыцарей (1242), пытавшихся овладеть Новгородом и Псковом.

43 *Лик... Иоанна, цесарской первого короною венчанна*. Великий князь Московский Иван III принял титул «государя всея Руси».

Молитва в воздухе как дым не исчезает,
 Но будто молния небесный свод пронзает,
 На радужных она возносится крылах:
 Молитву искренну читает бог в сердцах;
 Она небесный свод и звезды сквозь преходит,
 В умильность ангелов, геенну в страх приводит.
 Мольбы его как гром пред богом раздались,
 Проснулася Москва, ордынцы потряслись!

В сию достойную внимания годину
 Измеривал творец двух царств земных судьбину:
 Российский до небес возвысился венец,
 Ордынской гордости означился конец;

Но победительным народам и державе
 Препятства предлежать в гремящей будут славе.
 Рассеется орда, угаснет их престол,
 Но россам наперед устроит много зол.

Тогда господнее изрек определенье
 Орган небесных тайн в священном исступленьи,
 Трепещущ, духом полн, служащий алтарю,
 Душ пастырь возвестил пророчества царю:
 «О царь! сплетаются тебе венцы лавровы,
 Я вижу новый трон, короны вижу новы!
 Но царства покорить и славу обрести,
 Ты должен многие страданья пренести.
 Гряди, и буди тверд!..» Слова произнеслися
 И гласом песненным по сводам раздалися.
 В душе монарх тогда спокойство ощутил
 И паки шествие ко граду обратил.
 Адашев к славе огонь в царе усугубляет,
 Написанных князей в предсении являет.
 «Се Рюрик, предок твой, — вещает он царю, —

Троянску отрасль в нем и Августову зрю⁴⁴;
 Он, силы подкрепив колеблемой державы,
 Потомкам начертал бессмертный образ славы.
 Се Ольга⁴⁵ мудрая, казняща Искорест,
 Лучи вокруг главы, в руках имеет крест;
 Коль свято царствует полночную страну!
 Жена прославилась правленьем и войною!
 Се праотцы твои! Взгляни на них, взгляни:
 Ты видишь славу их! колена преклони.
 Здесь кисть учение твое изобразует...»
 И деда царского Адашев указывает,
 Который внутрь и вне покоил царств раздор;
 Но, кажется, к царю суровый мечет взор
 И внука праздностью на троне укоряет.

Краснея, Иоанн на лик его взирает,
 Ток слезный от стыда из глаз его течет,
 «Начнем, начнем войну!» — Адашеву речет.
 И се парящая в кругах эфирных слава
 Гласит: «Готовься цвествь, Российская держава!»
 Благочестивый дух царя в Казань ведет;

Престольный град его с гремящим плеском ждет.
 Всевышний на него склонил свою зеницу,
 И царь торжественно вступил в свою столицу;
 Окрестности ее внезапно процвели,
 Во сретенье ему, казалось, роци шли;
 Суровостью времен веселость умерщвлена
 В долинах и лесах явилась оживленна;

44 *Троянску отрасль в нем и Августову зрю.* Согласно легендарной генеалогии, московские князья вели свой род через Рюрика от первого римского императора Августа Гая Юлия Цезаря Октавиана (63 до н.э. – 14 н.э.).

45 *Ольга* — русская княгиня, принявшая христианство. В летописи говорится о том, что, мстя за убийство мужа, князя Игоря Рюриковича, в 946 г. она сожгла древлянский город Искорест («Искоростень, Коростень, ныне г. Овруч, Житомирской обл.).

Как будто бы струи прешедый чермных вод⁴⁶,
 Ликует на холмах толпящийся народ;
 Подъемлет высоко Москва верхи златые,
 И храмы пением наполнились святые;
 Любовью видит царь возженные сердца,
 Зрит в подданных детей, они в царе — отца;
 На лицах радости, в очах увеселенье,
 И духом сладкое вкушает умиленье.

Коль царь всевышню власть нечестием гневит,
 Натура вся тогда приемлет смутный вид;
 Но если под венцом сияет добродетель,
 Ликует весь народ, натура и владетель.
 Казалось, Иоанн вновь царство приобрел;
 Избранной думе быть в чертоги повелел⁴⁷;
 Доныне стольный град стелящийся, утруженный
 Явился, будто бы осады свободенный.

...

http://az.lib.ru/h/heraskow_m_m/text_0010oldorfo.shtml

46 *Струи прешедый чермных вод*. По библейскому сказанию, евреи, спасаясь от египетского рабства, перешли через расступившиеся перед ними воды Чермного, т.е. Красного моря (между Африкой и полуостровом Аравия).

47 Примечания автора: «Избранная дума именовалась в то время вышнее правительство, что ныне Сенат».

Русская литература XVIII века
Избранные тексты I.
Хрестоматия

Josef Dohnal

Vydala Masarykova univerzita v roce 2013

1. vydání, 2013

Sazba: Ing. Vladislav Pokorný – LITERA, Tábor 43a, 612 00 Brno

ISBN 978-80-210-6496-6